

ДЖУЛЬЕТТА СТРЕЛЯЕТ ПЕРВОЙ

р о м а н

Всеми любимая
Татьяна
Садовникова
возвращается!



АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Annotation

Татьяна Садовникова получила неожиданное предложение отправиться на далекий остров — там искусственно создано государство, гражданами которого стали русские миллионеры. На Матуа нет ни преступности, ни полиции, ни жестких законов. Но, оказавшись практически в раю, богачи быстро заскучали, перестали интересоваться искусством, спортом, самосовершенствованием и начали элементарно спиваться. Татьяна должна разработать новую национальную идею, которая вернет население к активной жизни. Казалось бы, работа мечты, но с первых же дней на острове Садовникова начала замечать некоторые странности, и с каждым днем их становилось все больше и больше. Закрывать глаза не в ее характере, и Татьяна начала все глубже погружаться в тайны острова, не замечая, что с каждым шагом приближается к бездне...

- [Анна и Сергей Литвиновы](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)



Анна и Сергей Литвиновы

Джульетта стреляет первой

Город родимый — дыра дырой. Одноэтажки позапрошлого века вперемежку с хрущобами. В Рязани с Тулой хотя бы Кремль, во Владимире — централ, а у них — ни единой достопримечательности. Если редкий приезжий спросит, куда сходить, — его в недавно построенный торговый центр с киношкой направляют. На полном серьезе.

Старики смирились, родаки — кто на полумертвом химкомбинате за копейки вкалывает, кто в Москву на вахту мотается. Молодежь дружно мечтает сбежать навсегда. Только лет до семнадцати куда денешься? До замужа или до абитуры ты прикована дочерним долгом и школой.

Но Люся не хотела ждать совершеннолетия. Она регулярно слала посылки троюродной тетке в Санкт-Петербург, надеялась — вдруг та к себе пригласит? Чатилась на форумах русских, что осели за границей. Даже на ненавистном английском переписывалась — с френдами из Америки и прочих заманчивых стран.

— В школьных олимпиадах участвуй, — советовал мечтатель-отец.

— Готовить учись, — наставляла вечно замотанная мать.

Однако Люся в свои двенадцать уже поняла: ни таланта, ни желания к наукам у нее нет. Личико миленькое, но в фотомодели не позовут. Спорт, музыка — муторно, да и поздно. Но в шестом классе додумалась записаться в городскую театральную студию. Чего бы нет, если занятия бесплатные? Зато научат, как себя подать лучше.

Играть Бекки Тэтчер или Алису из Страны чудес ей не доверяли, но роли *подруг главной героини* у Люси получались. Родители ходили на все спектакли, оглушительно хлопали из первого ряда. И даже пикнуть не посмели, когда в седьмом классе дочь огорошила: она едет в Москву, на театральный фестиваль.

«Ух, развернись!» — мечтала Люся на жесткой верхней полке плацкартного вагона.

Но детский коллектив сопровождал десяток взрослых церберов, из гостиницы поодиночке не выпускали, вся столица — только из окна экскурсионных автобусов.

«Тома Сойера» показывали в Домах культуры и школах, красавице Бекки Тэтчер иногда дарили цветы, Люсю (на поклонах она всегда стояла

сбоку, у самой кулисы) никто не замечал. Она тоскливо улыбалась в размытое пятно зрительного зала. А когда однажды на сцену вошел молодой человек и протянул букет именно ей, испуганно отпрянула.

Он настойчиво вложил цветы девчонке в ладошку и шепнул:

— Там записка. Обязательно позвони.

Люся еле дождалась, пока занавес, зловеще скрипя, скроет от них торопящихся к выходу зрителей. Расталкивая друзей-артистов, ринулась в туалет, дрожащими руками выдернула из-под целлофановой обертки бумажку — только номер телефона. И короткая фраза: *«Это твой шанс остаться в Москве»*.

Смотрела. Озадаченно хлопала глазами. Лицо парня, что вручил букет, почти не запомнила. Прыщавый, невысокий. Он в нее влюбился? А вдруг это помощник продюсера?! Ищет актрису — хоть в сериал, хоть на «кушать подано»?!

Конечно, она позвонила.

И на следующий день — будто шпион! — ускользнула из Оружейной палаты (их водили туда на экскурсию).

В автобусе — когда пересчитывали по головам — отсутствия девочки не заметили. Что ее нет на ужине — тоже. Тревогу подняли только в одиннадцать вечера — соседки по комнате побежали ябедничать, что Люська загуляла. До часу ночи опрашивали коллектив, потом обратились в полицию. С утра Люсин портрет уже показывали по телевизору и распечатывали в «Лизе Алерт».

Городские видеокамеры отследили: девочка ныряет в метро на станции «Охотный Ряд». Потом на «Фрунзенской» садится в белую «Мицубиси» без номеров. Дальше машина мелькает в районе университета — и больше не появляется. Девочка будто исчезает с лица земли.

Ее семью и друзей показывают по телевизору, приглашают на ток-шоу.

«Люсенька, доченька! — плачет в телекамеру мать. — Вернись, пожалуйста, домой!»

А экстрасенсы — куда без них — до хрипоты спорят. Один уверяет: тело ребенка — на дне глубокого черного озера. Второй взрывается: «Люсю похитили цыгане! Ее заставляют попрошайничать. Надо искать на вокзалах!»

Но оба врут.

Солнце не появлялось уже пятнадцатый день.

Таня сунула ноги в тапочки на меху, подошла к окну, взглянула на уличный термометр. Минус один, вместо снега — склизкий, пакостный дождь. Девушка запахнула потуже махровый халат. И вдруг расхохоталась.

Чего она ведет себя, словно старуха?

Распрямила плечи и отправилась к зеркалу. Вглядывалась в лицо безо всяких поблажек — под яркой лампой, с близкого расстояния. Однако осталась довольна. Пусть по утрам она хандрит и мерзнет, но выглядит беспечной и юной. Единственную морщину между бровями (косметолог называла ее «складкой гордячки») они совместными усилиями побороли. Глаза блестят, цвет лица прекрасный. Раньше Татьяна обожала тестировать инновации — чудодейственные кремы, биодобавки, омолаживающие якобы процедуры. Нынче (годы прибавили ума!) поняла: нужно всего лишь высыпаться и по часу в день бегать. Обязательно на свежем воздухе. В любую погоду.

Низкое небо некрасиво переливалось всеми красками серого. Ветер выл тонко и злобно. Прохожие дружно сутулились, прятали носы в воротники темных, под стать погоде, курток.

Ей по-прежнему хотелось на диван, под плед и, может быть, даже грелку в ноги. Но Таня мужественно надела ярко-синие спортивные брючки, алый легкий пуховичок, шапку цвета летнего неба. Зашнуровала зимние кроссовки и бросилась противостоять лени и погоде.

Россыпь мокрого мутанта, то ли дождь, то ли снег, ударила по лицу. Прямо у подъезда (тоже мне, респектабельный район!) блестела под тонким ледком огромная лужа. Таня прыгнула, поскользнулась, едва не упала. В кроссовке хлюпнула вода. Но, вместо того чтобы чертыхнуться, девушка улыбнулась непогоде. Дерзко, с вызовом. И, огибая озерца грязи, побежала к парку.

Вернулась после пробежки распаренной и почти счастливой. Набрала ванну с пеной, нарезала витаминной закуски — киви, мандаринчики, пижонский кумкват. Принесла планшет, включила Штрауса, плюхнулась в воду, раскрыла журнальчик.

Глянец распахнулся на странице с тропиками. Красавица, шезлонг, коктейли. И солнца неизменный свет.

Татьяна хмыкнула, закончила из Блока: «Живи еще хоть четверть века. Все будет так. Исхода нет».

Мрачным февралем сложно не вспоминать о лете. В их рекламной тусовке народ вообще помешался. Многие бывшие сослуживцы ушли в дауншифтеры. Сбегали от депрессивной московской зимы на Бали,

Филиппины, Гоа. Хвастались: если сдавать квартиру да еще подрабатывать удаленно, можно жить почти королевичами.

Таня восторги беглецов не разделяла. Она сама, конечно, тоже пробовала — благо зарплата немалая — уезжать зимой в теплые края. И всегда дня три искренне восторгалась лазурными водами океана, тропическими коктейлями, гламурными закатами, восхитительным бездельем. Но потом начинала отчаянно скучать. По отчиму с его бигосами и гуляшами. По мамочке с ее суматошной и навязчивой заботой. А главное — она искренне не понимала, чем в тропическом раю можно заняться. Йога, медитации, поиск внутреннего «я»? Но ей куда больше нравилось не копаться в себе, а действовать. Дайвинг, серфинг и кайтинг быстро надоедали. Мемуары писать? Она для этого слишком молода. Просто книги читать? И в Москве можно.

К тому же тропический расслабон очень быстро размягчал мозг. Таня всегда гордилась, что легко переключается с английского на французский и с ходу может придумать десяток слоганов — хоть про пиццу, хоть про карбюраторы. Но после трех дней купаний, безделья и коктейлей ум будто в спячку впадал.

— Так и надо, ты наконец начинаешь расслабляться! — поучали опытные дауншифтеры.

Но Таню состояние тотальной лени пугало и раздражало. Зачем жить, если ты овощ? Зачем вставать по утрам, если днем тебя ждет только спящее море и раскаленный песок? Что за скука — когда никто тебя не разыскивает, не теребит, не прессует!

Лучше домой. Под серое, но родное небо.

Коллеги дружно причитали, что отвратительный московский климат вгоняет их в творческий кризис. Но Садовникова на отсутствие идей никогда не жаловалась. С азартом принимала все новые и новые вызовы. На просевший после кризиса рынок хочет выйти производитель роскошных авто? Возьмусь, богачи-покупатели в России всегда найдутся. Бывший советский завод наладил производство действительно натуральных соков, но не может пробиться сквозь яркие пачки суррогатов? Тоже выручим.

Многие коллеги-рекламисты в последние годы расслабились. Считали: потребитель — *быдло*, любую пошлость проглотит. Яркая, креативная продукция конца девяностых — начала двухтысячных неуклонно сменялась агрессивной, бездарной и наглой. Но особенно Татьяна расстраивалась, когда видела халтуру в социальной рекламе.

Полное свинство!

Ведь только-только страна начинала добреть. Не под себя тянуть, но и ближнему помогать стремились. Не важно, ребенку или котенку. Люди искренне, с добрым сердцем, шли в волонтеры. Жертвовали. Ездили в хосписы и детские дома.

Народ благодарить надо. Подсказывать, кому и как еще помочь.

Но придорожные рекламные щиты пестрели общими словами, и у Тани складывалось четкое ощущение: «социальщики» лениво, без души осваивают государственные гранты. А на самих больных детей им решительно наплевать.

Таня — если могла — всегда бросалась спасать тех, кому худо. Даже в Тибет однажды летала — чтобы помочь умирающей девочке^[1].

И сейчас — когда в коммерческой рекламе научилась всему — решила уйти в социалку. Использовать свой талант на благие дела.

Позвонила Демьяну — хедхантеру, кто уже лет пять помогал ей строить карьеру. Но тот решительно приговорил:

— Дело не для звезд.

— Я согласна потерять в деньгах.

— Правильней сказать — обнищать. Продашь машину, станешь на маршрутке ездить, — предрек собеседник.

— Все равно узнай.

— Хозяин — барин.

Через пару дней Демьян перезвонил, озвучил максимальную зарплату. Оказалась она ровно в пять раз меньше ее нынешней, и Таня малодушно признала: терпеть омерзительные московские зимы да еще получать за это гроши она никак не готова.

Помогала знакомой многодетной семье, бесплатно сдавала кровь — но трудиться продолжала на коммерческой ниве. Хотя все чаще прихватывал стыд — за собственное здоровье, молодость, красоту. За хорошую квартиру, новый автомобиль раз в три года, путешествия в самые соблазнительные дали. «Раз у тебя все хорошо, почему так мало помогаешь другим?» — нашептывала совесть.

Но идти в волонтеры она боялась. Фондам не доверяла. А внезапные порывы благотворительности не всегда удавались.

Попыталась однажды одарить нищенски одетую старушку с клюкой, выточенной из обломка доски, а та деньги отринула. Наградила высокомерным взглядом:

— Я не нуждаюсь в милостыне.

Нет, переустраивать человечество нужно глобально.

Шанс представился неожиданно.

Воскресным полднем раздался телефонный звонок. Таня не сомневалась: кто-то из подруг или кавалеров зовет в ресторан на бранч.

Но на проводе оказался ее агент по работе. Демьян.

— Ты дни недели перепутал? — чрезвычайно удивилась Татьяна. — Сегодня ведь выходной!

— Пожары всегда случаются, — хмыкнул он. — Я такую «морковку» для тебя раздобыл — класс! Но нужно прямо сейчас на собеседование ехать. В Новую Москву. К трем. Успеешь?

Садовникова опешила. В годы студенчества она, конечно, срывалась по первому свистку. Но в нынешнем статусе одной из лучших рекламисток Москвы ее переманивали совсем по-другому. Сначала всегда следовало предложение: более высокая зарплата, перспективы, бонусы. Встречаться часто вообще не просили. Все и без того прекрасно знали красавицу, умницу, сгусток энергии. А портфолио — реклама по ее сценариям — и так на всех центральных каналах.

— Не иначе, в Министерство культуры пригласят, — пошутила Татьяна. — Или к президенту в советники.

— Обижаешь! — гордо отозвался Демьян. — Все куда круче.

— Куда выше-то?

Сейчас девушка работала творческим директором в американском агентстве.

— Фактически свой бизнес у тебя будет, — важно изрек хедхантер.

— Зачем он мне? — фыркнула Садовникова.

Чтобы открывать собственное дело, учил великий отчим Валерочка, надо быть ушлым, беспринципным и гибким. Людьми в шахматы играть. Свою маржу высчитывать мгновенно, без калькулятора.

— Танюх, я тебе когда-нибудь *лажу* предлагал? — интимно молвил Демьян. — Раз звоню в воскресенье, говорю «приезжай», значит, дело на миллион. А по дороге почитай учебник. По твоей любимой социальной рекламе.

Хихикнул. Продиктовал адрес и самонадеянно трубку повесил.

Садовникова отложила телефон. Свой бизнес в области социальной рекламы. Сразу противоречие. Как можно делать деньги на добре?

Но собеседование — вызов, битва! — все равно куда интересней, чем чирикать с девчонками на бранче.

Татьяна пулей выскочила из постели и начала собираться.

Оделась — раз речь о социальном проекте — нарочито скромно.

Охранник черно-глянцевого бизнес-центра взглянул с удивлением: из новой «Инфинити» практически хиппи вышла: экологичная шубка

искусственного меха, сумка из кусочков пестрой, явно не натуральной кожи. Спросил подозрительно:

— Вам назначено?

— Я в пентхаус «Взлетный», — улыбнулась Татьяна. — На собеседование.

— Тогда поднимайтесь. Семьдесят четвертый этаж.

Таня двинулась к зданию. По пути оглядела парковку.

Машин совсем немного. У самого входа — «Бентли» и «Гелендваген». Чуть дальше — крошечный электромобиль. Рядом с ним — красный джип «Мерседес» с эффектной аэрографией. Черная акула с человеческим лицом. Где-то Таня видела это пижонское произведение искусства.

Лифт вознес девушку над россыпью хрущевок и деревенских домишек. Кое-где вместо них зияли котлованы. Новая Москва меняла облик. Начали, как водится в России, не с поликлиник и даже не с хороших дорог. Первым посреди огромной территории нового микрорайона возник бизнес-центр из черного мрамора.

«Несерьезное место», — еще по пути решила Татьяна.

А на семьдесят четвертом этаже окончательно разочаровалась. Прямо у лифта — стремянка, ведра с краской. Напротив — пустые комнаты без дверей. Предбанник перед «Взлетным» не ухожен: стол без компьютера, для посетителей — только подумать — деревянные стульчики. Секретарша плохо причесанная, в вязаном кардигане, лак на ногтях облупился.

Хмуро взглянула на Татьяну, приказала:

— Садитесь, ждите.

Девушка обернулась к своим, как она поняла, конкурентам и слегка опешила.

Обоих присутствующих она знала.

Дама с рыжим взрывом волос на голове — известная благотворительница Нонна Байкова. Открывала столовые для бездомных, убежища для женщин, переживших насилие. Звезд организовывала на бесплатные концерты в хосписах и детских домах. Имидж — профессиональная добрячка, бессребреница.

Бесконечно длинный молодой человек — ноги вытянул до середины комнаты, голова, даже сидя, почти под потолок — популярный блогер Михаил Чайкин. Пишет едко, метко, хлестко. Однажды возжелал помочь больному ребенку — и собрал своими постами и перепостами огромную сумму, на лечение пятерых хватило. С тех пор — как писали СМИ — активно взялся менять мировоззрение россиян. В его проекте «Сто рублей спасут жизнь» уже миллионы участвовали.

«Да, и «мерс» красный — его. Он своей аэрографией на «Ночи пожирателей рекламы» хвастался», — вспомнила Таня.

Но зачем их троих — абсолютно разных — тут собрали?

— Скажите, как называется ваша организация? — обратилась она к секретарше.

Та пожала плечами:

— Вызовут — все объяснят.

— Любезно.

Садовникова перевела взгляд на конкурентов. Оба, похоже, тоже пребывали в неведении. Чайкин вкрадчиво спросил:

— И вы на собеседование?

— Да, — кивнула Татьяна.

Часы с боем (что за странное украшение в полупустой комнате?) зловещим хрипом отсчитали три удара.

И немедленно ворота в пентхаус распахнулись. На пороге показался очень юный, загорелый, улыбчивый и явно «не наш» юноша. Кивнул секретарше:

— Мы готовы.

Та пружиной вылетела из-за стола, кинулась к посетителям:

— Теперь входите!

Блогер с благотворительницей поспешно вскочили. Таня осталась сидеть.

— Вы чего? — зашипела на нее хранительница предбанника.

— Мы пойдем все вместе? — вскинула брови девушка.

— Да! — яростно шепнула секретарша. — Вставай!

Садовникова покачала головой. Ну и влипла она! Даже когда на «Гербалайф» агитируют, собеседование всегда проводят один на один.

Но воскресенье все равно безнадежно потрачено — надо хотя бы посмотреть, что здесь за цирк.

В пентхаус Татьяна вошла последней. Благотворительница с блогером уже сидели в разных уголках кожаного дивана. Прямо перед ними на небольшом постаменте возвышался стол. Там восседали двое. Давешний загорелый юноша. И рыхлый, уже в годах, дядечка. Веки отеки, щеки все в сосудистых звездочках. То ли сердечник, то ли выпивает. Синяя рубашка, коричневый галстук. Подмышки серого костюма потные. Лицо кислое. Глаза хитрые. Пацан и чиновник. Интересная связка.

Садиться меж двух конкурентов Татьяне не хотелось. Отстранила подпихивающую под спину секретаршу, вышла. Принесла из приемной стул. Поставила — чуть в стороне от дивана.

Рыхлый мужчина усмехнулся:

— Не играешь по чужим правилам?

Садовникова не стала обижаться на тыканье. В конце концов, она молода, а пожилые дядечки обожают чувствовать себя важными покровителями.

Улыбнулась высокой комиссии и еле заметно повела носом:

— Простите. Люблю автономию.

Мужики наверняка сами сейчас учуют, что от блогера пахнет несвежей одеждой, а от благотворительницы — мучительно сладкими духами.

— Ну, коли самая умная — тогда и начинай, — лукаво улыбнулся рыхлый господин.

Таня с детства ненавидела садиться в лужу и сейчас интуитивно чувствовала: от нее ждут вовсе не рассказа о себе. Но как узнать, чего?

Юнец с интересом пялился на ее грудь. Таня ему поощрительно улыбнулась. Взглянула жалобно: «Спаси, мол!»

И парень понял призыв.

Произнес поспешно:

— Филипп Борисович, давайте я сначала диспозицию обрисую.

Самый важный поморщился, но спорить не стал:

— Ладно, Марк. Только коротко.

Юноша соскочил с возвышения:

— Есть в одном море-океане остров. Площадь — как у Сент-Джона, каких-то пятьдесят квадратных километров. Электричество, водопровод, канализация. Пляжи, виды, прекрасный климат. Рай. Одна небольшая проблема: до ближайшей земли — восемьсот морских миль. И аэропорта не имеется.

Таня с удовольствием отметила: благотворительница с блогером недоуменно переглядываются. Значит, на Карибах не бывали.

Решила вмешаться, блеснуть:

— Ваш сказочный остров расположен в сторону мыса Горн? Если идти от Карибов?

Марк не растерялся:

— Мы пока не говорим о точном географическом положении. Я хочу обрисовать ситуацию в принципе. Итак, имеется частный остров. Четыре тысячи жителей. Все — выходцы из России. Плюс персонал — мексиканцы, филиппинцы, этих тысячи две. Но законы там наши. Официальный язык русский. И даже валюта — рубль.

Блогер решительно перебил:

— Чушь. Никто не позволит покупать остров, да еще и свои законы

там устанавливать.

Таня снова не удержалась:

— Почему нет? Греки свой Патроклос давно на продажу выставили, всего за 150 миллионов евро. Только никто не берет пока.

На лице благотворительницы Нонны отобразилось крайнее раздражение.

— Слушайте. Меня сюда приглашали, чтобы обсудить социально значимый проект, — сердито произнесла она. — А мы о чем говорим?

— Так не даете ведь договорить! — улыбчиво упрекнул загорелый. — Давайте я продолжу. Итак, остров. На нем четыре тысячи наших. Все успешные, состоятельные. По местным законам, проживать могут лишь те, кто купил собственный дом плюс внес приличную сумму на депозит. Занимаются кто чем. Книжки пишут, компьютерные программы. Но большинство — скажем честно — бездельничают. Поначалу все кричали: «Рай, рай!» Но прошел год, другой — обжились островитяне, заскучили. Одних сумасшедших закатов оказалось мало — захотели еще каких-нибудь зрелищ. А всех развлечений на острове — единственный бар. Вот и стали хандрить. Ссорятся. Пьют много. Подростки дурной пример со старших берут.

— А разве им разрешено продавать алкоголь? — вкрадчиво улыбнулась Татьяна.

— Ну, там ведь не совсем Россия. Часть законов мы модифицировали. Активисты выдвинули идею, устроили референдум, большинство высказались «за», — пояснил загорелый. — Решили: в шестнадцать лет покупать пиво можно. Теперь понимаем: ход был поспешный. Но недавно провели опрос: шестьдесят четыре процента ничего менять не хотят. Им удобно отпрысков за выпивкой посылать. И как назад отыграть — непонятно.

Прокашлялся, возвысил голос:

— И от вас, соискателей, требуется решить эту проблему. Нужно доказать, что наш остров — не утопия. И что рай на земле — бывает.

Блогер, кажется, заинтересовался. Азартно спросил:

— Сколько у нас есть времени на разработку концепции?

— Нисколько, — жизнерадостно улыбнулся налитанный солнцем Марк. — У каждого — по минуте. Слушаем ваши предложения — а дальше будем думать.

— Ну, знаете... — Нонна Байкова грузно поднялась. — Подобные программы с кондачка не создаются. Как я могу за минуту и без всякой подготовки найти решение настолько серьезной проблемы?

«Ну и гуляй отсюда», — подумала Татьяна. Не потому, что всерьез решила бороться за должность — слишком уж сладко и терпко от тетушки воняло.

Но благотворительница хотя и встала, уходить не спешила. Решительно молвила:

— Однако я все равно скажу. В самых общих словах, иначе не получится. Людей на вашем острове обязательно надо занять чем-то значимым. Например, отобрать здесь, в России, человек двадцать сирот из патронатных семей — и отправить туда на каникулы. С жителей — кров, стол, развлечения, научить, кто чему может. Поликлиника у вас там есть?

— Да, конечно. И амбулатория, и больница.

— Тогда примите еще и стариков. В России миллионы колотятся на жалкую пенсию. А вы им — солнце, море, фрукты тропические. Уход и лечение.

— А если жители не захотят этим заниматься? — прищурился Загорелый.

— Предлагайте льготы. Особые условия. В конце концов, примите закон: продавать алкоголь только тем, кто благотворительностью занимается.

Таня заметила: рыхляк с нездоровым лицом что-то черкнул в блокноте. А благотворительная дама продолжала заливаться:

— Можно с малого начать: пусть жители заведут себе друзей по переписке. Из бедных семей, из детдомов. Посылочки пришлют, словом, поддержат. А кто не хочет, — усмехнулась, — тем отключайте газ.

— Газа на острове нет, но вашу идею я понял, — кивнул Филипп Борисович. — Спасибо. Возможно, мы с вами свяжемся.

Загорелый немедленно кинулся к даме. Подхватил под ручку, проводил к двери.

— Кто следующий? — рыхлый дядечка перевел взгляд с блогера на Таню.

Марк наградил девушку успокаивающим взглядом. И произнес:

— Давайте теперь послушаем мужчину.

Михаил Чайкин вскочил. Он (Татьяна видела) явно не привык к подобным аврамам. Руки дрожали, веко дергалось. Но заговорил бойко:

— Позволю себе поспорить с предыдущим оратором. Заставлять заниматься благотворительностью можно предпринимателей. В обмен на снижение налогов. Но ленивым богатым людям эти ваши сиротки будут, пардон, по барабану. Я бы лучше людей в искусство вовлек. Элементарно делается, если вы не в курсе. Знаете, сколько человек нужно, чтобы

поставить спектакль? Двое. Режиссер и помощник. Сценарии, реквизит, костюмы — мелочь, в двух чемоданах помещаются. А про славу и сцену мечтает любой, только не все признаются.

Таня скосила взгляд на Филиппа Борисовича. Тот снова сделал в блокноте пометку. Не похоже, что кого-нибудь из них вообще возьмут на работу. Кажется, банально идеи собирают. Забесплатно.

Но блогер (чего ему там наобещали?) шевелил извилинами так, что лицо покраснело и струйки пота по щекам потекли:

— Или не обязательно Мельпомена. Театр для богатого человека — старо, скучно, сложно. Можно предложить массу более примитивных, но весьма захватывающих развлечений. Квесты. Лабиринты. Пейнтбол. Игры в виртуальной реальности. Вариант шоу «Lost» устроить. Безусловно, потребует определенных затрат, но не верьте тем, кто миллионные сметы представляет. Мой друг в квест вложил триста тысяч «деревянных» — и второй год от клиентов отбоя нет. Многие по пять-шесть раз приходят.

«Третьим быть тяжело. Все уже до тебя сказали», — мелькнуло у Татьяны.

Впрочем, трудности девушку смущали редко. И когда блогер, пыхтящий от только что пережитого нервного напряжения, покинул ристалище, она с улыбкой произнесла:

— Только стабильное тело дает стабильный ум.

Ей показалось: рыхлый дядечка машинально втянул живот. Марк взглянул одновременно робко и восторженно.

Садовникова поднялась с деревянного стульчика. Спина прямая, лицо спокойное. С улыбкой взглянула на экзаменаторов:

— Я расскажу вам, что имею в виду. Но прежде мне хотелось бы узнать, за что мы тут все боремся.

— Ты борешься за счастье жить рядом со мной, — осмелел загорелый.

И немедленно получил — девушка сухо произнесла:

— Мое имя Татьяна Валерьевна. И даже президент нашего международного рекламного холдинга обращается ко мне только на «вы».

Отвернувшись от смутившегося Марка, спросила рыхлого:

— Какую должность вы предлагаете?

— Работа мечты! — попытался перехватить инициативу молодой человек. — Исключительная, потрясающая позиция.

— А детали?

— Контракт на год, — буркнул дядечка. — Пятьсот тысяч долларов. Свой дом, пляж. Машина, прислуга.

— А отпуск?

— После года работы. Если мы, конечно, решим сотрудничать с вами дальше.

— Тогда мне это не подходит, — вздохнула Татьяна. — Извините, что отняла ваше время.

И направилась к двери.

Спиной чувствовала: мужчины озадачены. Возмущены. Очарованы. Неужели никто не захочет ее вернуть? Эй, Марк, взволнуйся!

И он решился. Произнес, когда она уже входную дверь открывала:

— Подождите, Татьяна Валерьевна.

— Я вас внимательно слушаю, — постаралась улыбнуться максимально очаровательно.

— Вы уходите, так и не изложив свою концепцию, — упрекнул парень.

— А зачем? — пожала плечами она. — Работать на вас я все равно не буду. А чирикать бесплатно не люблю.

— Тебе пару сотен подкинуть? За твои *идейки*? — рыхлый презрительно улыбнулся. И достал бумажник.

— За пять слов — слоган для модного журнала — мне заплатили десять тысяч. Американских долларов, — уточнила Татьяна.

— А мне вот даже интересно, — вновь подал голос иссушенный солнцем Марк. — Впервые вижу человека, кому не нужна *работа мечты*.

— Правда, Татьяна, почему? — поддержал его Филипп Борисович.

— У меня пожилые отец и мама, — пожала плечами Садовникова. — Я не могу оставить их на целый год и улететь на другой край земли.

— У вас будет целый дом. Кто мешает взять их с собой? — пожал плечами рыхлый.

«Реплика обнадеживает», — обрадовалась Татьяна.

Она вовсе не собиралась приглашать с собой ни отчима, ни тем более маму. Охота была на тропическом острове жить под тотальным контролем! Но раз спокойно позволяют ехать вместе с родителями — однозначно не ловушка и не подстава.

Садовникова решительно произнесла:

— А еще я хочу знать, кто вы такие.

И снова председатель высокой комиссии дал слабинку. Буркнул:

— Марк, представь.

Загорелый кивнул на рыхлого:

— Филипп Борисович Терновой. Житель острова. Избранный мэр. А я — всем понемногу занимаюсь. В комиссии по культуре заседаю, наше единственное печатное издание редактирую.

— У вас и такое есть? — изумилась Татьяна. — Газета или журнал? Терновой в раздражении постучал по столу костяшками пальцев.

— Танечка. Я понял, что тебе надо было подумать. Но твоё время вышло.

Садовникова ещё в университете научилась рассуждать на любую тему и лить воду, даже когда ничего не знала. Она понятия не имела, что её ждёт сейчас — «пятерка» или позор. Но главное — не молчать. Говорить уверенно.

— Благотворительность, театр — всё это, безусловно, хорошо. Но хорошо для человека трезвого, с незамутненным разумом. А ваши жители, как я поняла, пьют запойно?

Филипп Борисович сделал отстраняющий жест, и она быстро добавила:

— Хорошо. Пусть не напиваются. Но «пина колада» каждый день. Скажете, не так?

Марк фыркнул.

— В этом и есть корень проблемы, — с важным видом изрекла Татьяна. — Нет стабильного ума без стабильной оболочки. Вам не благотворительность развивать надо, а прежде всего людям мозги на место поставить. Пропагандировать здоровое питание, спорт. Культ красивого тела. У вас есть волейбольная площадка?

Мужчины переглянулись.

Марк неуверенно ответил:

— У Кремера на вилле теннисный корт.

— Он матчи для других жителей проводит?

— Какие матчи? — хмыкнул мэр. — Так, с сыном постучат иногда.

— А я имею в виду общую для всех волейбольную площадку. У вас ведь имеется какой-нибудь парк? Там и устроить.

— Никто не пойдёт, — заверил Марк.

— Конечно, не пойдёт. Сначала придется всех вытягивать, организовывать. А потом войдут во вкус. Уверяю.

— У вас имеется опыт подобной работы? — пристально взглянул на нее Филипп Борисович.

— Массовиком-затейником пока не была, — улыбнулась Татьяна. — Но сама веду здоровый образ жизни. И отрекламировать могу что угодно. Вы об этом, несомненно, знаете.

Она самонадеянно считала: ей прямо сейчас отдадут работу мечты. Ещё и поторговаться получится — за более высокую зарплату.

Но мэр снова развалился в кресле, распустил живот и отмахнулся от

нее вялой ладошкой:

— Спасибо, Татьяна. Через неделю дадим знать, что мы насчет вас решили.

А Марк улыбнулся — грустно и виновато.

«Все-таки воскресенье насмарку».

Садовникова хмуро проследовала через предбанник и даже охраннику на выходе не улыбнулась, хотя он и дверь прибежал для нее распахнуть, и в глаза преданно заглядывал.

Шла к машине, сердито думала: «Бред натуральный. Остров на Карибах — но законы российские. Да быть такого не может! Прав Чайкин: подстава. На дурачков расчет. Да еще собеседование устроили на выселках, в каком-то недострое».

Правда, Демьян раньше никогда не подводил. Все его предложения были реальные, более чем достойные. Блогер с благотворительницей — тоже довольно известные шишки. Ради пустяка на дальнюю окраину Москвы не поедут. И краснеть-волноваться не будут.

Впрочем, Татьяне быстро надоела дедукция. Она села в своего красавца «Инфинити» (вдвойне приятно, что не от любовника цацка получена, а честно заработана). Аккуратно тронулась. Снег усилился, ветер трепал голые деревья и рекламный щит с девушкой и надписью «Я свободна!».

Садовниковой вдруг вспомнился старый-престарый журнал «Семья и школа» (у отчима целая подшивка имелась — воспитывал падчерицу по науке). Недавно от скуки пролистывала, наткнулась на письмо женщины. Та недавно развелась с никчемным мужем и гордилась, что теперь ни от кого не зависит. Таня тогда порадовалась за неведомую читательницу. Но дальше в журнале шли комментарии. Предшествовал им суровый заголовок: «Свободна. От чего?»

Кандидаты наук, психологи и прочие ученые наперебой доказывали: одной — плохо. Одной — нельзя.

Иногда — серыми зимними сумерками — Садовникова с ними соглашалась.

Она включила щетки на максимальный режим, врубила обогрев всего, чего можно, а также веселый, безнадежно устаревший «Ottawavan» и поняла, что ей страшно не хочется сейчас ехать домой, в пустую квартиру.

Счастье, что имелся в ее жизни человек, который всегда был ей рад.

Звонить, предупреждать не стала: любимый отчим — отчаянный домосед, куда ему из дома в столь ужасную погоду. А еда у Валерочки всегда вкусная — независимо, ждет он гостей или нет.

Таня заехала в магазин, купила торт, хорошего чая, набор приправ — великому кулинару Ходасевичу всегда пригодится. И велела навигатору везти из Новой Москвы на улицу Сельскохозяйственную.

Валерий Петрович встретил ее в спортивных штанах, клетчатой ковбойке и тапочках ей в тон. На его массивной, но осанистой фигуре даже столь примитивный комплект смотрелся элегантно. А когда лицо отчима осветилось бесконечно счастливой улыбкой, Тане он показался самым красивым человеком на земле.

Бросилась толстяку на шею, обняла, прижалась к безупречно выбритой щеке, вдохнула запах свежести, хорошего мыла, дорогого лосьона. Да еще — обратила внимание — из кармана ковбойки выглядывает уголок носового платка, идеально отглаженный.

— Ты такой элегантный, кого-то ждешь? — лукаво улыбнулась падчерица.

— Танюшка! Да кто ж ко мне приходит, кроме тебя.

Отчим, несмотря на свои габариты, легко присел, вынул из обувного шкафчика ее тапочки.

— Валерочка! Ну чего ты! Я бы сама достала.

— Нет уж, деточка, — его глаза сияли. — За любимыми гостями я всегда ухаживаю сам.

Галантно принял из ее рук экологичную шубку, повесил на плечики. Захлопотал:

— Ну, проходи. С чего начнем? Есть пельмешки. Лепил саморучно. Фарш, правда, покупной, но сильно улучшенный. Семгу пару дней назад засолил, сегодня должна быть готова. Грузди есть. Багетик французский сегодняшний. Масло с травами.

— Ох, Валерочка! — Она поставила в холодильник торт. — Давай... все! Я целый день голодная.

— Диета? Или дела?

Он поставил на плиту кастрюлю с водой. Достал семгу, принялся нарезать ее — тончайшими, прозрачными ломтиками.

— Ох, ты не поверишь. Я ходила на собеседование.

— Куда?

— Да чудеса. Вот как ты сам думаешь, может такое быть, чтоб остров где-то на краю земли, чуть не у мыса Горн, но жили бы там все русские? И законы наши? И даже валюта — рубль?

Валерочка разложил семгу красивым веером, кивнул:

— Конечно, может. Только он не у мыса Горн, а ближе к острову Пасхи.

Таня опешила.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, скажем так, не из открытых источников, — улыбнулся отчим.

— Подожди, — Таня подозрительно взглянула на толстяка, — это ты, что ли, мне собеседование организовал?!

— Танюшка, я старый, никому не нужный отставник и давно ничего не организовываю. Но остров могу показать. Принеси, пожалуйста, атлас. А то у меня руки жирные. Открой страницу, где Чили. Видишь ромбик — вот здесь, слева, в Тихом океане?

Буквы мелкие, но Таня — не зря делала специальные упражнения из йоги для зрения! — разглядела без труда.

— Остров Матуа, — пробормотала она. — Это как-нибудь переводится?

— Так звали вождя полинезийского племени. Хоту Матуа. Он со своими людьми высадился здесь в начале пятнадцатого века. Основал поселение, а потом отправился дальше, к острову Пасхи.

— Слушай, прямо равносторонний ромб! — Таня все-таки прищурилась, чтоб рассмотреть.

— А остров Пасхи — равносторонний треугольник, — улыбнулся Валерий Петрович. — В тех краях вообще много чудес. Слышала про каменных истуканов? Высотой больше десяти метров, обхват — почти пять. Как такое могли сделать в махровом пятнадцатом веке?

— Но откуда на этом Матуа русские взялись?!

— Танюшка, я эту тему изучал давно и по верхам, поэтому много рассказать не могу. — Валерий Петрович вдохновенно украсил блюдо с семгой веточками укропа и теперь идеально ровными колечками резал лук и посыпал им соленые грузди. — Лет двадцать назад наша Россия была отчаянно бедна. Зато у некоторых ее жителей появились сумасшедшие деньги. Люди без фантазии вкладывали их в недвижимость и бриллианты. Но были среди взлетевших из ниоткуда миллиардеров персонажи достаточно творческие. И одному из молодых, да ранних пришла в голову идея купить остров, поселить на нем равных себе и зажить в спокойствии и неге.

— А кто этот утопист? Олигарх?

— Сын очень богатых людей. Папа с мамой растили его как царя и ни в чем не отказывали. Но дело не ограничилось лучшими игрушками мира. Он знает несколько языков, хороший спортсмен, получил блестящее образование — экономика, юриспруденция, да еще и консерватория. Первое место работы, не смейся, — обычная музыкальная школа. Парень

протестовал таким образом против гиперопеки родителей. Идея с островом, где практически коммунизм, пришла ему в голову, когда он слушал симфонический эскиз «Море» Клода Дебюсси. Юноша изложил свой план родителям, те оценили — однако финансировать отказались. Но мальчик оказался упрямым. Немедленно покинул сферу культуры. Согласился — под руководством отца — делать бизнес. Очень скоро папу превзошел. Когда заработал достаточно, осуществил мечту на собственные деньги. Так и живет с тех пор в рукотворном раю на краю земли.

— А как его звать, этого утописта?

— Прости, запомнил — о нем давно ничего не слышно. Но имя какое-то необычное.

— А на острове правда сплошные миллионеры? — живо заинтересовалась Татьяна.

— Почти. Там нельзя жить в гостинице или снимать жилье. Обязательное условие — владеть недвижимостью. А небольшой домик стоил от восьмисот тысяч «зеленых». К тому же владелец острова требовал, чтобы ай-кью у хозяина — не меньше ста двадцати. Обязательно диплом о высшем образовании. И никаких судимостей.

— Чудеса.

— Наша структура тоже беспокоилась, — тонко усмехнулся Валерий Петрович.

— И купила там оперативную квартиру, чтоб всех контролировать? — хихикнула Татьяна.

— Купили бы, да бюджет не позволил. Но по своим каналам узнали: никаких заговоров, никакого криминала. Живут в свое удовольствие. В океане купаются. Особо продвинутые местные письма пытаются расшифровать — язык до конца не изучен. Один оригинал эликсир молодости изобретает. Развлекаются, короче.

Валерий Петрович ловко обернулся к плите, аккуратно (ни капли кипятка не брызнуло) поместил в кастрюлю пельмени.

Таня не удержалась, похитила с тарелки молоденький груздь. Усмехнулась:

— Могу добыть для вашей конторы деталей. Меня на Матуа работать позвали.

— Да ты что?! Кем?

— Здоровую жизнь наладить.

— Ну-ка, расскажи! — Глаза у отчима загорелись.

— Я расскажу, но буду жевать, — предупредила Татьяна.

Смаковала семгу на поджаренном багете, закусывала грибочками и

описывала — в лицах — сегодняшнее собеседование и своих конкурентов.

Когда на ее тарелке появилась ладная стопочка пельменей со свежемолотым перцем и сметанкой, взмолилась:

— Больше ни слова!

— Кушай, кушай, Танюшка, — захлопотал Валерий Петрович.

Налил ее любимой, ледяной, французской минералки (всегда держал в холодильнике). Выставил на стол еще пару соусов.

На тридцать четвертом пельмене девушка устало откинулась на мягкую спинку кухонного дивана:

— Все, Валерочка. Завтра ни в одни брюки не влезу.

— Тебе это не грозит.

Он достал из холодильника торт.

— Так что, — Таня решительно подобрала с тарелки два последних пельменчика, — ехать мне на этот остров?

— Конечно, езжай! — ни секунду не сомневался отчим. — Новое дело, новые люди. Это тебя развлечет.

Мама — та считала, что дочка, при ее должности и доходах, должна быть полностью довольна жизнью. И только отчим понимал, насколько его бойкая падчерица устает от однообразия. От бесконечно повторяющегося маршрута: работа — дом — фитнес — ресторан — работа.

— И климат там, кстати, хороший — куда лучше, чем в тропиках, — вспомнил отчим. — Среднегодовая температура — градусов двадцать, по моему. Морской воздух и нежаркое солнце. Говорят, очень полезно для кожи.

— Ага, — кивнула Татьяна. — Мой косметолог давно мне загорать запрещает. Говорит, надо ездить на курорты типа Литвы.

— Ну, на Матуа тебе будет гораздо интереснее, чем в Прибалтике, — заверил отчим.

* * *

Таня всегда была самонадеянна — да и основания к этому у нее имелись. Кандидат наук, английский с французским свободные, одна из лучших в стране спецов по рекламе. Плюс острый ум и неземная красота. Кому еще — как не ей! — выигрывать конкурс на должность мечты?

И конкурентов своих она видела. Да, те больше на слуху, но объективно благотворительница с блогером смотрелись куда более бледно. Демьян, правда, намекнул: на собеседование приглашали и других

известных людей. Но даже если рыхлый Филипп Борисович со своими сподвижниками всех и всяческих звезд отсмотрел — все равно она, Татьяна, самая лучшая.

Однако ровно на седьмой день ей пришла сухая эсэмэска: «Благодарим за участие, но ваша кандидатура не подошла».

Садовникова (как всегда бывает, когда стопроцентно уверен в победе) психанула. Схватила с журнального столика вазу. Примерилась. Знакомый психолог убеждал: воспетый Маргарет Митчелл и кинематографом поступок Скарлетт О'Хары реально помогает снять стресс. Но в последнюю секунду удержалась, кидаться в стену не стала. Мамуля разворчит (ее подарок). Да и осколки потом убирать лень.

Залепила лоу-кик дивану и прямой справа занавеске. Потом включила компьютер. Быть не может, чтоб победитель не похвастался.

Вбила в поисковик: «работа мечты». В глаза лезли сплошь обманки: «Путешествуй за наш счет, води дневник и получай сто тысяч в месяц!» «Инструктор по дайвингу на Таити, зарплата 15 000 у. е.» (те, кто ездил, жаловались, что еле-еле пятьсот в месяц наскребается).

Счастливицу велели держать язык за зубами? Таня расширила сферу поиска. «Остров». «Тропики». «Миллионеры». Продралась сквозь владения Онассиса, Рыболовлева, Копперфильда. И вдруг увидела запись в нашем, российском блоге.

Адъес, амигос! Никаких больше «Торро гриль» и «Астерий». Через неделю отбываю на новую должность. В жизни не угадаете, кем буду. Практически аниматор. Стану развлекать миллионеров на крутом тропическом острове. За изрядную, прошу заметить, зарплату.

В комментариях, разумеется, посыпались десятки вопросов: что за остров, где, какая реально должность.

Михаил Чайкин (тот самый, с кем Татьяна встречалась на собеседовании) партизанил, водил подписчиков за нос. Народ подкалывал: «Врешь, мол!» Парень не спорил: «Кто не верит — считайте, что вру».

Но Садовникову больно ранило, что владелец пижонского «Мерседеса» говорит правду.

Больше про остров мечты она не вспоминала (как и Скарлетт, умела выкидывать неприятное из головы). Только Валерочке позвонила, призналась:

— Не взяли меня в синекуру.

Отчим отреагировал спокойно:

— Значит, тебе туда не нужно.

И Таня — как раз началась новая рабочая неделя — погрязла в делах.

Задача стояла интереснейшая: снять ролик в духе «Астон Мартин» Джеймса Бонда. Единственное и фатальное отличие — в главной роли выступал отечественный автомобиль.

Автозавод доверял Татьяне безоговорочно, все просьбы и прихоти исполнял по первому свистку. Выделил в личное пользование суперрастюнигованный, с усиленным движком и миллионом наворотов, выставочный образец. Садовникова пару дней покаталась, собрала немало любопытных (а больше насмешливых) взглядов. Оценила работу двигателя, дизайн, комфорт. И с сожалением объявила на очередном мозговом штурме: правду снять не получится. Придется врать.

— В первый раз, что ли? Реклама — фабрика иллюзий, — фыркнул копирайтер.

— К тому же в столбы все врезаются. И «жигулята», и «мерсы», — меланхолично добавил арт-директор.

— Это ты к чему? — обернулась к нему Татьяна.

— Да вон, в ленте. Джип на Ленинском фонарь снес. Под корень.

— Пьяный?

— Непонятно. Тело еще только вырезают.

Садовникова не любила чернухи — тем более во время производственных совещаний. Но сейчас потребовала:

— Покажи.

Арт-директор перебросил ей через стол планшет.

Обломки красного «Мерседеса». И насмешливый, человеческий взгляд акулы на крыле.

Неужели?..

Таня обернулась к стажерке:

— Быстро узнай, кто был за рулем.

Девушка (студентка журфака) надула губы, нахально пискнула:

— Я сюда пришла рекламе учиться!

Садовникова сдвинула брови. Косметолог бы сейчас отругала — но стажерка покорно побрела к компьютеру, начала листать новостные сайты.

Минут через двадцать, когда общий разговор давно ушел от аварии, радостно выкрикнула:

— Михаил Чайкин!

— Ты чего орешь? — возмутился погруженный в творческий процесс копирайтер.

А у Тани екнуло сердце.

Чайкин. Тот самый блогер. Не попал он на остров мечты.

Когда Таня собирала мозговой штурм, на КЗоТ ей было плевать. Сидеть могли до полуночи, до часа, двух ночи. Стажеры бегали за пончиками, подхалимы обожали отправить начальству емейл часика в три утра. Но сегодня — хотя в воздухе уже отчетливо витала *идея* — Садовникова распустила всех точно в восемнадцать ноль-ноль. Но сама домой не пошла — побежала в свой кабинет.

Смерть Чайкина напрочь выбила ее из колеи.

«Послушай, подруга, — попыталась урезонить себя, — тебе-то что до бедняги? Ну, погиб — земля пухом. Тебе его должность не предлагали!»

Но тут и Демьян позвонил. Восторженный, шумный:

— Танюха! А ведь не зря я в тебя верил! Десять процентов мои готовы!

Она поняла сразу. Но изобразила недоумение:

— Ты про что?

— На остров поедешь! Мне только что твой контракт переслали. Должность — вообще упасть: *куратор по оздоровлению нации*. Ты только послушай, как звучит!

— Они же сказали, я им не подхожу.

— А теперь передумали! Пятьсот тысяч в год, свой дом, вид на океан, неограниченный бюджет и полная свобода действий. Пункт 3.7.1 вообще чума: «Возможность планировать рабочий день по собственному усмотрению». Ты когда-нибудь такую лафу видела? Все на ненормированных графиках сидят, по пятнадцать часов в день пашут, а ты сама решаешь — или в офис, или на пляж.

— Хорошо, Демьян. Присылай контракт, — попросила Таня. — Я подумаю.

— Да что тут думать?! Соискателей — больше тридцати было! И почти все — звезды, многие покрупче тебя!

— Мой электронный адрес ты знаешь! — рявкнула Садовникова.

Положила трубку.

Компьютер пискнул — явилась электронная почта.

Таня кликнула на иконку «открыть».

Внимательно прочитала контракт. Заманчиво, черт возьми. Некоммерческая организация «Остров Матуа» — помимо огромного оклада — оплачивает страховку и премии по результатам работы. В распоряжении исполнителя — подключенный к Интернету компьютер, спутниковая связь. Разрешено приглашать гостей (их кандидатуры, правда, должен одобрить

городской совет). Единственное ограничение — не рассказывать о своей работе в социальных сетях, не публиковать фотографий, не обсуждать местных жителей.

Снова зазвонил телефон. На определителе светилось: «Демьян».

Таня не взяла трубку. Через пару минут шлепнулась эсэмэска: *«Чайкин и ты были два ключевых кандидата. За него стоял мэр, за тебя Марк. Ясно, что сначала взяли мэрского. Он выбыл, осталась ты. Все логично».*

Таня оставила послание хедхантера без ответа. Сердито подумала: «Тебе, Демьянушка, хорошо — ни за что отхватить пятьдесят тысяч «зелененьких». В пекло-то самому не лезть».

Нужно с Валерочкой посоветоваться. Причем срочно.

Таня распечатала контракт, бросила в сумочку. Сменила офисные туфли на сапожки, накинула полушубок. Кокетливо повязывать шарфик и красить губы не стала. По закону подлости в коридоре столкнулась с шефом. Тот чрезвычайно удивился:

— Что, концепция по автомобилям уже готова?

— Пока нет, — не стала врать Таня.

— Но почему вы тогда уходите? — начальственный взор полыхнул льдинами.

Что официально рабочий день закончен и у нее могут быть *свои дела* — объяснять бесполезно.

— Все будет. Я еще вас никогда не подводила, — вздохнула Татьяна.

— Пока, — многозначительно парировал шеф.

И даже не попрощался. Юркнул в свой кабинет. Сейчас впишет какую-нибудь пакость в ее личное дело.

Таня посмотрела на офисные часы. Семь вечера. Самые пробки. До Сельскохозяйственной, логова отчима, ползти и ползти.

Она вышла на парковку. Стоял очередной противно влажный февральский вечер. Погода притворялась зимней, но крупные снежинки ударялись об асфальт и мгновенно превращались в серую жижу. Стекла у Таниной машины обледенели, короткая дубленка не спасала мягкое место от холода.

Стучала зубами почти минуту — пока салон не прогрелся.

«Да что я дурака валяю?! Сбежать в тропики — и дело с концом».

Садовникова с трудом втиснулась в плотный, нервный автомобильный поток.

Когда добралась до Сельскохозяйственной, Валерочка сразу потащил ее за стол. Девушка (обедать сегодня опять было некогда) проглотила огромный бифштекс, слопала полмиски салата, закусила жареным сыром,

подострила любимой своей корейской морковкой.

Устало и сыто откинулась на спинку мягкого стула. И безо всякой радости доложила:

— Я все-таки еду на Матуа. Мой конкурент сегодня погиб. На своем «Мерседесе» в столб врезался. Мне предложили его должность.

Отчим остро взглянул на Таню:

— Ты уже согласилась?

— Пока нет.

— Правильно.

— Сам говорил: удивительные совпадения только в плохих детективах бывают. Почему человек разбился, едва получил работу мечты? Вдруг и меня убьют, как только я соглашусь?!

— Кому это выгодно? — словно бы про себя спросил Валерий Петрович.

— Понятия не имею. Но ситуация настораживает.

— Значит, отказывайся.

— Это проще всего, — фыркнула Татьяна. — Но я-то хочу поехать на Матуа! Сколько уже сиднем сижу, безо всяких приключений! А тут другой конец света. Остров в океане, тропики. Работа интересная. Челлендж. Вызов... — взглянула на отчима умоляюще. — Вот. Реши за меня.

— Решаешь ты все равно всегда сама, — усмехнулся он. — Но я попробую помочь.

— Меня торопят.

— Подождут.

Больше о работе мечты не говорили. Выпили чаю, заели тортиком.

Когда падчерица отправилась домой, Ходасевич сразу включил компьютер.

Возможности пользоваться *особыми* базами у него не было, но нынче и в открытом доступе о любом человеке — гора информации. Пара часов серфинга по блогам, сайтам и форумам, час на раздумья. Ситуация выглядела весьма подозрительно.

Машина у Чайкина была исправна. Уличная камера зафиксировала: ехал в общем потоке со скоростью шестьдесят семь километров в час. Но внезапно завилял и врезался в столб. Имелась в Сети также запись с видеорегистратора свидетеля аварии. И его же комментарий:

— Когда парня из машины вырезали, от него водкой за километр несло.

Однако как уверяла масса знакомых Чайкина — тот, если за рулем, максимум бокал вина выпивал. А тут вдруг водка. Да много. Нетипичный

поступок. Но и никаких убедительных доказательств злого умысла. Человек взрослый. Вряд ли в него насильно алкоголь вливали. Да и пьяненький мог запросто доехать. Если бы ангел-хранитель помог.

Вездесущий Интернет утверждал: в свой последний путь Михаил Чайкин отправился от ресторана «Ми Густо». Валерий Петрович просмотрел сайт заведения: Москва, центр, работает с утра и до последнего посетителя. Ценник запредельный — вряд ли посетителей много. Значит, есть шанс, что блогера вспомнят.

Когда Ходасевич в десять вечера вышел из дома, сосед, кутивший у подъезда, захлопал глазами:

— Неужели на гулянку?

— Почти, — усмехнулся полковник.

Успел в «Ми Густо» очень удачно — администратор ресторана как раз собиралась уходить, подкрашивала перед зеркалом губы.

Фальшивыми удостоверениями, как и природной наглостью, Ходасевич не обладал. Но с женщинами обращаться умел.

Он предложил администратору проводить ее до ближайшей станции метрополитена. Единственный наводящий вопрос — и та сама начала рассказывать про последний обед Михаила Чайкина.

— С теткой он был! Противная такая, рыжая. Публичная.

— В смысле — легкого поведения? — удивился полковник.

— Нет! В телике часто мелькает. И вечно с бомжами фоткается.

— Депутатка, что ли?

— Благотворительница, — поморщилась администратор. — Убогим помогает, столовки для них открывает.

— А звать ее как?

— Нинель, что ли. Или Нателла, — нахмурила лобик девушка.

— У Михаила был с ней роман? — простодушно поинтересовался полковник.

— Вряд ли, — рассмеялась девушка. — Наоборот, все время отодвигался — от нее на весь зал духами разило. Когда ему звонили — вообще от стола отходил. А она, гадина, знаете, что творила? Чайкин-то сам — один бокал пива цедил. А рыжая, едва он отворачивался, ему туда водку подливала! И тот, лопух, ничего не замечал. Я, когда новости посмотрела, про Мишу узнала — все думала: в полицию, что ли, позвонить? Все им выложить — про эту Нинель?

— Очень гражданский поступок, — одобрил полковник.

— Но шеф запретил, — вздохнула девушка. — Сказал: «Водку подливать — такого преступления нет». А если я на рожон полезу, менты в

ресторан приедут, найдут нарушения, и мы еще и виноватыми окажемся.

Разговора как раз хватило на недолгий путь до метро. Администраторша кокетливо предложила проводить ее до самого дома. Но Ходасевич поцеловал даме руку и откланялся.

С порога прошел за компьютер. Легко выяснил: рыжую благотворительницу на самом деле зовут Нонна. И еще вспомнил: Таня недавно упоминала это имя.

Несмотря на поздний час, позвонил падчерице:

— Ты знакома с Нонной Байковой?

— Да.

— Откуда?

— Мы все втроем на собеседовании встретились. Чайкин. Я. И она. А зачем тебе?

— Завтра все объясню, — пообещал Ходасевич.

И сделал еще один звонок. Побеспокоил бывшего ученика, ныне — частного детектива Пашу Синичкина.

Тот ретиво ухватился за поручение. Когда полковник поднял вопрос о гонораре, усмехнулся:

— Ваш фирменный бигос. Ну, и еще салат «Оливье».

— Когда готовить?

— Завтра, — самонадеянно отозвался парень.

И правда, перезвонил уже на следующий день:

— Виделся с рыжей. Что обедала вместе с блогером — не отрицает. Что водку подливала — не признается. Божится: Чайкин сам пил. Новое назначение отмечал. Говорил: «Пиво без водки — деньги на ветер». Но врет, похоже. На прощание богоугодную фразу сказала: «Собаке — собачья смерть». Как привлечь ее — без понятия. Потерпевших нет, Чайкин мертв. Вы ее посадить хотите?

— Нет, Паша, — усмехнулся полковник. — Во сколько тебя на бигос ждать?

Но прежде чем отправиться в магазин за продуктами, Ходасевич позвонил Татьяне и рассказал о своих изысканиях.

— Отлично! — возликовала девушка. — То есть, — смутилась, — Чайкина жаль, конечно...

— Но лично тебе — ничего не угрожает, — помог полковник. — Если, конечно, ты не поедешь обедать с Байковой.

— Я лучше с тобой поем, — без тени сомнения отозвалась падчерица.

И он растроганно улыбнулся.

Отъезду предшествовала сплошная беготня. Приостановить годовое членство в спортклубе, отменить визиты к косметологу, пристроить билеты в Ленком на март, на «Ночь пожирателей рекламы» в апреле и в Большой на май. Умолить коллег взять двух ее дипломников (родной факультет регулярно навязывал, просил оппонировать на защите).

А что с ногтями делать? Таня давно поставила себе акриловые. С ними хоть посуду мой, хоть на скалодром ходи. Но найдется ли на Матуа мастер, который сможет сделать коррекцию?

Стесняться не стала. Позвонила Марку. Поинтересовалась: как на острове миллионеров с чисто женской инфраструктурой?

Молодой человек виновато вздохнул:

— Боюсь, она несовершенно.

— Почему?

— В сфере услуг работают исключительно чилийки, тайки и мексиканки. Массаж, татуировки хной — с этим проблем нет. Но лично я стригусь на острове Пасхи. Или в Европе.

— А почему у вас русских мастеров нет?

— Откуда у парикмахерши миллион долларов купить недвижимость?

— Пусть в аренду возьмет.

— Нельзя.

— Почему?

— Мы — общество равных по положению. Нам не нужно, чтобы *низы* сначала освоились, а потом начали *не хотеть*, революционные ситуации создавать.

— А таек с чилийками не боитесь?

— Нет. Но визы им выдаем тоже только краткосрочные. Чтоб не успевали привыкнуть и установить прочные связи.

— А если, допустим, у кого-то из местных русских родился ребенок? И он хочет к нему нашу няню?

— Если очень хочет, то это реально. Но придется платить налог. Двести тысяч долларов в год — даже для миллионеров серьезные деньги. Поэтому у нас на весь остров только трое, что ли, камердинеров из России. С десятков гувернанток и экономок. И один шофер.

«Стричься негде, маникюр не сделаешь, фитнеса нет, — расстроилась Татьяна. — Ладно. Хотя бы буду в океане каждый день плавать».

Отчим, правда, пугал, что водичка прохладная — выше семнадцати

градусов редко бывает. «Зато закаляться начну», — парировала оптимистка Садовникова.

Она с удовольствием упаковала в пакеты для одежды и проложила антимолью шерстяные, кожаные и меховые вещи. Затем тщательно проверила весь свой летне-весенний гардероб. Магазин на острове тоже единственный, одеваться в нем — наверняка моветон. Одежды у нее хватает, но не тащить ведь с собой пяток баулов? Целый день крутилась перед зеркалом, подбирала — максимум комбинаций из минимума наименований. В итоге все уместилось в один чемодан. Огромный.

А как, интересно, с химчисткой? Где косметику покупать? Есть ли аптека?

Но снова дергать Марка не стала. Гораздо интересней представлять, что она вообще на *необитаемый* остров едет. Дикари, людоеды, собирать пресную воду, строить из пальмовых веток жилище. Романтика!

Еще отчим масла в огонь подлил. Заставил ее запомнить странную фразу: «тутовое дерево, оно же *mañute*».

— Зачем? — удивилась девушка.

— Кодовое слово. Сообщишь его мне — в случае каких-то проблем.

— А почему нельзя по телефону пожаловаться?

— Я просто перестраховываюсь, — заверил отчим.

Таня кодовое слово запомнила, однако страхам Валерочки значения не придавала.

Ей с каждым днем все милее казалась идея улететь в Сантьяго, Чили, а потом еще дальше, на неведомый тихоокеанский остров. Слишком давно она живет — на радость маме! — цивилизованной, благопристойной дамой.

Мамусика очередной дочкин *каприз* привел в ужас. Но переупрямить Танечку у нее даже в школе не получалось. Поэтому смирилась, закупила для поездки огромный мешок лекарств (наименований пять из них Садовникова даже бросила в чемодан) и взяла с Татьяны обещание ни в коем случае не купаться в шторм.

В день отъезда столицу накрыла пурга, а неподалеку от Таниной квартиры ограбили машину инкассаторов. Таксиста кавказской внешности четыре раза тормозила полиция, снегоуборочные машины шли клином и создавали жуткие пробки, на мостах, по накатанному ледку, буксовали грузовики. В итоге Садовникова ворвалась в аэропорт за сорок минут до вылета.

На регистрацию змеилась многорядная, нервная очередь. Стойки бизнес-класса осаждали даже с большей яростью, чем экономические.

Вдоль толпы пассажиров то и дело пробежали взволнованные сотрудники: «Кто на Нью-Йорк? Кто в Лондон, «Бритиш Эйрвейз»?!»

«Надо было вчера электронную регистрацию сделать», — укорила себя Татьяна. Но на прощание загуляла с подружками, вернулась в три ночи и, ясное дело, поленилась. Да и смысл? Те стойки, где можно просто сдать багаж, облеплены пассажирами, будто водочный прилавок во времена Горбачева.

Она уцепилась за чемодан, разогнала его (когда на четырех колесах, очень хорошо идет) и поехала вслед за ним к самой маленькой очереди. Мокасины были скользкие, потому скорость получилась хорошая.

— Ай! — пронзительно взвизгнула мадам с карманной собачкой и шубой в пол.

— Простите, — Таня ловко остановила свой багаж в миллиметре от огромного саквояжа, усыпанного логотипами LV.

— Это очередь в бизнес-класс, — с ненавистью произнесла тетка.

— Очень хорошо, — кротко отозвалась Садовникова.

— Пассажиров из эконома здесь не обслуживают, — мадам испепелила ее взглядом и отвернулась.

Зато мужчина, вставший сразу за Садовниковой, оказался куда любезнее:

— У вас прекрасный чемодан. И вы сами — прекрасны.

Таня обернулась. Молодой парень. Загорелый. С хвостиком. Джинсы рваные. Взгляд беззаботный. Дауншифтер? Спасается от московской зимы?

Юноша уважительно взглянул на Танечкин дорожный костюм от Тома Форда, поинтересовался:

— В Милан на распродажу?

— Они уже закончились, — улыбнулась Садовникова.

А юнец хорош.

Глаза — сине-бронзовые, будто выцвели от яркого солнца. И пахнет от него не пивом, а хорошим гелем для душа.

Почему не поболтать, прежде чем они разлетятся в разные концы света?

— Я лечу в Сантьяго, — сообщила Татьяна.

Тетка в шубе вновь обернулась, прошипела:

— Туда вообще только чартеры летают.

А юноша картинно схватился за сердце:

— Немедленно сдавайте билет!

— Это еще почему?

Захлопал своими сине-бронзовыми:

— Вы для этой страны слишком красивы. И слишком богаты. А пистолет — отбиваться от альфонсов — вам на борт пронести не дадут.

— В Катманду и Тибете у меня проблем не было, — пожала плечами Таня.

— Ну, вы сравнили! Буддистов в вечной медитации — и горячих латиноамериканцев, — усмехнулся парень. И протянул руку: — Я Пит. «Петю» ненавижу.

— Я Таня. — Она с удовольствием пожала теплую, крепкую ладонь. Не без сожаления добавила: — Хотя смысл нам знакомиться? Разлетимся сейчас в разные стороны.

— Вообще-то я тоже в Сантьяго.

«Опять совпадение».

Таня подозрительно взглянула на парня:

— А куда дальше?

— О, совсем далеко. На остров Пасхи.

Произнес не без грусти:

— Я бы мог показать вам Чили — хорошо знаю эти края. Но у меня следующий самолет через полтора часа.

Ладно. Пока проглотим. И используем красавца по максимуму. Таня много времени потратила, чтобы собрать чемодан. А вот почитать путеводитель не успела. Улыбнулась парню:

— Не знаете, как мне лучше до Вальпараисо добраться?

— Хотите свой портрет из парка Экс-Карнель? Или желаете прокатиться на концепсьон?

Компетентный товарищ.

Таня с любопытством переспросила:

— А что это такое?

Пит охотно объяснил:

— Вальпараисо стоит на горе, и в городе куча подъемников. Всего пятнадцать, кажется. Концепсьон из них — самый старый. С испанского, кстати, переводится как «зачатие», — весело улыбнулся, добавил: — Так что если с этим проблемы — обязательно побывайте. Говорят, помогает. Особенно если вместе пойдем.

Шустрая пошла молодежь.

— Проблем с зачатием у меня нет, — заверила Таня. — И времени тоже не будет. Я сразу в порт поеду.

Дауншифтер (или кто он там был) хмыкнул:

— Неужели ко мне поплывете? На остров Пасхи? Или вы к мысу Горн?

— Гораздо ближе. — Таня не стала вдаваться в подробности. — Но самолеты туда не летают.

— До порта ехать часа два, — сообщил Пит. — Электрички нет. Такси дорогие, а самое главное — в основном «Жигули». Зато автобусы — терпимые. И ходят каждые пятнадцать минут. Но есть нюансы. Я бы вас с удовольствием просветил.

«Нет. Даже ради такого красавца в эконом-класс не пойду. А в бизнес его не пустят».

Тут вдоль толпы начал бегать очередной сотрудник, зычно выкликая:

— Сантьяго! Кто на Сантьяго, проходим без очереди на пятую стойку! Ваш борт улетает!

— Сядем вместе? — Юнец галантно подхватил ее чемодан.

И разогнал — куда более умело, чем сама Татьяна. Никого не зацепили, оказались у стойки первыми.

— Ловко! — похвалила Садовникова.

— Я умею лавировать, — похвастался он.

«Не дауншифтер. Серфер, наверное», — весело подумала Таня.

Сотрудник авиакомпании принял их за пару.

— Ваши паспорта, молодые люди?

Быстро взглянул на экран компьютера, предложил:

— Места один А, один Б подойдут?

Мальцы теперь тоже летают бизнес-классом, просто с ума сойти.

— Э... только я у окна, — поспешно произнесла Таня.

— А я рядом с вами хоть в джунглях, — решительно молвил Пит.

«Как-то все странно, — снова занервничала Татьяна. — Утро, десятки рейсов. Но рядом со мной оказался попутчик именно до Сантьяго. И летим мы в соседних креслах».

«Если тебе кажется, то так оно и есть», — любил цитировать закон Мерфи великий отчим Валерочка.

Что ж. У нее будут почти сутки, чтобы выяснить, кто красавчика Пита прислал — и зачем.

* * *

Добираться до Чили — история долгая. Только из Парижа лететь четырнадцать часов, и еще до города любви сначала добраться, там поболтаться в транзитной зоне и пересесть на другой самолет.

«Неудобный остров миллионеры выбрали, — подумала Таня. — Чего

бы свою колонию где-нибудь в районе Карибов не построить? И море теплей, и рейсы есть прямые».

Едва они с Питом устроились на самых модных в самолете местах (стюардесса сообщила, что на них всегда Филипп Киркоров летает) и выпили приветственного шампанского, Садовникова приступила к допросу. Дамские уловки побоку, сразу взяла быка за рога:

— Тебя кто ко мне подослал?

Пит захлопал глазами.

— Ресницы длинные, уже оценила, — усмехнулась Татьяна. — Давай, колись.

— Э-э... да я просто всегда в аэропорту смотрю, чтоб рядом с симпатичной девчонкой оказаться. Поболтать, а там — кто знает.

— Не заливай. Ты *знал*, что я лечу в Чили. И специально встал именно за мной.

— Да ничего я не знал! Я думал, ты в Европу.

«А правда, кто мог его прислать? Кто-то из колонистов? Бессмысленно. Я и так лечу к ним. Их враги? Но что я могу рассказать? Сейчас, пока на острове еще не была?! Валерочка охранника приставил? Он, может, и рад бы — да возможностей таких нет. Его *контора*? Брось, Таня, у тебя мания преследования».

— Пит, а зачем тебе на остров Пасхи? — вкрадчиво спросила Садовникова.

Он не колебался ни секунды:

— Каменных истуканов буду снимать, закаты на пляже Анакена. Большой проект, возможно, на целый путеводитель.

— Ты фотограф?

— Ну да. Во «Всемирном географе».

— Врешь!

Знаменитый журнал штурмовали многие из ее знакомых. Мечта любого креативщика — колесить по миру и рапортовать читателям о своих впечатлениях. Но никому — ни талантливым авторам, ни мастерам камеры — прорваться в синекуру не удалось. А тут какой-то до неприличия молодой (сколько ему? двадцать три, двадцать пять?) спокойно достает из спортивной сумки журнал, открывает на второй страничке. Демонстрирует собственный портрет и анонс:

Наш неутомимый Пит Дончев отправился в Эквадор и по пути в городок Баньос де Аква Санта увидел, как извергается вулкан «Огненное горло». Эвакуироваться вместе со всеми не стал — сделал для нас прекрасные снимки. Страницы 60–72.

Таня посмотрела фотографии. Пробежала глазами текст (посредственный, подписан дамой). Неожиданно ревниво спросила:

— Кто писал?

— Наша корреспондентка. Но ее уже уволили.

Снимки Пита выглядели яркими и слегка сумасшедшими. Солнце тонет в жерле вулкана. Два беспечных лица с банками пива в клубах черного дыма.

Таня недоверчиво спросила:

— Где ты учился?

— Первый фотоаппарат — дедовский «Зоркий С» — освоил в пять лет, — похвастался парень. — В школе — фотокружок, всякие конкурсы лет с одиннадцати. В десятом классе взяли на стажировку в Штаты, потом два года отпахал на магистра, потом все надоело, хотел бросать. И тут меня в «Географ» позвали.

Но Таня все равно не верила:

— И журнал оплачивает тебе бизнес-класс?

— В контракте специальный пункт. Если лететь дольше восьми часов, то да.

— До Парижа — четыре.

— Ну, тут я сам. Для понтов, — усмехнулся Пит. — Путешествую много, премиальных миль куча. Вот и сделал апгрейд.

Придраться не к чему. Но все равно странно.

Пит внимательно на нее взглянул:

— А зачем ты летишь в Чили? Может быть, к другу?

Контракт, конечно, требовал держать язык за зубами. Но как еще вызвать парня на откровенность? Решила сказать правду:

— Я лечу на работу.

— Куда?

— На остров Матуа.

— Да ты что?! — Пит подскочил в кресле. — На тот самый? Где русская колония?!

Восторг в глазах абсолютно щенячий.

— Ты о нем знаешь?

— Еще бы! Сколько лет пытаюсь туда прорваться!

— А я вот три недели назад впервые услышала.

— Ну, у меня работа такая — интересные местечки искать. В журнале никто заданий не придумывает. У главного над столом большой плакат висит: «ТЕМ НЕ ДАЁМ». Только два заветных места осталось: Эверест — не базовый лагерь, а самая вершина, конечно, и этот ваш Матуа.

— А что, туда настолько сложно попасть? — удивилась Татьяна.

— Вообще никак. — Пит залпом допил шампанское. — Только по особому приглашению плюс куча проверок. Я один раз подделал вызов. От местного якобы жителя. Специально выбрал старикана под девяносто. Егор Семенчук, ну а я ему — вроде внучатый племянник. Так что ты думаешь? Не просто местная полиция встречала — еще и этого Семенчука притащили. В кресле-каталке, прямо на пирс. Он мне пальцем грозил, кричал, что нехорошо врать. С тех пор я у них в стоп-листе, — тяжело вздохнул.

— Они только журналистов не пускают?

— Вообще никого из русских. Только потенциальных покупателей. Кто заранее подтвердит платежеспособность.

— Но почему? — удивилась Татьяна.

— Сам хотел бы узнать! Может, воры в законе там прячутся. Или нарколаборатория.

— А если у человека там родственники?

— Навестить можно, но не дольше, чем на месяц. И никаких фотографий — при выезде багаж тщательно проверяют, флешки изымают, память заставляют стирать. Всех касается. Иностранцев тоже.

— А их туда пускают?

— Есть крошечная квота для туристов — из Европы, Америки. У меня отец болгарин, и я настолько на Матуа помешался, что специально его фамилию взял и вид на жительство получил. Снова рванул туда, теперь по квоте и по болгарскому паспорту. Что ты думаешь? Опять завернули, прямо в порту!

— И после этого ты говоришь, что мы встретились случайно, — усмехнулась Татьяна.

— Ну, я не буду настолько уж нагло врать, — покаянно склонил голову Пит. — Просто мир тесен.

— Что ты имеешь в виду?

— Что ты, что я — редкие, уважаемые специалисты. Поэтому и хедхантер у нас один. Самый лучший.

— Так это Демьян меня сдал?! — возмутилась Садовникова.

— Тань, ну он просто знал, как для меня важно попасть на остров. Но сразу сказал: «Она тебя все равно пошлет». — Пит обезоруживающе улыбнулся.

— Куда я тебя пошлю? Из самолета выкину?! — буркнула Татьяна.

Отвернулась от нового знакомца к окну.

Самолет совсем мягко и незаметно (как всегда бывает, когда сидишь на

первых местах) взлетел. Под крылом ежились заснеженные домикоробочки, вдоль канала Москва — Садовникова углядела — брел одинокий лыжник.

Не то обидно, что использовали (в нынешние корыстные времена — обычное дело). Гораздо противней, что почти поверила: молодой красавчик-фотограф положил на нее глаз. Сидела с ним рядом, радовалась: вот, мол, я еще ого-го-го. Не дряхлеющие дядьки клюют, но юные пленительные красавцы.

— Тань, — жалобно пробормотал из своего кресла Пит, — хочешь орешков?

Смешной. Фантастически красивый.

— А как я могу тебе помочь? — вкрадчиво спросила Татьяна.

— Не знаю, — поспешно отозвался он. — Приглашение ты мне не пришлешь — я не родственник и вообще в стоп-листе. Фотки за меня тоже сделать не сможешь. А если бы и могла — я девчонок не подставляю.

— Тогда на что ты рассчитывал?

— Так... — пожал плечами. — Завести своего человека в стане врага. Может, что когда расскажешь. Или примешь на острове.

— Каким образом, если тебя туда не пускают?

— Ну, как у Лермонтова. Я — контрабандист. Ты — ждешь на берегу, — не растерялся парень.

Самолет набрал высоту, к их креслам немедленно бросилась стюардесса:

— Еще шампанского?

Таня не любила пить в полете — алкоголь в герметичном салоне пересушивает кожу и плохо влияет на сосуды, — но сегодня решила наплевать на правила. Залпом осушила бокал. Пит последовал ее примеру. Его глаза забронзовели еще больше, румянец на щеках обратил почти в Илью Муромца, но лицо хитрющее — настоящий Алеша Попович.

Нахально погладил ее по коленке, доложил:

— Во всем Демьян виноват. Целую рекламную кампанию тебе устроил. Мол, потрясающая девчонка. Красивая, веселая и не замужем. А мне все равно лететь в Чили, в чертову даль. Я и подумал: не поможешь — так хоть попутчица классная. Вот и купил билет на твой рейс.

— И ты надеешься, что я полечу с тобой *бесплатно*? — усмехнулась Татьяна.

Пит не смутился: вскочил из кресла. Встал на одно колено. Склонил голову:

— Проси, что хочешь.

В среднем ряду сидели женщина с девочкой. Малявка (лет пяти от силы) с восторгом прошепелявила:

— Мам, это лыцаль, да?

Таня фыркнула:

— Взять бы с тебя штраф. Тысяч десять «зеленых». За вранье. Но — так и быть. Отработаешь. Рассказывай мне. Про Чили, Вальпараисо и про русскую колонию — все, что знаешь.

— Перерыв на обед будет?

— Это уж как я решу.

И он послушно начал. Сразу чувствовалось: человек — фотограф, не лектор. Излагал несколько бессвязно, зато образно. Перескакивал с крашенных во все цвета домов на бродячих собак с *особо чилийским, голодным взглядом*.

— А еще весь город увешан рекламой тройных бургеров. Тройных, представь! Они огромные — ну как литровая банка примерно. И вообще там много смешного, странного. Например, магазин подержанных игрушек. Очень популярный. Мужики, когда выпьют, обязательно стихи Пабло Неруды читают. А порт, откуда все круизные лайнеры отправляются, считается секретным объектом.

— Как это может быть?

— А у них там все вместе. И военные корабли, и торговые. От круизного терминала до причала — три с половиной километра. Пешком передвигаться нельзя. Увидят — будут стрелять. Так что обязательно дождись автобуса.

Голос у Пита громкий, неплохо поставленный. Девочка из соседнего ряда то и дело отвлекалась от мультфильма, бросала на молодого человека по-взрослому кокетливые взгляды. Он охотно улыбался в ответ. Малявка (ну и поколение растет!) воодушевилась окончательно. Отправилась якобы по салону пройтись и очень картинно потеряла равновесие возле их кресел.

Пит среагировал мгновенно: подхватил девочку на руки. Прижал к груди, рассмотрел ее жирное от чипсов лицо, нежно чмокнул в щеку, прошептал ласково в ухо:

— Ты моя маленькая царевна!

Соплячка (показалось Татьяне) взглянула на нее с превосходством. Обвила обеими руками шею Пита, потребовала:

— Плонеси меня на лутьках по всему самойоту.

— Вы позволите? — обратился Пит к маме ребенка.

Та (увлеченная «Интернами») отмахнулась:

— Хоть в багажное отделение.

Свою борсетку молодой человек оставил на сиденье. Таня притворилась, будто укутывается в одеяло. Ловко вытащила документ, просмотрела. Действительно, Петр Димитриевич Дончев. Двадцать четыре года. Красавец (даже на паспортном фото). Профессионал. Интересный собеседник. И от детей не шарахается. (Сама Татьяна — хотя женщина, и несколько старше — малолетних бандитов с бандитками недолюбливала.)

Прикрываясь одеялом, вернула паспорт обратно.

В Париже у них стыковка на три часа. Может быть, затащить идеального мужчину в отель? Фу, Таня! Прекрати. Ты его еле знаешь. И летишь на серьезную должность. И у вас общий знакомый — Демьян. Хочешь потом, чтобы вся Москва болтала про *легко доступную* Садовникову?

«Просто возьму у него телефон. Он мужчина, по Южной Америке спец. Кто знает, как дела пойдут? Вдруг пригодится?»

* * *

До теплохода Пит ее не проводил. Через час после посадки в аэропорту под гордым именем Артуро Мерино Бенитес его ждал следующий самолет — на остров Пасхи.

— Еще пять часов в воздухе? Я бы не выдержала.

Таню даже после почти сладкого сна в раскладном сиденье-кровати бизнес-класса слегка пошатывало.

Пит взглянул внимательно, усмехнулся:

— Не хочу пугать, но на корабле качает куда больше, чем в самолете.

— А как же стабилизаторы качки? — блеснула познаниями бывавшая в круизах Татьяна.

— На твой Матуа большие лайнеры не ходят. Плывет небольшой кораблик, перевозит в основном местных. Так что вечерних платьев и капитанского вечера тоже не жди.

— Вот не понимаю, — Садовникова повторила давно терзавшую ее мысль, — зачем богатым людям было забираться в такую глушь? Почему на Карибах островка не нашли?

— Возможно, им есть что скрывать, — усмехнулся парень.

— Ты меня пугаешь.

— Я слышал, когда выбирали остров, были варианты куда гламурнее. Мальдивы, те же Карибы. Греция. Но там — хоть ты и собственник — все равно с местными законами надо считаться. Представителя страны на

территории селить. И только на Матуа им вместе с землей дали полный карт-бланш. Стройте хоть коммунизм, хоть первобытное общество.

— А у них есть какая-нибудь цель? Пятилетка в три года? Экологические какие-нибудь программы?

— Зачем? — округлил глаза Пит. — Просто живут в свое удовольствие. Ну, еще иногда принимают дурацкие законы. Потом их отменяют.

— Например?

— Одно время максимально разрешенная скорость на острове была сто пятьдесят километров в час.

— Ты шутишь?

— Они абсолютно серьезно решили. На референдуме.

— И что?

— Через неделю сбили подростка на велосипеде. Насмерть.

— Кошмар. А кто?

— Его сосед. Экспертизу там проводить некому, но очевидцы говорили — был пьяный, выезжал задом из гаража. Оборачиваться или в зеркало смотреть не стал — дал полный газ. А мальчик мимо ехал. Его в забор просто впечатало.

— И как у них в таких случаях? Суд, тюрьма?

— Тюрьма на острове мечты? Ты смеешься! Есть только полиция, избранная из граждан. Типа дружинников. И общественный совет.

— Но хотя бы какие-то наказания есть?

— Только одно. Выдворение. Деньги за жилье не возвращаются. Но здесь и до этого не дошло. Стороны примирились.

— То есть родители погибшего ребенка взяли деньги — и простили его убийцу? — опешила Татьяна.

— Говорят, что так.

— И они по-прежнему живут по соседству и смотрят друг другу в глаза?!

— Общественный совет решил: злого умысла не было. За глупость водитель наказан. Угрызениями совести и деньгами. «Мой грех всегда будет со мной, и кошмарные сны теперь постоянно станут терзать меня», — написал убийца в местной газете.

— Откуда ты все это знаешь?

— По крохам собирал. Интернет ведь на острове имеется, некоторые жители ведут блоги. Подписчиков строго фильтруют, но ты уже знаешь: я умею лавировать.

— Там по-прежнему носятся с бешеной скоростью?

— Нет. Закон отменили. Единогласно. Теперь у них шестьдесят кэмэ в час, как у всех. Но все равно: ни одной камеры, ни одного радара. Ни, конечно, дорожной полиции.

— Слушай, может, мне прямо сейчас обратный билет купить? — Таня поежилась.

— Ох, а я бы все отдал, чтоб туда попасть! — Сине-бронзовые глаза азартно блеснули.

— А вот скажи честно. — Она внимательно взглянула на Пита. — Почему ты не бьешься за Эверест? Почему прицепился именно к Матуа?

Он задумался:

— Знаешь, я много где был. В Индонезии, например, в племени дани. Забавные люди. Член, прости за подробность, в специальном чехольчике носят, называется «котека». А когда кто-то из близких гибнет, отрезают себе фалангу пальца. В знак скорби. Но даже у них — представь — есть свои законы. А на этом твоём острове их нет. Мне жутко любопытно посмотреть на *абсолютно свободное общество*.

Взглянул жалобно:

— Будешь мне писать? Рассказывать, как там у них все?

— Вряд ли, — честно ответила Таня.

— Тебе лень? Или бесплатно не хочешь?

— Что за глупости! Просто в контракте есть пункт о неразглашении.

— Но как они узнают?

— Да просто «жучок» на мой комп поставят — и все.

— Танюш, — он развернул ее к себе. Посмотрел — ничего мальчишеского, почти отеческий, встревоженный взгляд. — Ты береги себя, — улыбнулся беспомощно. — Я думал, ты просто попутчица хорошенькая. А сейчас — прямо сердцебиение, когда твои глаза вижу.

Отвернулся, смутился.

— Выпей валокордину, товарищ фотограф, и сердце твое успокоится, — улыбнулась она.

Поднялась на цыпочки, чмокнула в щеку:

— Спасибо за компанию. Пока.

Оглядываться не стала. Прошла пограничный контроль, получила свой баул, легко нашла автобус до Вальпараисо. Испанского Татьяна не знала, но улыбок, жестов и международного слова «порт» хватило.

Формальности в круизном терминале прошли громогласно, но быстро, и уже к обеду Татьяна ступила на корабль с гордым именем «Подруга Робинзона».

Каюта люкс оказалась крошечной конурой. Узкая длинная койка,

пенальчик-душ. Полочка перед зеркалом по-спартански вместила зубную щетку, пасту и единственный крем для лица. Хотя временное жилище и располагалось на самой высокой, пятой, палубе, балкона здесь не имелось — только грязный иллюминатор. Таня решила немедленно впустить в затхлое помещение морской воздух. Но окно оказалось запаяно. Кондиционер не работал.

Пойти ругаться? Но за окном болтались на рейде корабли, пикировали чайки. Можно подумать, Джим Хопкинс из любимого в детстве «Острова сокровищ» в более комфортных условиях путешествовал! Каюта люкс роскошного лайнера — разве цель жизни? Совсем иное, когда плывешь в неведомое. На остров беззаконных миллионеров. В абсолютную запретку.

Татьяна извлекла из багажа маникюрный набор и швейцарский ножик. Полностью сломать защелку на окне не смогла, но щель получилась приличная. В каюту хлынул морской, мазутный, вольный воздух. А Садовникова сбегала в душ (почти ледяной, но она ведь уже решила закаляться). Перекусила московской копченой колбаской — ввезла, несмотря на строжайший таможенный запрет! — и завалилась спать.

Проснулась — за окном темно, судно приятно раскачивается. В голове чугун, отчаянно хочется пить, но в целом она чувствовала себя куда свежее, чем после двух подряд перелетов.

Умылась, почистила зубы, натянула джинсы. Пора познакомиться с кораблем. И что-нибудь раздобыть на ужин.

Вышла в тускло освещенный коридорчик. Пустота. Тишина. Зато через пару дверей — веселье: хор нетрезвых мужских голосов поет по-испански. Интересно, в какую сторону ресторан? Пошла в сторону кормы, наобум. Впереди — увидела — маячит фигура. Женщина, очень полная. Идет по коридору в том же направлении.

Таня решила держаться за ней — толстушки всегда знают, где разжиться едой.

Но как ни замедляла шаг, очень быстро даму нагнала. Та шлепала еле-еле. Да еще почти после каждого шага за стену хваталась.

— Sorry, — пробормотала Садовникова.

Уже начала примеряться, как ловчее обойти крупногабаритную тетушку в узеньком коридорчике, но вдруг увидела ее лицо. Смертельная бледность. Синева под глазами. Губа прикушена. По щеке стекает слезинка.

— Вам плохо? — кинулась к несчастной Татьяна. — How can I help you? Это... Le es necesaria la ayuda?^[2]

Черные глаза чилийки (или кто она там была) обратились на девушку с ужасом. Женщина вцепилась в стену теперь уже двумя руками и отчаянно,

будто героиня голливудского фильма, прошептала:

— I am fine!^[3]

И рухнула в обморок.

Таня перепугалась не на шутку. Делать искусственное дыхание? Бежать за врачом? Просто стучать во все каюты, чтобы помогли?

Но первым делом присела над телом женщины. Расстегнула пуговку высокого воротника-стойки. Положила ладонь на сонную артерию. Убедилась: дышит.

И тут увидела: под бедрами чилийки ширится-расплывается багровое пятно. Таня еще раз взглянула на одутловатое лицо, огромный живот. Да она не просто толстушка! Дама на сносях! И, раз кровотечение, с ребенком явно беда!

Садовникова в который раз пожалела, что выбрала когда-то легкую рекламу вместо грязной медицины. Стукнула ногой в первую подвернувшуюся дверь. В следующую заколотила кулаком. Закричала на весь коридор:

— Ayuden!^[4]

Коридорчик мигом заполнился народом. Мелькали смуглые лица, женщину обступили, хлопали по щекам. Возникла легкая паника. Дамы причитали, заламывали руки. Мужчины деликатно отводили глаза. Таня выбрала из толпы самого, на ее взгляд, разумного, крикнула ему:

— El doctor!

Мужчина кивнул, подбежал. Совсем скоро явился врач — с бутербродом в руке, в мятом халате. Женщину подхватили, куда-то понесли. Ее голова бессильно болталась, Таня бросилась было помочь, но доктор ее отстранил. Строго произнес:

— Vayan al camarote^[5].

Смысла Таня не поняла, но по тону показалось — ее послали.

Она осталась стоять в коридоре — снова тихом и пустом. Только кровавое пятно на полу расползлось все шире.

«Кто ее взял на теплоход в таком состоянии? — сердито думала Садовникова. — И где, черт возьми, ее муж, ну, или кто-нибудь?»

Ресторан оказался закрыт.

— Но вы можете купить в магазине шоколадных батончиков, — любезно предложил девушке метрдотель.

Татьяна так и сделала. Прошла по открытой палубе, поймала множество похотливых мужских взглядов. Многие аборигены были пьяны, запах анаши смешивался с ароматами гнилых водорослей и соли.

Садовниковой очень хотелось раздобыть в местном баре пину-коладу и постоять на палубе, но она решила не дразнить гусей. Вернулась в каюту. Сlopала батончики, минут десять поглазела в телевизоре на давно забытый в России раритет — «Дикую розу».

А перед сном прочла неумелую молитву о жизни и здоровье незнакомой чилийки.

Щель, проделанная между окном и рамой, исправно поставляла в каюту пьянящий морской воздух, поэтому спала Татьяна прекрасно. Проснулась рано, до завтрака куча времени. Никаких тренажерных залов на скромном суденышке не имелось, но кто мешает намотать пару километров по верхней палубе, а потом позаниматься там йогой? Сегодня все шезлонги пусты, самцы, видать, отсыпаются после вчерашних загулов.

Таня сидела в падмасане (упрощенная поза лотоса) и медитировала на укутанное дымкой восходящее солнце, когда к ней подошел эффектный джентльмен в морской форме. Козырнул, на неплохом английском спросил:

— Я могу присесть рядом с вами?

Таня представила, как затрещат белые морские штаны с лампасами, если он начнет переплетать ноги по-турецки, и не удержалась, хихикнула.

Однако это ей пришлось «расплетаться» — удалец-молодец протянул ей руку. Пришлось вставать, усаживаться в шезлонг. Мужчина опустил в соседнее кресло, церемонно представился:

— Свенсон Игл, помощник капитана. А вы, должно быть, Татьяна Садов-ни-ко-ва?

— Да, господин Орлов, — буркнула девушка.

Она терпеть не могла, когда прерывали ее медитацию.

— What is Orlov?^[6] — заинтересовался товарищ.

— Ваша фамилия так по-русски звучит, — пояснила Татьяна.

Свенсон взглянул с интересом:

— А вы правда из самой Москвы?

— Да, рука Кремля.

— Кремль — это ваша самая главная крепость?

— Ладно, что вы хотите? — раздраженно спросила Садовникова.

Орлов-Игл хладнокровно отозвался:

— Я просто исполняю свои обязанности. На острове Матуа — особый порядок высадки. Мое дело — вас с ним ознакомить.

— Валяйте. То есть go on^[7], — кивнула Татьяна.

— Сойти на берег можно будет завтра, начиная с девяти по корабельному времени. Ваш чемодан, пожалуйста, не запирайте и оставьте

перед каютой не позже шести утра.

Садовникова поморщилась. На круизных лайнерах пассажирам всегда облегчают жизнь и собирают багаж заранее. Но здесь — она уже поняла — каждый заботится о себе сам. Зачем тогда выставять в коридор чемодан? Чтобы его разворовали?

— Я сама понесу свои вещи, — категорично отрезала она.

— Не получится, — возразил Свенсон. — Власти острова всегда централизованно собирают багаж, проводят его досмотр и возвращают пассажирам только в порту или доставляют к месту проживания.

«Странные меры предосторожности для острова, где *можно все*», — удивилась Татьяна.

А господин Игл продолжал:

— Порта на острове нет, мы швартуемся в бухте, доставка пассажиров будет осуществляться на тендерах, то есть на специальных катерах. Первый из них отправится на остров не раньше девяти.

— А прибываем мы во сколько?

— В шесть.

— И зачем целых три часа ждать?

— Пограничные и таможенные формальности. Тщательная проверка багажа. Власти Матуа просматривают списки пассажиров, некоторых из них приглашают на беседу.

— А много народу будет сходить?

— Из россиян — только вы. Ну и некоторое количество местных, — уклончиво ответил Свенсон.

— Сколько именно?

— Я получу эти данные только к вечеру. — Помощник капитана скосил глаза к носу. Несомненно соврал. И спешно сменил тему: — Вот сегодня на острове Робинзона Крузо высаживаются пятеро. Остальные пойдут гулять, и их будет много, так что занимайте места в тендерах заранее. Всем ведь интересно посмотреть место, где больше четырех лет жил легендарный Александр Селькирк. У нас, кстати, есть интереснейшая экскурсия. Форт Санта-Барбара. Мост Робинзона Крузо. Площадка в дебрях, откуда несчастный островитянин высматривал, не идет ли его спасать какой-нибудь корабль. И всего сорок долларов!

Садовникова не любила стадных мероприятий. В новых местах она предпочитала брести куда глаза глядят. Когда заходишь во дворы, пьешь кофе в неприметных кафешках или просто наблюдаешь за местными, получается куда интереснее.

— Спасибо, — твердо отказалась она. — Я лучше погуляю сама.

— Нет проблем, — не стал настаивать Игл. — Только не берите с собой много денег и не опаздывайте на корабль.

Раньше бы Таня с восторгом восприняла возможность исследовать место жительства прототипа Робинзона Крузо. Побывать в его пещере, погоняться за дикими козами (она читала, это потомки той самой, которую дал Селькирку с собой капитан). Но для туризма, приключений нужно особое, легкое настроение. А девушка сейчас все больше и больше нервничала.

Да и стоянка на острове — всего шесть часов. На первые тендеры, куда ломились толпы местных, девушка не пошла. Отправилась на самом последнем. В итоге только и успела в быстром темпе прогуляться по улочкам Сан-Хуан-Баутисты, сфотографировать местную почту (железный вагончик), пожарную часть (ряд палаток) и выпить (йо-хо-хо!) стопочку рома в кафе под названием «Пятница».

За час до отплытия дисциплинированно вернулась на корабль. И обнаружила: щеколда в оконном замке исправлена, а само окно в ее каюте закрыто и тщательно заклеено — снаружи! — темным багажным скотчем.

Таня немедленно бросилась на поиски Орлова-Игла. Тот виновато развел руками:

— Тысяча извинений, но таковы правила острова Матуа! Местные власти не желают, чтобы пассажиры наблюдали. — Понизив голос, дружески добавил: — Впрочем, щеколду можете снова сломать, мы сделаем вид, что не заметили. Я сам не люблю духоту. Но скотч не трогайте. Иначе у нас неприятности будут.

— Ощущение, что мы на Алькатрас курс держим, — пошутила Татьяна.

Орлов серьезно ответил:

— Алькатрас давно уже не тюрьма. Но кто знает, что на этом вашем русском острове!

— Ой, расскажите что-нибудь! — Таня пожертвовала помощнику капитана самую очаровательную из улыбок.

Но Игл трагически вздохнул:

— Я сам не имею ни малейшего понятия.

* * *

Ужин на корабле ничем не напоминал церемониал, принятый на круизных лайнерах. Ресторана с крахмальными салфетками Таня, конечно,

не ждала. Но на шведский стол хотя бы с минимальным выбором блюд рассчитывала.

И просчиталась.

Стойки с ассортиментом не было вовсе. Узкое окошко, словно в школьной столовой. Рядом на цепочке висит меню, чернобровый буфетчик в несвежем колпаке принимает заказы. Народ толпится в очереди, в речах, обращенных королю прилавка, отчетливо сквозят молящие нотки.

Когда Садовникова добралась до раздатчика, в наличии имелось единственное блюдо — fish (с невообразимым количеством костей) и chips (пережарены до черноты).

Татьяна опасливо взяла тарелку. Пригляделась. Понюхала. Очень подозрительное блюдо. Еще пару лет назад она бы возмутилась и, конечно, добилась нормальной еды (наверняка на корабле имелись стратегические запасы!). Но то ли возраст сказывался, то ли йога научила: незачем тратить силы по пустякам.

Мудрые учат: нужно уступать вечерний прием пищи врагам. А уж когда Садовникова — с помощью единственной очаровательной улыбки — выбила у чернобрового бонус в виде пары маринованных огурчиков, то решила: ужин почти удался.

Нашла столик в уголке, выискивала наименее горелую картошку, резала тонкими дольками (чтобы растянуть удовольствие) огурцы, наблюдала за публикой.

Необычный народ собрался на корабле. У многих лица истощенные, озабоченные, наряды скромные. Видимо, на работу едут — в низовых должностях. Но изрядно людей беспечных, шумных, пьяноватых, в гавайских рубашках — эти, похоже, просто круизничают. Бюджетно.

Есть и вообще непонятные экземпляры. Целая стайка смуглых девиц — явно в положении, месяц восьмой, не меньше. Или группа субтильных, очень гимнастических детишек под патронажем грозной сухопарой дамы. Причем малышня — будто с рекламного плаката про дружбу народов. Негритята, китайцы, смуглые, молочно-белые. Между собой общаются на дикой смеси испанского и английского.

Танцевальный коллектив, что ли, какой-то?

Тане хотелось подольше поболтаться в столовке — она любила новых людей, незнакомую атмосферу. Да только, как и вчера на палубе, слишком много мужчин бросали в ее сторону очень кобелиные, дерзкие, искушающие взгляды. И Садовникова решила не дразнить мачо — пора, когда ей нравились драки за прекрасную даму, давно миновала.

В каюте на кровати ее ждала собака. Лихо скручена из полотенец,

кнопка-нос аккуратно вырезан из черной бумаги, на морде красуются Татьянины же солнечные очки. Уборщик явно выслуживался перед обитательницей каюты люкс. Собака была исполнена с вдохновением, и девушка сразу (чтоб не забыть в завтрашней суматохе) положила на тумбочку возле кровати два доллара. И тут увидела конверт. Не подписан, не запечатан. Внутри — лаконичное послание: *«Уведомляем, что в соответствии с требованиями властей ваша каюта будет заперта завтра с 6.00 до 8.45 утра. Перемещения по теплоходу в этот период запрещены. Ваш чемодан должен быть до этого времени выставлен в коридор. Высадка на остров Матуа осуществляется начиная с 9.00. Благодарим за понимание»*.

Что за драконовские меры? Окно заклеили, теперь еще грозят запереть. Что можно увидеть на подходе к русскому острову в Тихом океане? Базу крылатых ракет?

В любом случае подчиняться правилам Татьяна никогда не любила.

В десять вечера девушка выключила телевизор и свет. Спать не хотелось ни капли. Но раз Штирлиц мог — заставит себя и она. Просто лежать и расслаблять мышцы скучно. Поэтому Садовникова представила, будто находится в теплом, черном небе, раскачивается на огромных качелях. Вверх, вниз, под ложечкой сосет, голову дурманит, скорость огромная, все мысли из головы — прочь, прочь, прочь, с каждым взмахом. Плюс корабль приятно потрясывало, в оконную щель рвался бриз, и Таня сама не заметила, как мысли поплыли, и она провалилась в сон.

Проснулась даже раньше будильника — в пять сорок. Свет зажигать не стала — вдруг в коридоре охрана бдит? Включила телефонный фонарик на минимальную яркость. Шум воды привлечет внимание? Ерунда. С нечищеными зубами она все равно никуда не пойдет. Быстро умылась, оделась, светлые волосы спрятала под кепку, привычные белые кроссовки сменила на черные мокасины. Взглянула на себя в зеркало, усмехнулась: практически ниндзя.

Выволокла в коридор чемодан. Заперла каюту. Тишина, тусклый свет ночных лампочек. Никаких охранников, все очень мирно. Осторожно ступая, Таня выбралась на верхнюю палубу. Рассвет еще только манил робкой узенькой полоской, темный наряд идеально сливался с сумраком. Корабль двигался на малом ходу, и остров был уже совсем рядом. Таня впилась взглядом в милый зеленый холм. Даже в мрачноватом предутреннем сумраке Матуа выглядел идилически. По склонам холма лепились особнячки — скромные стометровые, побогаче — метров на четырехеста, несколько совсем пафосных. Но генплан строительства,

несомненно, имелся. Все строения выдержаны в едином колониальном стиле. Светлые, с белыми колоннами. Полно зелени. Ухоженные сады. Подмигивают фонари. По песчаному пляжу частой цепью бредут фигурки в синих комбинезонах — очевидно, уборщики собирают мусор.

Бинокля у Тани не было, да и что здесь высматривать? Вчера нафантазировала: секретная лаборатория, ангар, база крылатых ракет. Но островок — по крайней мере, на первый взгляд — сплошь состоял из коттеджей и вилл. Сколько ни приглядывалась, ни единого административного здания не увидела. Где у них поликлиника? Мэрия, аптеки, кафе? Видимо, где-то в глубине острова прячутся, а все побережье отдано частным домам.

«И вообще, глупо разглядывать секретный объект с воды, когда через несколько часов будешь на острове и сможешь его спокойно исследовать», — запоздало укорила себя девушка.

Хотела было вернуться в каюту, но в этот момент корабль резко дернулся, остановился. Загрохотала якорная цепь. Предраассветный сумрак резко сменился ярким светом палубных фонарей. Садовникова метнулась за стопку лежаков, затаилась. Команда шумела, перекликалась — но здесь, на верхней палубе, по-прежнему никого не было.

Зато от острова в сторону корабля бодро двинулся катерок. Сразу за ним — второй, побольше. Пришвартовались неудобно — из укрытия ничего не видать. Таня гусиным шагом прокралась к борту, осторожно выглянула. С первого судна готовились выйти трое. Двое из них знакомые — Марк и мэр, Филипп Борисович. Третий похож на похоронного агента. Черный костюм, белая рубашка, траурный галстук. Очень глупый вид в тропиках. Впрочем, мэр выглядел не лучше. Клетчатые шорты с рубашкой поло еще тянули на четверочку, но сандалии с носками не выдерживали никакой критики. В прошлом году Таня видела подобный наряд в паре модных журналов, пробил он себе таки дорогу, перестал быть вульгарным! Однако она не сомневалась: мэр за тенденциями не следил. Подобным образом всю жизнь одевался.

Капитан и его помощник встретили прибывших подобострастно. Пропустили вперед, сами, будто и не хозяева на корабле, преданно и робко заседали сзади. Компания удалилась. Таня снова заскучала. Так напрягала глаза, пытаясь разглядеть на острове что-нибудь необычное, что они начали слипаться. Уже стала задремывать в своей норке за стопкой шезлонгов, но тут на нижней палубе — стук, грохот. С десятков матросов выстроились в цепочку. Крикливый дядька подал команду, и начали передавать друг другу какие-то ящики — длинные, опознавательных знаков

нет. Целую гору сложили на палубе. Потом настал черед прозрачных коробок. В них — чем-то заполненные пакеты. Таня щурилась так, что слезились глаза, и, кажется, углядела: платистиковые мешки с темно-бордовой жидкостью. Точно из таких в больницах кровь переливают.

Таня вытащила телефон. Долго прилаживалась, примерялась. Сделала пару снимков. Но качество, конечно, ужасное — слишком далеко и темно.

Ящики и емкости перебросили на катер. Потом еще таскали более мирные грузы (Таня ухихикалась): мелкие русские яблочки. Гречку. Красную икру в трехлитровых банках. Кирпичи черного хлеба. Ностальгия у бедных миллионеров. Наконец, забили полное судно, завели мотор, собрались отшвартовываться.

«И что ты узнала, о, великая Мата Хари?» — с ухмылкой спросила себя Татьяна.

Но тут увидела: в сторону катера поспешает дядька в похоронном костюме. А за ним — двое матросов тащат носилки. На них человек. Не шевелится, укрыт под подбородок. Лица не разглядеть. Зато отлично виден огромный живот. Похоже, та самая беременная, которую позавчера спасла Татьяна.

Ношу погрузили на палубу, сопровождающий прыгнул следом, и суденышко немедленно отшвартовалось.

Садовникова снова прокралась за лежаки. Она была озадачена. Зачем чилийке или мексиканке с огромным сроком беременности ехать на русский остров? Здесь роды, что ли, по дешевке принимают? Или, может, это суррогатная мать? Очередная певичка или богачка решила завести дитя, не утруждая себя беременностью?

А те пять или шесть беременных дам, которых Таня видела вчера в столовой? Они, может, тоже на остров?! Детей продавать?!

«Вот почему мне до всего есть дело?! — упрекнула себя Садовникова. — Ищу проблемы на свою голову, потом сама их решаю».

Часы показывали половину восьмого утра. Чертовски надоело прятаться, сидеть на корточках. Хотелось одновременно есть и спать.

Пора возвращаться.

Чемодана возле двери не было. Каюта, как и обещали, оказалась заперта. Но, по счастью, никаких охранников или пломб на двери. Таня без труда отомкнула замок своим ключом, проскользнула внутрь и закрылась изнутри.

Ее отлучки, кажется, никто не заметил.

Садовникова с удовольствием скинула жаркие мокасины, разделась, приняла душ. Пожалела, что канули времена, когда путешественники брали

с собой кипятивники. Но бананы с острова Робинзона Крузо — тоже неплохой завтрак.

В восемь с небольшим в замке повернулся ключ, потом в дверь вежливо постучали.

— Come in! — весело пригласила девушка.

В каюту вступил Филипп Борисович. Радости в его глазах не было. Кисло улыбнулся:

— Добро пожаловать на Матуа.

Покосился на ее босые ноги. Хмыкнул:

— Не замерзнете? У нас плюс шестнадцать.

— А в Москве минус десять, — улыбнулась Садовникова. Добавила: — Я польщена. Меня еще никогда в жизни сам мэр не встречал.

— Чего не сделаешь для дорогих гостей? — печальным тоном откликнулся тот. — Вы готовы? Пойдемте.

— А что с моим чемоданом?

— Доставят в целости и сохранности, не беспокойтесь.

— Слушайте, у вас такой таинственный остров! — ослепительно улыбнулась Татьяна.

Мэр хмыкнул:

— С чего сей глобальный вывод?

— Ну, окно заклеено. Из каюты не выйти. Почему?

— Вам разве не очевидно? — В голосе засквозило раздражение.

— Нет, — простодушно произнесла Татьяна.

— Всем любопытно. Все хотят заработать. Фотографируют. Потом в журналы продают, в Интернет сливают, — пожал плечами Филипп Борисович. — А я, например, не хочу видеть свой дом на обложке какого-нибудь «Сноба». И другие не хотят. Вот и приходится принимать меры.

Больше никаких вопросов Таня не задавала. Проследовала вслед за мэром по узкому коридору. Попрощалась с помощником капитана.

Два катера — большой и маленький — были пришвартованы к кораблю.

— Прощу. Ваш ВИП-транспорт. — В голосе мэра Тане послышалась насмешка.

Но ее гораздо больше интересовало второе плавсредство, где уже шумела публика рангом пониже. Несколько мужчин в корабельной форме. Скромно одетые мексиканки, чилийки. Молодые мускулистые парни. Это, наверное, продавщицы, домашний персонал, те же пляжные уборщики. Но вот и вчерашние знакомые. Компания беременных дамочек. И детский коллектив — веселится, хохочет, дама-надзирательница надрывает голос,

пытается утихомирить.

— Что это за ребятня? — Татьяна повернулась к мэру.

— «Golden bodies», — с ужасающим акцентом отвечал тот. — «Золотые тела». Детский балет. Завтра у нас спектакль дают.

— Да вы что? А какой?

— «Ромео и Джульетту».

— Ничего себе! Культурная у вас жизнь, — похвалила Татьяна.

— Ага, от силы раз в месяц, — отмахнулся мэр. — И то с проблемами.

Скислился еще больше, но в детали проблем вдаваться не стал.

Их Таня увидела сама. Большой катер отшвартовался первым и за пять минут достиг пристани. На берегу его встречала целая группа ярко одетых людей. И у каждого в руках — что-то объемное, то ли транспаранты, то ли плакаты.

— Кто это? — встревоженно обратилась Татьяна к мэру.

— Народу делать нечего, — раздраженно отвечал тот.

Садовникова в изумлении наблюдала, как компания островитян вскочила. Выстроилась в линию. Развернула транспаранты и флаги. Лозунги разглядеть не получалось, зато было хорошо слышно, как толпа скандирует:

— Get out! Get out!^[8]

Девушка потребовала у мэра:

— Объясните же наконец! Что это значит?!

— Вы знаете английский? — Тот явно тянул время, решал, что ответить.

— Естественно, — раздраженно отозвалась Таня. — Так в чем дело?

Мэр очень неохотно ответил:

— Протестуют жители. Против танцоров малолетних.

— Но почему?

— Говорят, мы педофилию разводим.

— Разводите что? — опешила Садовникова.

— Ну, «Ромео и Джульетта» — спектакль провокационный.

— Какой?!

— Ну хорошо. Просто спорный. К тому же все роли исполняют дети. Авангардная постановка. Поддержки, объятия, юбка задралась, попа мелькнула. Пара поцелуев присутствует — имитация, конечно.

— А при чем здесь педофилия? — не поняла Таня.

— Наши идиоты так решили.

— Может, в спектакле взрослые участвуют? — продолжала допытываться Садовникова.

— Нет, — поморщился мэ. — Хорошая, добрая постановка. Но некоторые глупцы считают, что она будет провоцировать зрителей.

— На что?

— На нездоровую страсть.

Таня потрясла головой. Опасливо спросила:

— А что, у вас уже были случаи?

— Господи, да о чем вы говорите! — взорвался мэ. — Здесь живут уважаемые, семейные, солидные люди! У нас преступности в принципе нет. Ни одной кражи за последние три года.

— Но мы вроде о педофилии говорили.

— Такой гадости тем более нет!

— То есть все поголовно женаты и супругам не изменяют, — хмыкнула Татьяна.

Мэ признал:

— Ну, есть, конечно, отдельные кадры, холостяки. Привозят фотомоделек себе на забаву. Но совершеннолетних, только старше восемнадцати! Мы на въезде тщательно проверяем документы! Ни единого случая половых отношений с малолетними за все время существования нашей колонии не было. Но людям только дай повод — к любому, даже самому хорошему, делу прицепиться.

— Так не давайте повода, — посоветовала Татьяна. — Пригласили бы взрослых танцоров.

— Сама попробуй, — огрызнулся мэ. — У нас народ избалованный, местных смотреть не хотят, всем Большой театр подавай. А он сюда, что ли, поедет? Поедет. Миллионов за десять. Таких денег никто платить не хочет, естественно. Комиссия по культуре долго думала, выбирала, нашла компромисс: талантливые детишки, хорошая постановка. Билеты бюджетные. Но нет! Опять не угодили.

Крики на берегу продолжались. Среди английских проклятий Таня отчетливо расслышала нашенские: «Долой!», «Позор!» и «Казнить!».

Опасливо спросила мэра:

— У ваших митингующих с головой все в порядке?

Филипп буркнул что-то неразборчивое.

В этот момент на маленький катерок взбежал Марк. Кинулся к Садовниковой, фамильярно обнял, расцеловал в обе щеки:

— Добро пожаловать! Как я тебя ждал!

И руку на плечо водрузил — очень по-хозяйски.

Таня опасливо взглянула в его щенячьи восторженные глаза. Как бы не возникло *еще одной проблемы!*

Аккуратно освободилась от его руки. Произнесла:

— Здравствуйте, Марк.

— Танюшка, — продолжал сиять он. — Выкает она мне! Все церемонии в Москве остались.

Ссориться не хотелось, но произнесла твердо:

— Я на «ты» только с давними друзьями.

— Я тебе таким скоро стану! — заверил Марк.

«Ох, чего я раньше-то не подумала?! Он мою кандидатуру отстоял и теперь, видно, благодарности ждет».

В принципе, достойный парень. Стройный, ладный. Молодой (старперы девушке не нравились никогда). Неглупый. Богатый.

Но когда ее принуждают — девушка не терпела.

Холодно произнесла:

— Мы обязательно перейдем на «ты». Но не сейчас.

Давить парень не стал. Сделал бровки домиком. Вздыхнул:

— Слушаюсь, Татьяна Валерьевна!

Она спешно перевела разговор на другую тему:

— Вот не думала, что у вас тут митинги!

— А, не обращайтесь внимания! — отмахнулся молодой человек. — Перегрелись люди.

Деловито махнул капитану — катер немедленно начал отчаливать.

Марк — загорелый, беспечный, в идеальной гавайской рубашке — взялся рассуждать:

— Подумай... то есть подумайте сами. Вот жил человек в большом городе, в постоянном стрессе — а потом вдруг попал в тихую гавань. С годик покоем понаслаждался — дальше скучно стало. И начинает от безделья себе проблемы придумывать.

— Не проще, если скучно, вернуться обратно в мегаполис? — резонно поинтересовалась Татьяна.

— Не все так просто, — хмыкнул Марк. — По нашим законам перепродать недвижимость нельзя. Раз купил, получил гражданство — все, живи. Обратного пути нет.

— На последние деньги, что ли, покупали?

— Очень многие да. Есть ведь целая страта людей, которые ставят перед собой цель заработать не все золото мира, а именно миллион. Ну или два.

«Интересный ты, Марк. Косишь под простачка, а умные словечки сами собой вылетают».

Молодой человек продолжал:

— Миллион заплатили за дом. Второй должен обязательно лежать здесь, на острове. В банке. Своего рода страховка от нищеты. Ежемесячный налог на сервис — в районе тысячи долларов. Коммунальные услуги — столько же. Больше ничего и не остается. Не то что впроголодь живут, но ходят в одних джинсах по три-четыре года. И даже в Чили не выбирают. Не на что.

Путь от большого корабля до берега был совсем недолог. Таня краем уха слушала Марка и жадно разглядывала свой дом — на ближайший год. Остров стремительно надвигался: сказочно белые особнячки в обрамлении пальм, велосипедные дорожки, архитектура колониальная, а фонари — точно, как на Большой Дмитровке. Кто-то из собянинских, что ли, подряд получил?

Катерок ткнулся в пристань. Их никто не встречал. Марк галантно подал девушке руку. Обернулся к мэру:

— Непорядок, Филипп Борисович! Почему хлеб-соль Татьяне не заказали?

Чиновник метнул в шустрого юношу презрительный взгляд. Буркнул:

— Не устал паясничать?

Митингующие — сейчас их было видно прекрасно — вытянули шеи.

Кто-то в небольшой толпе крикнул:

— Мэр!

И немедленно вся компания оказалась на ногах, ловко развернули плакаты. Родимый русский посередине Тихого океана. «НЕТ ПЕДОФИЛАМ!» «ТАКОЕ ИСКУССТВО НАМ НЕ НУЖНО!»

Кто-то звонко провозгласил:

— Бойкот спектаклю!

И остальные дружно подхватили:

— Бойкот! Долой!

— Придурки, — проворчал под нос мэр.

— По-моему, они прямо противоположного добились, — усмехнулась Татьяна. — Я не очень люблю детские коллективы, но сейчас очень хочу пойти.

— Нет разврату! — отчаянно выкрикнул женский голос.

Двое мужчин с Татьяной сошли на берег. Мэр чуть отстал, бесстрашно подошел к митингующим. По-отечески обратился к только что выступавшей даме:

— Людмилочка Петровна, бросьте вы ерундой заниматься. Приходите лучше на спектакль, я вам билетик в ВИП-ложу оставлю.

Но мирный тон толпу лишь раззадорил. Зашумели, заволновались:

— В отставку мэра! Прочь с острова! Долой! Запретить!

Кричали громко, но не очень страшно. Не возникало ощущения, как в Москве, что толпа бросится, сметет, швырнет бутылку с горючей смесью. Да и полицейских — ни единого! — поблизости не наблюдалось.

Таня обернулась. Отметила: Людмилочка Петровна (крайне толстая дама в пончо) сделала пару шагов в сторону от собратьев и выкрикивать лозунги перестала. Явно польстилась на пропуск в VIP-ложу. Легко же на острове бороться с инакомыслящими!

Пограничников или таможен Тани проходить не пришлось — едва сошли с пристани, немедленно погрузились в экологичную «Тойоту Приус».

— Сейчас, Танечка, вас домой отвезем, — озвучил программу Марк. — Но по пути — небольшой крючок, Филиппа Борисовича высадим. Вам ведь в мэрию, шеф? А Таня заодно город посмотрит.

Садовникова думала, что они сразу двинутся к центру острова, однако дорога плавным эллипсом вывела их на набережную. Странная, слегка даже тоскливая картина: идеально выровненный призывно-желтый песок. Зонтики, лежаки. И ни единой души.

— Плюс шестнадцать. Холодно купаться, — прокомментировал Марк. — Да и волны.

Океан действительно шумел, бурлил — но вода все равно выглядела манящей, лазурно-синей.

А метрах в пятидесяти от берега, на доске под парусом, маячила фигурка. Казалась в своем черном гидрокостюме совсем крошечной. То ли ребенок, то ли чертенок.

— Кто это? — заинтересовалась Татьяна.

— Марьянка с ума сходит, — ворчливо прокомментировал мэр.

А Марк весело добавил:

— Филипп Борисович имеет в виду, что Марьяна Макарова не устает готовиться к международному турниру. «Крылья мыса Горн». Тихоокеанский кубок по виндсерфингу.

— Какая-то она очень маленькая для турниров, — прищурилась Таня.

— Сколько ей, Филипп Борисыч? — обернулся к мэру Марк. — Одиннадцать?

— В июне тринадцать будет.

— И уже соревнуется? — опешила Садовникова.

— Так ее брат на доску в семь лет поставил! — объяснил молодой человек. — У нас ведь с няньками беда, вот Марьяну и скинули на старшего. А тот будет, что ли, рисованию ее учить? Сам с друзьями в

преферанс — ее за болвана сажают. Серфом увлекся — сестру с собой потащил. Он-то давно бросил, теперь на аквабайке гоняет, а Марьяшка подсела.

— И родители разрешают? В двенадцать лет? В шторм? Одной? В океане? — изумилась Садовникова.

— Это разве шторм? Легкие волночки, — отмахнулся Марк. Прищурился на точку в море, добавил: — А вот что она опять без жилета спасательного — это я ее родичам сегодня обязательно доложу.

— Вы на острове всех знаете? — улыбнулась Татьяна.

— Наших — да. В приезжих путаюсь. Только сегодня ротация: сто пятнадцать прибыли, девяносто два уезжают. Вам помощница по хозяйству, кстати, не нужна?

— Да я сама все умею, — усмехнулась Садовникова.

— Это мимо тренда, — решительно заявил Марк. — *Русские* на острове живут в свое удовольствие. Даже те, кто приехал сюда работать. А черную работу должны выполнять специально обученные люди.

— К тому же помощница входит в ваш контракт, — встрял мэр.

«Снобы несчастные», — весело подумала Таня.

Она достаточно поколесила по миру. Бывало, общалась с эмигрантами из России. Заметила: те постоянно пытаются доказать, что идеально вписались в чуждую среду. Что *правильно* сделали, когда сбежали из страны.

Однако, как ни старались бывшие наши, в их глазах почти всегда плескались неуверенность и тоска. Но мэр тихоокеанского острова и Марк вели себя несравнимо увереннее. Они явно жили *на родине*.

Машина свернула в глубину острова. На ближайшем строении красовалась табличка: «ГЛАВНАЯ УЛИЦА. ДОМ № 1». А вот и первая вывеска — тоже на родном русском: «ТОВАРЫ ПОВЫШЕННОГО СПРОСА». Дальше последовали «АПТЕКА», «БАР», «ПЕКАРНЯ». За прилавками, однако, виднелись сплошь смуглые лица.

Таня фыркнула:

— А ваши чилийцы по-русски говорят?

— Стараются, — серьезно ответил Марк. — Мы сначала даже хотели закон о государственном языке принять. Для тайцев и прочих — обязательный экзамен устраивать. Но пожалели бедняг. А вообще это наш фетиш. Никаких англицизмов или китайской экзотики.

Главная улица оказалась недлинной. Садовникова успела увидеть еще фруктовую лавку, массажный салон и магазин одежды. А дальше машина притормозила у двухэтажного здания.

Вывеска гласила: ЦЕНТР ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ. Тут Таня не выдержала — рассмеялась в голос.

Марк слегка смутился:

— Как было еще назвать? Тут все городские службы в одном флаконе. Комитет по культуре, клининг, коммунальные службы, банк. И Филипп Борисович сверху, из пентхауса, надзирает.

— А я где буду работать? — заинтересовалась Татьяна.

— Тоже тут.

— А посмотреть можно?

— Вот они, истинные трудоголики! — возликовал Марк. — Трое суток в пути — и сразу рвутся к станку!

— Нет, Татьяна Валерьевна, — строго произнес мэр. — Войны у нас нет, на амбразуру бросаться не надо. Езжайте посмотрите сначала свой дом. Освойтесь. Отдохните. А завтра — добро пожаловать. Можете и послезавтра. Вам сначала акклиматизироваться надо.

«Вот синекура!» — возликовала она.

Филипп Борисович вышел из авто. Неторопливо пошагал к парадной. Швейцар афроамериканец — углядела Татьяна — загодя распахнул дверь, расплылся в подобострастной улыбке. Мэр приветствовал его надменным кивком.

— Чертов гусь! — весело прокомментировал Марк.

Встретил внимательный Танин взгляд, пояснил:

— Но мэр обязан быть скучным и малость нелепым. Специально такого выбирали.

— Ох, как у вас тут интересно! — искренне восхитилась девушка.

— Вы еще своего общежития не видели, — лукаво улыбнулся Марк. Обратился к водителю: — Пальмовая улица. Дом семьдесят.

— Простите? — виновато обернулся чилиец.

Марк вздохнул, перевел:

— Palm street, seventy.

— Прекрасный адрес, — похвалила Садовникова.

— Есть — как в песне — еще Вишневая, Грушевая и Тенистая. Но Пальмовая, на мой взгляд, к месту лучше всего подходит.

Быстро выехали из центра, снова помчались по пустынной набережной.

Таня бывала на островах и не уставала удивляться, насколько Матуа тих в сравнении со своими карибскими собратьями или тем же обиталищем Робинзона Крузо. Ни веселых торговцев, ни пьяненьких нищих. Ни единого такси. Яхт тоже не видать. Прилизанные улочки. Аккуратные

мусорки. Стройные, одного роста, пальмы — кривые или слишком высокие, похоже, безжалостно выкорчевывают. Прохожих почти нет.

— А вот и ваша резиденция! — возвестил Марк.

И Таня едва удержалась от восторженного возгласа. Ждала чего угодно — то ли особняка, то ли таун-хауса с четырьмя входами. А может, и вправду многоквартирного общежития.

Но ее домик выглядел словно подмосковная дачка. Очень маленький, пять на пять метров, одноэтажный, крашен в белое. Два окна обрамлены милыми ставенками. Пальмы вместо груш и крыжовника смотрелись странно, но глаз радовали. А еще больше радовало, что жилище располагалось практически на вершине холма, и океан отсюда смотрелся феноменально.

«Я, как чайка, буду парить над стихией!»

— Места для машины нет, — прокомментировал Марк. Приказал водителю: — Wait here^[9].

Отомкнул магнитным ключом калитку, пропустил Садовникову вперед. Дорожка свежее выметена, крыльцо чисто вымыто.

— С другой стороны — терраса с видом на океан. Потом сами посмотрите.

Марк приложил карточку к двери. Замок дружелюбно пожужжал, щелкнул.

— Многие в домах ходят по-иностранному, в обуви, но я люблю босиком. — Парень скинул на крыльце свои сандалеты.

Таня последовала его примеру.

Плиточный пол приятно охлаждал пятки. В приоткрытые окна рвался бриз. Пахло солью и чуть-чуть сыростью. Домик внутри ярко солнечный, отделан нежной, лимонного цвета плиткой. Мебель очень простая, но вся новая, аккуратная, приятных желто-коричневых тонов.

— Спальня, кабинет, кухня, удобства, — быстро показал Марк. — Постельное белье, полотенца — в шкафу. Всякая хозяйственная мелочь — в кладовке. В кухне кофе, чай, фрукты. Велосипед — на первое время — в сарае. Простенький, но ездит. Если не понравится — есть магазин и прокат. Ваш чемодан доставят в течение часа. Вопросы?

— Во сколько мне завтра быть на работе?

— Маньяна!^[10] — улыбнулся парень. — Тут никто и никуда не спешит. Хоть в полдень. Хоть к обеду.

Взглянул многозначительно, добавил:

— Но я буду вас ждать.

И ушел.

Таня осталась одна. Шумел океан, шуршали на ветру пальмовые листья, но все равно сохранялось ощущение звенящей, почти тягостной тишины. Садовникова обошла свой крошечный домик. Постояла у каждого окна. Любая бабуля-сплетница удавилась бы от тоски. Наблюдательный пост номер один. Вид на дорогу. Ни единой машины, ни велосипеда, ни прохожего. Второе окно — на соседский дом. Все окна зашторены, на участке тишина и пустота. Ну и самое эффектное. Панорамный вид — из спальни — на океан. Волны бушуют, пенятся. Синева обволакивает. Но опять — ни одной живой души.

Только далеко-далеко мелькает уже знакомый парус виндсерфа. Ничего себе, упрямая девочка! Часа два она в воде, это как минимум.

Таня отчаянно зевала, в голове пошумливало. Завалиться, что ли, спать? Но только ведь заснешь — начнут в дверь долбить, чемодан привезут. И даже если не разбудят, все равно проснешься с дурной головой.

И Садовникова даже обследовать свое жилище не стала. Взяла с тумбочки магнитную карту-ключ, надела сандалии и захлопнула дверь. Прогулка в быстром темпе — панацея и от мигрени, и от джет-лега.

Домик ее хоть и предлагал потрясающий вид, но расположен был совсем не по-курортному. До пляжа — километра два вниз по извилистой, довольно крутой тропке. Таня сначала хотела взять велосипед, потом передумала. Слететь с горы на всей скорости, конечно, эффектно, зато потом на обратной дороге с ума сойдешь. Лучше на своих двоих. Заодно поглазеть на соседские дома, поздороваться с кем-то из местных.

Садовникова пружинисто пошагала вниз, мимо одного коттеджа, второго, третьего. И быстро заметила еще одну очень русскую деталь: никаких кованых решеток, открывающих дворы всему миру. Заборы везде — сплошь глухие, в человеческий, а то и выше рост.

Чем ближе к воде, тем шикарнее становились дома. Одна из крыш — Таня даже остановилась поглазеть — вообще как будто из золота, слепит глаза, поражает воображение. Хоть бы табличку повесили на калитке: здесь живет олигарх такой-то.

Из-за забора наконец донесся первый *человеческий* звук. Очень хмельной мужской голос сначала грязно выругался на родимом русском. А потом разудало заголосил:

— Есаул, есауул! Что ж ты брооооосил коня?!

«М-да. Не наврали. Настоящий остров анонимных алкоголиков, — хмыкнула Таня. — И как мне вас перевоспитывать?»

Она спустилась еще ниже и оказалась в небольшом парке. Магнолии,

пальмы, скамейки, питьевые фонтанчики. Но опять — ни души. Садовникова прошагала по милому дощатому мостику и наконец вышла на пляж. Ох, красота! Бесятся волны, ветер в лицо. Но погода совсем не купальная. Таня рванулась было к океану, сбросила сандалии, забежала в воду и поняла, что моржи — герои. Лично у нее ноги от ледяной волны свело мгновенно, и девушка завалилась на теплый песок — сушиться и загорать. Поглядывала то на бушующий океан, то в голубое небо. Соленые брызги приятно покалывали лицо. Неужели она одна на всем огромном пляже?

Перекатилась со спины на живот. О, прогресс! В парковой полосе, что шла параллельно кромке океана, появились двое смуглолицых, похоже, чилийцы. В одинаковых синих комбинезонах. Возятся с питьевым фонтанчиком.

Таня помахала им рукой. Но рабочие стояли полубоком и ее приветствия не заметили.

Она снова обернулась к воде.

Неутомимый парус продолжал носиться по волнам. Но — показалось Татьяне — с каждым лихим поворотом подбирался все ближе к берегу. Садовникова с восхищением наблюдала за крохой-фигуркой. Молодец эта Марьяна! Не свалилась ни разу. Хотя волны — и захлестывают и подбрасывают.

Когда юная чемпионка оказалась совсем близко, Таня не поленилась, поднялась, подошла встретить. Бедняга. Хоть и в гидрокостюме, а вся дрожит. Руки, лицо покраснели от холода. Губы синие, щеки ввалились. Куда родители смотрят?

Садовникова не колебалась ни секунды. Расстегнула кардиган, сняла, отдала:

— Держи.

— Спасибо!

Девчонка швырнула свой серф на песок, благодарно утонула в Танином свитере. Но зубы продолжали стучать от холода.

— Слушай, ты такая молодец! Просто супер! — искренне похвалила Садовникова.

— Спасибо. — Девчонка опустила глаза. Смущенно пробормотала: — А почему я вас не знаю?

— Я только сегодня приехала, — девушка протянула руку. — Таня Садовникова.

Ледяная детская ладошка ответила мужским рукопожатием.

— Марьяна Макарова. А вы, значит, та самая?

— Та самая кто?

— Ну, папа вчера смеялся. Всех от пьянства кодировать будете.

— Нет, кодировать я не буду. Но с пьянством побороться попробую, — усмехнулась Татьяна.

Ветер усиливался, гнал прямо на них зловеще чернильную тучу. Кардиган девчушку не спас — продолжала трястись, и Садовникова решительно сказала:

— Тебе надо срочно переодеться. Где твои вещи?

— Там! — Марьяна махнула в сторону пристани. — Меня волной снесло.

— Вперед!

Таня подхватила тяжеленный серф.

— Брось, — запротестовала девчонка. — Никто не тронет.

— Тогда побежали! — крикнула Садовникова.

Схватила спортсменку за ледяную руку и взяла самый легкий, разминочный темп. Перекрикнула свист ветра:

— Никогда сразу не мчись. Разгоняемся постепенно, готовим сердце.

Через пару минут они уже бежали под десять километров в час. Марьяна слегка запыхалась. Таня, привычная к тренировкам, успевала поглядывать по сторонам. Справа бесился океан. Слева тянулась парковая полоса. В ней встречались чрезвычайно редкие прохожие. Вдруг мелькнули два знакомых синих пятна. Очень похоже на комбинезоны чилийцев, которые фонтанчик чинили. Они за ними, что ли, бегут? Таня всмотрелась пристальнее — но фигуры уже исчезли.

Пробежка по приятному, не слишком сыпучему песку окончательно взбодрила Садовникову. Да и девочка наконец-то разругалась, перестала дрожать. Замедлила темп, предложила:

— Давайте я вам свитер верну?

— Не снимай ни в коем случае! Простудишься, — тоном старшей сестры прокричала Татьяна.

Пусть Марьяна хорошенько пропотеет. Потом растереть ее полотенцем, переодеть в сухое — и хворей можно не бояться.

Добежали до брошенной на песке спортивной сумки.

— Вот мои вещи, — кивнула Марьяна.

— Где полотенце?

— Сверху.

Девчушка выпрыгнула из гидрокостюма. Под ним оказались одни лишь трусики. Смущенно прикрыла грудь (два смешных прыщика), пробормотала:

— В лифчике неудобно.

Удивительный остров. Спокойно переодеваешься на пляже — и никто на тебя не смотрит. Но Таня автоматически огляделась. И снова ей показалось: в парке, в пальмовой аллее, что-то синее.

Она отвернулась. Прикрыла девчушку своим телом. Растерла полотенцем, помогла застегнуть пуговицы клетчатой рубашки.

— А свитер?

— Нету, — виновато вздохнула Марьяна.

— Тогда опять надевай кардиган. А я сейчас.

И Таня на максимальном ускорении рванула в парк.

Да, зрение не обманывало — сейчас она отчетливо увидела две улепетывающие фигуры в синих комбинезонах. Вот придурки! Не поленились ведь проследовать за ними, затаиться и наблюдать, наблюдать.

— Ты куда бегала? — Девчушка легко перешла на «ты».

Садовникова не стала скрывать:

— Два идиота. Подглядывали, как ты переодеваешься.

— А, чилийцы? — махнула рукой Марьяна. — Это смотрители парка. Мигель и Хорхе. Они озабоченные. Все время на меня глазают. — Хихикнув, добавила: — А брат ржет. Говорит, у меня и смотреть-то не на что.

Таня тоже не понимала, что может быть *возбуждающего* в угловатых девчачьих формах. Но вспомнила сегодняшний митинг на пристани, спросила осторожно:

— Ну, у вас ведь тут целое движение... против... м-мм...

А знает ли вообще двенадцатилетняя девочка это слово?

Но Марьяна легко закончила:

— Ага. Против педофилов. Правда, педофилов ни одного нету.

— А с чем они тогда борются?

— Делать нефиг, — вздохнула Марьяна. — Папа говорит, их наш комитет по культуре это, как его... спровоцировал.

— Тем, что пригласил детскую труппу?

— Да нет, это все давно началось! — с удовольствием проинформировала Марьяна. — С тех пор, как к нам на остров Шакти Саррендер приезжала.

— А кто это?

— Ты не знаешь? Очень известная, про нее даже в «Нэйшнл джиографик» писали! А потом она сама книжку выпустила. «Мне девять, и я в разводе». Что-то такое. Она устроила встречу и всем жителям свой роман подписала. У меня тоже есть.

— Ты читала?

— Мне что, делать нечего? — Марьяна взглянула с искренним ужасом. — Нам «Динку» в школе задали — третий месяц осилить не могу.

«Новое поколение», — усмехнулась про себя Садовникова — сама-то она книгу Осеевой проглотила за ночь и потом раз десять перечитывала.

— Блин. — Марьяна решительно запихнула гидрокостюм в сумку. — Теперь еще обратно за серфом переться. Он тяжелый, зараза. — Хихикнула. — Может, этих придурков чилийских попросить? Чтоб помогли?

— Других вариантов нет?

— Не-а. Папусик еще с утра напламбился до отключки, — тяжело вздохнула Марьяша. — А братка в Майами. На сборах.

Про маму вообще не упомянула.

— Давай я тебе помогу.

— Ты прямо тяночка!^[11] — Девочка взглянула с восхищением.

— Кто?!

— С чего тебе возиться со мной? Делать нечего?

— Сегодня нечего, — улыбнулась Татьяна. — Мне даже чемодан еще не привезли.

— А кормили?

— Утром на корабле съела банан.

— Вот дигроты!

— Кто?

— Ну, дебилы, задроты. Начальство наше. Неужели даже кафешку не показали?

— В моем домике есть кофе.

— Гениально. Ладно, фиг с ним, с серфом. Пошли сначала закинемся.

Марьяна легко подхватила свою сумку, спросила Татьяну:

— У тебя сотки есть?

— Доллары?

— Забудь, — ухмыльнулась девочка. — Ты не за границей.

Двинулась прочь с пляжа. Сполоснула ноги от песка под аккуратненьким душиком (Садовникова последовала ее примеру). Уверенно провела Таню через узкую полосу парка. Остановилась у нескольких велосипедов, прикованных к специальной подставке. Просветила:

— Сто ваших рублей в день. Тотальная халява.

— Ой, — вспомнила Татьяна, — я же с собой кошелек не взяла.

— Тогда буду тебя угощать, — с удовольствием сообщила Марьяна.

Вытащила из кармана джинсов две родимые российские купюры.

Всунула в автомат. Отцепила велосипеды. Просветила Татьяну:

— Приковать надо завтра до этого же времени. В любом месте, где прокат увидишь.

— Здорово тут у вас!

— Да ладно. На них никто не ездит, — отмахнулась Марьяна. — Не круто.

— А на чем ездят?

— Мотобайки. Квадрики. Папаша мой, — нахмурилась, — на машине гонял.

— Где тут гонять-то?

Таня огляделась. Улочка совсем крошечная, даже более узкая, чем в Индии. Только гораздо чище.

— Ну, батя умудрялся, — личико сразу грустное.

Закинула сумку в корзину перед рулем, вскочила в седло, весело выкрикнула:

— Погнали!

И резко повернула прочь от моря.

Снова коттеджики, потом вдруг длинное, на целый квартал, двухэтажное здание. Окна или скрыты жалюзи, или тонированы.

— Это что? — заинтересовалась Татьяна.

— Тут наш крэйзи профессор опыты ставит! — просветила Марьяна.

— На ком?!

— На чилийцах. Да шучу я, ты че? Просто химичит, эликсир молодости, типа, создает.

Прибавила скорость, пояснила:

— Езжай быстрее, тут испарения. Говорят, очень вредные. Соседи с профессора давно хотят денег стребовать. За риск для здоровья.

— А есть риск?

— Папа говорит, нету. Но мне здесь все равно как-то не по себе становится.

Марьяна миновала «опасное место» на максимальной скорости. Сообщила:

— А сейчас поедem через трущобы. Ну, тут всякие продавцы, уборщики живут.

И Таня наконец увидела хотя бы намек на страну третьего мира. Переполненные мусорные баки, грязные витрины, тетушки в бигуди, тощие собаки, сушится белье, темнокожие люди сидят на корточках.

— У нас вообще-то не грабят, но ко мне однажды два кекса-китаезы подкатали. Лет по семнадцать, прыщавые. Дай, говорят, на мороженое. Ну,

типа, кадрились, — весело сообщила Марьяна. — А я им нашу «штуку» зеленую даю. Они в ауте: «Сто такое? Сто зя деньги?» Не взяли. И даже клеиться больше не стали.

«Вот оторва!»

В Тане — когда общалась с новой знакомой — прямо какой-то материнский инстинкт пробуждался. Хотела бы она такую дочку. Спортивную, смелую, бесшабашную.

Но вот трущобы остались позади, и мир снова сказочно изменился. Идеально чистая улица, свежая штукатурка домов, до блеска отмытые окна. И вывески, родные, русские вывески: «Аптека», «Парикмахерская», «Пекарня».

— А вот и кафешник. — Марьяна лихо притормозила у домика в стиле средиземноморского шале. — Держат китайцы. Но кухня всякая. Пицца, суп луковый. Даже борщи варят — их, правда, никто не ест, кроме мэра нашего чиканутого.

Девушки вошли внутрь.

Полумрак, прохлада. Но народу немало. Пары, дамские компании. Старички с шахматами. Мужики с пивом. От каждого столика Марьяне улыбаются, машут. Показывают на свободные стулья.

Но юная спортсменка решительно произнесла:

— Сядем сами, а то смотрят на тебя, как на слона. Свежачок приехал! Сейчас начнут выпрашивать, поесть не дадут.

Марьяна уверенно продвигалась к свободному столику у окна. Таня послушно следовала за своей провожатой. И вдруг отчетливо услышала в спину:

— Гадина!

Вздрогнула, обернулась. Столик. За ним угасает потрепанная дама — очень похоже, будто картина «Любительница абсента» ожила.

Встретилась с Таней взглядом, губы в нитку, глаза плещут гневом:

— Тварь!

— Это вы мне? — растерялась Садовникова.

Марьяна обернулась, поморщилась, схватила ее за руку:

— Пошли отсюда быстрее.

Протащила Таню в другой конец кафе, усадила, сказала:

— Вот меню. Выбирай.

Но Садовникова отодвинула кожаную папочку:

— Кто эта женщина?

— Ой... ну, это Митькина мама.

— А что я ей сделала?

— Ты — ничего. Это она меня убить хочет. Как всегда.

— Убить тебя? За что? — опешила Таня.

Девочка поморщилась:

— Мой батя ее сына на машине сбил. Насмерть. С тех пор она рехнулась, — тяжело вздохнула. Добавила: — И батя мой тоже. Оба вообще не просыхают. Но ты не бойся. Главное — не смотри на нее. Она сама никогда не подойдет и ничего не сделает. Только шипит, когда мимо проходишь.

— Ох, Марьяна, — покачала головой Садовникова. — Сроду я ни над кем крыльями не хлопала. Но мне за тебя почему-то страшно.

* * *

В шесть вечера Таня вышла на террасу.

Солнце залихватски тонуло в океане, ее первый день на острове Матуа уходил в небытие. Странные он оставил впечатления!

Самым сильным оказалось разочарование.

Садовникова (когда изредка размышляла об идеальной жизни) представляла себе именно такой остров. Уединенный, богатый, где все равны — по статусу и образованию. Не надо гнаться за хлебом насущным, нет смысла сплетничать, нет поводов ссориться.

Однако какой там рай! Ощущение, будто попала в очередь в муниципальной поликлинике. А то и на зону. Атмосфера в кафе, казалось, вот-вот заискрит. Всего-то час с Марьяной просидели — и услышали минимум три разговора на повышенных тонах. Одну ссору с криком. И драку — причем сцепились двое благообразнейших джентльменов.

Таня каждый раз, когда где-то за столиком повышали голос, вздрагивала. Девочка посмеивалась:

— Чего ты трусишь? У нас всегда так.

— Но почему?

Марьяшкины глаза погрузнели.

— Типа, из-за выпивки.

Приблизила голову к Татьяне, понизила голос:

— А еще местные — ну, чилийцы, — говорят: место про́клятое. Здесь всегда бунты, войны были. Потому остров нам и продали за копейки.

Грустно отхлебнула ледяной воды, добавила:

— У меня папка, пока сюда не переехали, со мной возился. Помогал. Побазарить с ним всегда можно было. А здесь — как заколдовали. Меня

будто нет. И выпивать начал. Каждый день по чуть-чуть, потом все больше, больше. Брат тоже — с тринадцати кирял. Я и думаю: во-первых, место нехорошее. Плюс чокнутый профессор атмосферу травит. Вот у народа крышу и рвет. Может так быть?

— Нет. До подобного наука еще не дошла, — улыбнулась Садовникова.

— А почему тогда братка в Майами уехал — и сразу пить бросил? — с вызовом спросила Марьяшка.

— Да в Штатах просто до двадцати одного года спиртное не продают, — парировала Татьяна.

— Всегда можно достать, если нужно, — упорствовала девочка.

Таня взялась спорить, доказывала, что американцев по-мелкому подкупить невозможно, и Марьяну почти убедила.

Но только сейчас, на террасе, ее саму охватило странное чувство. *Ужасно захотелось выпить.*

Ноги будто сами подвели к холодильнику. Ледяное вино. Фрукты на закуску. Солнце утонуло в океане.

Выпила залпом. Со страстью. Будто матерая алкоголичка. И немедленно бросилась наливать второй бокал.

«Не бывает такого! — в изумлении подумала она. — Я всегда сама себя контролирую!»

Вторую порцию выпивки старалась смаковать — но все равно оприходовала за пять минут.

Больше, к счастью, не хотелось.

Таня с удовольствием схрумкала два суперсладких банана.

Бездумно уставилась на зелено-серо-синие бурлящие воды. Что, черт возьми, происходит?

Сегодняшнюю вдруг возникшую страсть к вину — ладно, спьем на джет-лег и стресс от смены климата и обстановки. Но как быть с прочими странностями?

Педофилии — в один голос кричат мэр, Марьяна и Марк — на острове нет. Но зачем к теме тщательно подогревают интерес? В мире полно писателей, артистов и прочих гастролеров. Но выступить на Матуа зачем-то приглашают девятилетнюю девочку, успевшую выйти замуж и развестись. И очень взрослый спектакль «Ромео и Джульетта» тоже непонятно почему представляют дети. Островное начальство словно само скользкую тему провоцирует — а потом с ней борется. В чем смысл?

Может, Валерочка сумеет разобраться?

Вернулась с террасы, улеглась в кровать — вид на океан от этого хуже

не стал, — включила лэптоп. Но тщетно пыталась открыть почтовый сервер. Значок вай-фая то и дело исчезал. Бесконечно долго крутилось колесико с вежливым: «Please, wait», а дальше связь обрывалась.

Таня сбросила с колен компьютер, перекатилась к тумбочке, где лежал телефон, взглянула на экранчик — та же картина.

А обещали неограниченный доступ.

Ладно. Поругаться с местным начальством еще успеем. А пока что она включила мобильный Интернет и все-таки отправила письмо. Потом проверила баланс. Обошлись несколько строк почти в пятьсот рублей. Мощные расценки. Но что оставалось делать? Ей все равно надо было сообщить домашним, что она добралась в целости и сохранности.

Зато городской телефон работал исправно. Приятная мелодия звонка, слышимость изумительная.

Марк. Веселый, чуть насмешливый:

— Танюшка? Ой, простите, — Татьяна Валерьевна?

— Здравствуйте, Марк, — ответила и подумала: «Правда, глупо. Он существенно младше. Да и вообще в рекламной тусовке выкает только начальство».

— Я звоню с плохими новостями. — Тон, правда, безоблачный. — Завтра в девять утра вас ждут на ковре.

— Где?

— Шефу не спится. А его слово закон.

— Меня примет сам...

— Да. Так что не проспите. То есть прости — не *опаздывайте*, — расхохотался Марк и положил трубку.

Она его наконец увидит.

Владелец острова и самый главный здесь человек. Чрезвычайно загадочная фигура.

Ни единой его фотографии в Интернете не имелось. Да что там, их даже вездесущий Валерий Петрович не видел.

Еще в Москве оба, падчерица и отчим, пытались хотя бы минимум разузнать, но информацию добыли чрезвычайно скудную. Отец экстравагантного островитянина сидел на нефтяной трубе. Мать некогда являлась главой строительной империи. Ныне оба удалились от дел, проживают в Лондоне.

Сам наследник свой бэкграунд не афишировал. Окончил несколько высших учебных заведений, но все — под чужими фамилиями. Блестяще играл на пианино. Знал иностранные языки. Очень недолго работал под крылом у отца, но быстро перерос роль мальчика на побегушках, основал

собственный бизнес. Импорт-экспорт компьютеров, разработка и продажа IT-технологий. Ни в каких скандалах не участвовал. После того как срубил денег, удалился от дел, купил свой остров мечты — и с тех пор в Европу приезжал крайне редко.

— Я даже выяснить не смог, кто это из сыновей, — досадливо доложил Татьяне Валерочка.

— Это как?

— А так. У нашей четы олигархов двое детей. Старшего еще в институте родили. Второго — когда жене сорок семь было. Первому, получается, за полтинник, младшему — двадцать три. И об обоих много лет ничего не слышно.

— Но вряд ли в двадцать три года можно основать колонию, — резонно заметила Таня. — Значит, это старший.

— А может, они вдвоем там рулят, — пожал плечами Валерочка.

И сейчас — в преддверии знакомства — Танина фантазия разбушевалась окончательно. Под утро выдала квинтэссенцию: приснился человек в прекрасном костюме, с холеными руками, но в железной маске, полностью сковавшей лицо.

Очередное доказательство: ночами к нам является подсознание.

Садовникова прежде не встречала людей, которые устраивают собственное государство на острове, но при этом умудряются не дать ни единого интервью. И не слить в СМИ или в Интернет ни одной фотки. А проходящим мимо кораблям «завязывают глаза».

Кто ты, хозяин острова Матуа? Мечтатель-утопист? Абсолютно не тщеславный? Или сбежал на остров в Тихом океане после того, как наворотил дел? Но наши спецслужбы — если захотят! — любого возьмут за жабры. Или у тебя покровители совсем из запредельных высей?

Таня даже думала похулиганить. Прицепить на лацкан льняного пиджачка маленький российский флажок.

Но решила не выпендриваться. Столичным штучкам в деревнях (а как еще назвать затерянный в глуши Матуа?) нужно вести себя вдвойне аккуратно. Из родной дыры — коли тебя невзлюбили — хотя бы можно оперативно сбежать. А на остров теплоходы заруливают раз в месяц. И попасть на них можно только по личному велению владыки острова. Так что прикидывайся скромной девочкой и береги себя.

Спать утром хотелось нещадно, но Таня ни секунды не повалилась. С закрытыми глазами прошлепала в ванную. Встала под душ. Горячий. Потом холодный. Потом снова горячий. Тело и душу надо подготовить к жесткой беседе и быстрым решениям.

На утреннюю пробежку решила не идти. Бег у нее всегда провоцировал активность, агрессию. Но сегодня будет куда полезнее помедитировать на террасе. Проникнуться собственной мелкостью в сравнении с машиной Тихого океана. Внушить себе: «Ты сдержанна. Спокойна. Даже покорна. Так безопаснее».

Выпила кофе, тщательно оделась, скромно, по-офисному накрутила волосы и вышла из дому.

Улица встретила почти морозцем — фонари запотели, из рта вырывался пар. От океана веяло Арктикой. Но Таня дала шпоры вчерашнему велосипедисту и очень быстро согрелась. Когда въехала в центр, увидела прокатную стойку. Вернула транспортное средство и еще с километр прошагала в бодром темпе. Восемь утра с гаком — для российской столицы самое пробочное время. А тут — ленивая тишина, сонный чилиец неспешно поднимает жалюзи на окне аптеки, пожилой, дорого, но неряшливо одетый мужчина еле волочет ноги и прихлебывает пиво из банки, продавщицы абсолютно пустого продуктового стоят на крылечке, курят, философски наблюдают за дымовыми кольцами.

«Сейчас приду — а все окажется заперто», — весело подумала Таня.

Но возле единственного на острове административного здания обнаружила сразу двоих. Марк оживленно болтал с афроамериканцем-швейцаром. Увидел Татьяну, заулыбался:

— Шеф уже здесь. Тяжело просыпаться было?

— Вообще не проблема, — пожала плечами она.

— Я всегда считал, что рекламисты — «совы».

— Но если встреча назначена...

— Ее всегда можно сдвинуть на попозже. Ох, Танюха! — Марк фамильярно обнял ее за плечи. — Ты просто пропитана Москвой. Напряженная. Официальная. Расслабься. У нас все проще.

— Марк, мы пока не переходили не «ты», — упрямо повторила она и вырвалась из его объятий.

— Сегодня выпьем вместе коктейль и перейдем. Договорились?

Отказаться не успела. Он снова приобнял за плечи, потянул за собой:

— А пока пошли знакомиться с шефом. — Бодрый голос Марка чуть дрогнул.

«Ты его, похоже, боишься», — заметила Татьяна.

Воображение продолжало бушевать.

Может, глава Матуа — какой-нибудь больной на голову? Или инвалид? Если что не по нему, станет золотой тростью швырять?

«Как меня Валера только отпустил в эту авантюру!» — с неожиданной

злостью подумала Садовникова.

Она ждала, что отправятся в пентхаус — коли там мэр сидит, значит, и самый главный начальник тем более. Но Марк привел ее на второй этаж. Стандартный кабинет с пустым секретарским предбанником. Плохонькая — даже не двойная — дверь в начальственные покои. И молодой, очаровательный, лучистоглазый мужчина за столом. Увидел Марка с Татьяной — немедленно вскочил. На юношу цыкнул:

— Свободен.

А Садовникову галантно подхватил под руку, отвел в переговорный уголок (два мягких кресла обступили стеклянный столик), усадил, поместился напротив, обволок взглядом, заговорщицки улыбнулся:

— Значит, та самая Татьяна.

Под ложечкой засосало. Вот это глаза у него! Сияют всеми оттенками синего. Точеный римский нос, прекрасная кожа. А фигура! Идеал, многим фитнес-тренерам не снилась. Плюс бархатный оперный голос. Подобных обаяшек Таня видала и раньше. Но в скромных ролях альфонсов. А тут человек целым островом владеет!

Хотя нет. Островом, наверное, владеет старший. А этот — совсем молодой.

Босс не мешал ей себя разглядывать. Когда Таня наконец опомнилась и смущенно уставилась в пол, весело спросил:

— Вы, очевидно, представляли меня дряхлым старцем?

Садовникова, пока медитировала утром, внушала себе: надо обдумывать каждое слово. Но искры его небесно-синих очей полностью выбили ее из колеи, и Таня пробормотала совсем глупость:

— Я думала, что вы противный. Как все олигархи.

Мужчина расхохотался:

— А что плохого в олигархах?

— У них всегда жесткий взгляд. И счетные машинки в глазах, — мгновенно парировала Таня.

— Так я и не олигарх. — Он обволок ее своей неземной улыбкой. — Все, что заработал, давно на свою мечту спустил.

— Банальные бездельники на «Феррари» гоняют.

— Ну а мне захотелось свой остров, — с милейшей простотой отозвался мужчина.

А Татьяна вдруг представила его голым. Слишком уж подчеркивали приталенная рубашка и в меру узкие джинсы тренированное тело.

Еле отогнала видение. Спросила:

— Но зачем вам остров?

— Максимус. — Он смотрел словно сквозь нее. — Я жил под разными именами, но мое настоящее имя — Максимус. Родители не просто так его дали. Меня всегда заставляли существовать на пределе возможностей. Не один иностранный язык, а три. Не просто спорт, но четыре: плавание, дзюдо, гимнастика, шахматы. Как думаете, зачем?

— Ваши близкие хотели, чтобы у вас был здоровый позвоночник, отменная реакция, хорошая растяжка и гибкий ум, — не растерялась Татьяна.

Максимус похвалил:

— Практически процитировали маму.

— Но как у вас времени хватало?

— НОТ. Научная организация труда. Папа с пяти лет приучил меня к органайзеру.

Вести с ним беседу оказалось на удивление легко, и девушка улыбнулась:

— Еще, наверное, был этикет. Или просто няня из Лондона.

— Книжка по этикету — да, слепой репринт был, — весело отозвался он. — А вот англичанку живую при социализме взять было неоткуда.

— Вы росли при социализме? И сколько тогда вам лет? — опешила Садовникова. Она начисто забыла и про хороший тон, и про субординацию. Но безупречный Аполлон не стал ставить ее на место. Ответил:

— Пятьдесят два.

— Не может быть.

Таня (ей-то было куда меньше) сейчас пыталась мышечным усилием разгладить морщинку между бровей. И понимала: ничего не выходит.

Она упрямо заявила:

— Я знаю, что вас двое братьев. И вы младший. Тот, кому двадцать три.

Максимус снова обволок ее магнетической улыбкой:

— Мой младший брат живет совсем в другом месте.

— Но вам не может быть пятьдесят два!

— Магия! — мальчишески подмигнул он.

— Не верю.

— Правильно. Значит, профессор Кикин.

Таня вспомнила вчерашние рассказы Марьяны:

— Это у которого клиника? Со смертельно опасными выбросами?

— Забудьте, — отмахнулся Максимус. — Нет никаких выбросов. Каждому местечку — нашему острову в том числе — нужны свои страшилки. Но я не о том. Кикин, в отличие от большинства наших

лентяев, коктейлей не пьет, закатами не любит. Зато сутками просиживает в лаборатории. Он системами омоложения занимается, если не знаете. И я сам вызвался быть его первым подопытным кроликом.

— Вам все равно не может быть пятьдесят два, — упорствовала Татьяна. — Эликсира молодости не существует.

— Вероятно, вы ошибаетесь. Кикин — не без оснований! — говорит, что скоро взорвет бомбу в косметологии. Да вы сами попробуйте. На инъекции патента пока нет, поэтому я вам их предлагать не буду. Но омолаживающий крем клинические испытания давно прошел.

Легко встал, открыл ящик стола. Протянул девушке банальную плоскую баночку. Никаких фабричных наклеек. Единственный скромный стикер: *«утром и вечером, на чистую кожу»*.

Таня растерянно положила подарок в сумку. Пробормотала:

— Э-э... я думала, мы с вами о работе будем говорить.

— А мы о ней и говорим! — весело отозвался он. — Это все была прелесть. Теперь — проблема. Я хотел создать для наших островитян идеальное место для жизни. Чтобы все заботы, тревоги, раздражающие факторы оставить в большой России. Прекрасный климат. Никаких забот о хлебе насущном. Казалось бы, живи да радуйся. Но получилось как у Чехова. Помните? «Я завел так, что после завтрака и обеда мне подавали кофе с ликерами, и, ложась спать, я читал на ночь «Вестник Европы». Но как-то пришел наш батюшка, отец Иван, и в один присест выпил все мои ликеры». Здесь то же самое. Многие — когда на остров уезжали — строили большие, красивые планы. Они обязательно напишут книгу, снимут гениальный фильм, говорили про диссертации, научные разработки, университетские курсы. А что в итоге получилось? Ну, Кикин шебуршит. Еще двое-трое. А остальные — пьют и сибаритствуют. Ликеры выпиты, диссертации давно заброшены.

Таня, полностью прибитая его обаянием, начисто забыла, что нужно быть *мотивированной*. Пожала плечами:

— Ну и пусть себе. Вам жалко?

— По большому счету мне все равно, — холодно ответил он. — Но я хочу, чтобы на моем острове была нормальная атмосфера. Без пьянок, сплетен и драк. — Добавил горячо: — Я всегда добивался, чего хотел. И меня убивает парадокс, что я всегда преуспевал. Даже когда ставил перед собой не слишком благородные цели. А с высшей идеей — создать идеальное общество — потерпел фиаско.

— Вы не одиноки. Товарищ Ленин куда больше бед наворотил. А ваш островок выглядит куда лучше Советской России. Ни коммуналок, ни

ГУЛАГа. Чистота, порядок, благодать.

Он внимательно на нее взглянул:

— Тут просто стены толстые. На улице ничего не слышно. И люди подобрались умные. Понимают: глупо выставлять свои пороки напоказ. Но я точно знаю: им тоскливо. Им тягостно. Это надо менять. Любой ценой.

— Вам надо было психиатров вызывать. И наркологов.

Он взглянул с очаровательной беспомощностью:

— Не справитесь вы — придется.

— Хорошо. — Девушка тратила все силы на то, чтобы не тонуть в его искрометных глазах, а выглядеть собранной и деловой. — Тогда для начала мне нужен список всех жителей. Имена, фамилии, профессии, адреса. Хорошо бы еще хобби.

Он немедленно протянул ей кожаную папочку:

— Здесь все, что вам нужно.

— Плюс сообщите всем мой статус, — продолжала командовать Татьяна.

Он улыбнулся:

— Куратор по здоровому образу жизни? Вам нравится?

— Неплохо.

— Все и так знают про ваш приезд. И для чего вы здесь. Зачем что-то официально сообщать?

— Но когда тебя знакомят, это всегда солиднее. Сегодня вечером будет спектакль. Представьте меня, пожалуйста, наиболее влиятельным жителям.

Он вскинул бровь:

— По нашей конституции все граждане равны.

— Но я не успею за один вечер познакомиться со всеми. А иметь в союзниках влиятельных всегда эффективнее.

— Я могу узнать план ваших действий? — цепко взглянул на нее Максимус.

И Таня, напрочь забывшая, что планировала прикидываться овцой, рубанула:

— Хотите, чтобы я за год контракта построила вам идеальное общество? Не гарантирую. Но из раковин своих люди выйдут. Пить станут меньше. А общаться — больше.

Он ухмыльнулся:

— Будете на массовую физзарядку сгонять, как в Северной Корее?

— Ну, что вы, господин... э-э... Максимус. В Корее — тоталитарное общество. А у вас тут рай. Поэтому будем использовать другие методы.

Он не стал спрашивать какие.

Легко поднялся из своего кресла (хоть бы коленка хрустнула — как положено у пятидесятилетних!). Фамильярно присел на ее подлокотник. Взял руку, приложил к губам, понизил свой голос-бархат до интимного шепота:

— Тогда встречаемся вечером в театре. И еще. Зови меня просто Максимус. Безо всяких «господинов».

«Я точно буду с ним спать», — в отчаянии поняла Татьяна.

Зачем только Валерочка отпустил ее сюда?

* * *

Вышла из кабинета оглушенной.

В коридоре, на подоконнике, ее ждал Марк.

Взглянул в Танино опрокинутое лицо — и сразу опустил плечи.

Пробормотал:

— Ты сошла от него с ума. Как и все.

Садовникова сделала над собой адское усилие. Беззаботно улыбнулась:

— Да, у нас был интересный разговор.

И попросила Марка:

— Покажешь мой кабинет?

— Конечно! — просиял юноша.

И привел ее в комнату — всего через пару дверей от обители босса.

Вручил очередную магнитную карточку. Сказал:

— Открывай сама.

Но, когда Татьяна потянулась к замку, удержал ее руку. С надеждой спросил:

— Так мы выпьем вечером по коктейлю?

Воробей взялся тягаться с соколом.

Девушка неуверенно улыбнулась:

— Нет, Марк, прости. У меня пока после перелетов голова кругом. И чемодан я до сих пор не разобрала.

Настаивать парень не стал. Грустно произнес:

— Я все понял.

И торопливо (будто стыдился при ней расплакаться) ушел.

Таня виновато взглянула ему вслед и отомкнула дверь своего кабинета. Пахло новым ламинатом и сыростью. Стены — голая светло-зеленая штукатурка. Разлапистое кожаное кресло и огромный стол со скромным ноутбуком в дальнем уголке наталкивали на мысль о порнофильме. Таня не

увлекалась, но коллеги рассказывали: продукция «ХХХ» часто снимается в офисных интерьерах.

Вдруг представила: Максимус распластал ее на столе, компьютер звонко летит на пол... Татьяна, уймись!

Но кабинет нужно обязательно обживать — чтоб не напоминал декорацию к фильму для взрослых. Таня, правда, никогда не была сильна в создании уюта. Пока зарабатывала немного, неизбежные картиночки на стенах и подушечки на диванах организовывала для нее мама. В новой квартире наняла дизайнера. Но сейчас придется обустраиваться самой. Таня вспомнила, что выкинула из чемодана целых две пары туфель, чтобы уместить Бове с Аренсом, Котлера, Огилви^[12] — и почувствовала себя истинным профессионалом. Будет что поставить за стеклянную дверь шкафа. *Карьерист* обязательно добавил бы: дипломы в рамках и фотографию, допустим, в обнимку с Лисовским^[13], но Садовникова давно сдала все свои регалии-сертификаты на хранение ответственной маме, и забрать их на остров ей даже в голову не пришло.

«Ничего, — весело подумала. — Зато будет повод подкатить к местным. Чтобы помогли декорировать».

Плюхнулась в кресло, раскрыла список жителей, что вручил ей Максимус.

Если не брать детей, четыре тысячи двести восемьдесят человек. Фамилия, год рождения, адрес, семейное положение... ага, а вот и графа «профессия».

Самое популярное — инвестиционный консультант. Масса независимых брокеров. Врачи. Экономисты. Менеджеры. Адвокаты. Руководители компаний. Настоящую селекцию провели: ни единой медсестры или хотя бы учителя на острове не оказалось.

Зато художники имелись. Целых двое. Некие Семенчук (про него Таня что-то слышала) и Староверова. Согласится ли кто-то из них украсить своей работой ее кабинет? Или оба в отставке, пейзажи не пишут, только ими любят?

Напрягла мозг, вспомнила. Семенчук, кажется, тот самый дряхлый старец, кого красавец Пит (ее знакомец по перелету) пытался записать в свои дедушки. А если и Староверова его ровесница?

«В крайнем случае сама абстракцию нарисую. И буду выдавать за Робера Делоне»^[14], — весело подумала девушка.

Действие двух утренних чашек кофе иссякло. Разом захотелось есть, спать и домой. Далеко за окном бушевал океан. Дом напротив (салон

красоты) смотрел слепыми, укрытыми жалюзи окнами. На улице ни души. В коридоре тишина.

«Фильм «Сияние», пустой высокогорный отель. Сейчас появятся призраки».

Стало настолько одиноко, что даже не позаботилась компьютер включить. Вышла из кабинета, процокала каблучками по коридору. Все двери закрыты. *Пауков Денис Юрьевич, главный архитектор*. Постучала, толкнула — заперто. *Комитет по культуре* — пуст. Ого, даже мировой судья! Может быть, он на месте? Тоже нет.

«Глупо надеяться, что тут есть столовая».

Таня решительно вышла в солнечный день. В сравнении с утром заметно потеплело, но ветер завывал с такой силой, что, кабы не улыбчивый швейцар, девушку бы дверью прибило.

В полумрак и алкоголь вчерашнего кафе идти не хотелось, и Садовникова даже подумывала купить в магазине колбаски, хлебушка да и схомячить сэндвич в городском парке. Но тут вдруг увидела крошечный домик с гордой вывеской: «ЛУЧШАЯ ПЕКАРНЯ». Из-за стеклянного окна ей улыбалась девушка-тайка, два из трех столиков заняты. Практически светское место!

Татьяна решительно вошла внутрь.

— Добрый дъень! — старательно поприветствовала ее продавщица.

Посетители (общим числом шесть человек) дружно уставились в ее сторону.

— Hallo. Здравствуйте. — Таня поздоровалась сразу со всеми и чуть не впервые в жизни слегка растерялась.

За одним из столов сидела уже знакомая ей компания — четыре дамы-чилийки в положении. Три ей помахали.

Второй столик, безусловно, представлял Россию. Две женщины (типичного возраста «вечно тридцать») уставились внимательно, безулыбчиво.

— Йесть тьеплий круассан авек шоколад, — русский язык бедной продавщице явно давался с трудом.

«Вспомним французский!»

Татьяна дала мозгу пинок и перешла на язык Бомарше:

— Пожалуйста, мне двойной эспрессо, круассан и вот это замечательное пирожное с клубникой.

От русского столика прошипели:

— Выделявается, блин. На лабутенах-нах. В восхитительных штанах.

«Продвинутые вы! Шнура слушаете!»

Таня сроду не носила пресловутых «лабутенов», да и штаны у нее — льняные скромняги. Остро на язычок местное общество!

Тайская девушка моляще прижала руки к груди:

— Прьестите. Мьи обяьзан говорьим только по-русски.

Но ждать перевода не стала. Что-то крикнула в недра кафе, сама немедленно кинулась варить эспresso, Таню попросила:

— Ви садитсья, ми все податъ.

Садовникова проследовала к свободному столику. Беременные чилийки (или кто они там) продолжали разглядывать ее с любопытством. Наши тетушки тоже не отворачивались. Но смотрели напряженно, даже, показалось, со страхом.

«Может, меня здесь принимают за Ревизорро?» — хихикнула про себя Татьяна.

Уселась. Ответно улыбнулась чилийкам-толстушкам. Три из них радостно просияли в ответ. Четвертая растянула губы в резиновой гримасе. Садовникова обратила внимание на ее горестно застывшее лицо, безнадежно тоскливые темные глаза.

Вот удивительно. Обычно все беременные одинаково глупо счастливы. А эту, что ли, муж бросил?

Впрочем, что ей за дело до чилиек? А вот с нашими, хочешь не хочешь, нужно налаживать отношения.

Используем прием любимого отчима.

Таня изобразила самую кроткую из улыбок:

— Девушки, простите. Можно один вопрос? Здесь где-то колготки можно купить?

Дамы переглянулись, и градус неприязни (облегченно поняла Таня) мгновенно начал ослабевать. Валерочка давно ее научил: любая женщина, если не полная старуха, в обращении должна обязательно называться «девушкой». А еще нужно спросить что-нибудь совсем глупое. Дать людям почувствовать свое над тобой превосходство.

Одна из дам, впрочем, весьма язвительно, поинтересовалась:

— Что, ни одной пары с собой не взяла?

— Так на курорт ехала! — подхватила вторая.

Таня беспомощно развела руками:

— Я, конечно, смотрела прогноз погоды, но все равно думала — тут теплее. Все-таки остров, почти тропический.

— Когда пассат дует, всегда холодрыга, — со знанием дела объяснила первая.

А ее спутница вдруг расщедрилась на улыбку:

— Садись к нам.

На столе у дамочек — бутылочка чилийского вина, предусмотрительная тайка из obsługi немедленно бежит с чистым бокалом. Дилемма, однако. Или снова *выделяться*, или пить на работе. Ладно, вряд ли Максимус станет ее обнюхивать, а дам лучше не обижать.

На голодный желудок даже жалкий глоток вина ударил в голову, горло обожгло огнем, Таня закашлялась.

Дамы переглянулись, захихикали. Первая доверительно сообщила:

— Мы туда рома добавили, для эффекта.

Вторая протянула жесткую, с очень короткими ногтями, ладонь:

— Давай знакомиться. Мила.

Чрезмерно короткая стрижка, волевой рот, минимум косметики, косуха с бахромой. Колоритная особа.

— Таня.

Рукопожатие вышло крепким, мужским.

— Девчонки, вы прямо как братки, — насмешливо улыбнулась первая. — Что за манера, когда женщины друг другу руки жмут! Вы еще носами потритесь, как аборигены. — И манерно добавила: — Давайте я просто имя назову. Меня зовут Анжела Староверова.

— Да вы что! — Ром с вином раскрепостил Садовникову небывало. — А я вас как раз искать собиралась!

— Зачем? — снова насторожилась женщина.

— Хочу пару ваших работ купить. В своем кабинете повесить.

— Вы видели мои картины? — Анжела взглянула недоуменно.

— Да. Кое-что. В Интернете, — вдохновенно соврала Садовникова. — Мне кажется, у вас большой талант.

Мила хмыкнула:

— Поздравляю, Анжелка. У тебя появился первый почитатель.

«Вот сейчас как сяду в лужу! Если в Сети картин нет или про ее манеру живописи речь зайдет!»

Но Староверова от удовольствия аж зарделась:

— Вам правда понравилось?

— В ваших работах есть жизнь. И драйв, — продолжала импровизировать Татьяна.

Но встретила ревнивый взгляд Милы и оборвала поток комплиментов:

— А вы чем занимаетесь?

— Ничем, — хмыкнула та. — Прожигаю жизнь. И мужнины деньги.

Анжела взглянула укоризненно:

— Мила! Не принижай себя. Ты лучший в мире переводчик!

— Кому это здесь нужно? — надменно молвила коротко стриженная. И выкрикнула громко, на все кафе, непонятную фразу.

Тайка, стоявшая за прилавком, сразу скукожилась, молнией метнулась в подсобку.

— Что вы ей сказали? — заинтересовалась Татьяна.

— Чтоб шевелила поживей своей тощей задницей, — хмыкнула Мила. И заговорщицки подмигнула Садовниковой: — Смотри только, не сдавай меня.

— В смысле?

— Один из наших бредовых законов, — поморщилась переводчица, — говорить только на официальном языке. *Русский* — в Тихом океане. Очень аутентично!

— А по мне — хороший закон, — надула губки Анжела. — Я за границей всегда смущалась. Вроде и знаешь чуть-чуть английский, но все равно тебя не понимают. Особенно эти обезьянки в кафе, — кивнула в сторону стойки. — Зато у нас — красота, даже дворники — и те по-нашему говорят.

— Но зачем тебе общаться с дворниками? — Мила разом махнула полбокала вина.

— Да я и с кошкой своей говорю, и с птичками во дворе, — простодушно призналась Анжела. — Скучно. *Мой-то* только ночевать приходит.

— А кто у вас муж? — заинтересовалась Татьяна.

— Разве по ней не видно? — хихикнула Мила.

— Слушай, прекрати, а! — Анжелу бросило в краску.

Переводчица удивилась:

— Чего ты злишься? Я тебе комплимент говорю. Выглядишь потрясающе.

Садовниковой показалось, что обеим дамам лет по сорок пять. Кожа неплохая, но морщинки у носогубок явно подкачаны гелем, лбы — обколоты ботоксом, глаза подвыцвели. И лица одутловатые — хотя тут, наверное, дело не в возрасте, а в роме с вином.

Но Мила продолжала нахваливать:

— Анжела у нас первая красавица. И самая героическая дама на всем острове. Слышали про профессора Кикина? Она его жена. Доктор все свои методы первым делом на ней проверяет.

Странно.

Татьяна прекрасно помнила, что в списках жителей профессор Кикин значился холостым. И проживал один. Как, впрочем, и Староверова.

Но тут Садовниковой наконец принесли круассан с пирожным, и она жадно накинута на еду.

— Везет кому-то! Может мучное есть, — завистливо вздохнула пухленькая Анжела.

— А ты Кикина своего попроси, — подмигнула Мила. — Пусть он тебе и фигуру омолодит!

— У него сейчас другой проект, — ледяным тоном ответствовала художница. — Разрабатывает препарат для роста волос.

И довольно улыбнулась, когда Мила автоматически коснулась рукой своей скудной шевелюры.

«Да, тяжелая женская дружба», — констатировала про себя Таня.

У них в рекламе тоже частенько говорили гадости, и Садовниковой приходилось участвовать в общих играх. Язвила сама, обижалась, когда поддразнивали ее. Надеялась — на острове найдет отдохновение. Но тут нравы, похоже, куда жестче. Она это еще вчера заметила.

— Давай, Танюшка, под пироженку! — Мила подлила ей вина.

— Не могу. — Садовникова твердой рукой отодвинула бокал. — Мне еще на работу.

— Да брось ты! Уже три часа, пора в театр собираться! — усмехнулась Анжела.

— Какой театр?

— Как?! «Ромео и Джульетта».

Таня начисто забыла о действе. А Мила иронически подняла бровь:

— Только не говори, что не пойдешь на наше великое культурное событие.

Ответить Таня не успела.

От столика с беременными вдруг отделилась одна из женщин — та, что сидела с неживым, печальным лицом. Тяжело ступая, приблизилась. Протянула руку к бокалу. На ломаном английском спросила:

— Можно мне брать?

— But it is strong, it consists rum...^[15] — растерянно пробормотала Садовникова.

Но та лишь махнула рукой. Одним глотком опрокинула в себя бокал. Крякнула. Вернула его на их столик. С достоинством молвила:

— Thank you.

И присоединилась к своим товаркам.

— Это вообще нормально? — Таня с удивлением посмотрела на Милу с Анжелой.

— Ага. Тут всем выть хочется, — подтвердила переводчица. —

Энергетика такая. Еще с пиратских времен.

— Но беременным ведь нельзя алкоголь! Тем более крепкий!

— А у нее разве будет ребенок? — Мила загадочно улыбнулась.

— Слушай, помолчи, а? — рывкнула на подругу Анжела.

Только что рафинированная бледнолицая художница налилась краской, глаза метали молнии.

Таня примирительно произнесла:

— А правда, зачем к вам на остров беременные едут?

— К доктору Кикину. На опыты, — хихикнула Мила.

Похоже, ром ее подкосил.

Анжела тоже это поняла. Вскочила. Схватила подругин бокал. Бутылку. Брякнула все на соседний столик. На ужасном английском сообщила:

— Это вам подарок.

Чилийки испуганно отстранились, замахали руками. Однако та, что тосковала, решительно схватила Милин бокал и вплеснула в себя содержимое.

Анжела вернулась. Под ироничным взглядом подруги принялась торопливо объяснять:

— Не слушайте вы ее! На острове прекрасный роддом, проводят все обследования, делают полное обезболивание, хорошие педиатры, есть детская реанимация, аппараты — недоношенных выхаживают. Цена вдвое ниже, чем в Чили, и раз в пять меньше, чем в Штатах. А насчет опытов только недалекие люди, — укоризненно взглянула на Милу, — злословят. Никаких экспериментов ни с кем не проводят. Беременные просто жертвуют свою плаценту для разработок доктора Кикина. Абсолютно официально, договор целая команда юристов составляла! Что в этом такого? Чем утилизировать, лучше на благое дело пустить, — жалобно взглянула она на Таню.

— Ну да. Плацентарная косметика. Я об этом читала, — кивнула Садовникова. — Там, правда, речь о каких-то животных шла, но человеческая эффективней, наверное?

Однако Мила не сдавалась. Сквозь зубы хмыкнула:

— С плацентой — каждый второй крем. Уже двадцать лет как. И что? Мертвому припарки. А твой Кикин реально омолаживает.

Таня против воли вспомнила прекрасноликого Максимуса.

— Ну, он еще пуповину использует. Клетки стволовые, — неохотно добавила Анжела. — Да, это официально не признано. Но он свою косметику на мировой рынок пока и не выводит.

Печальная чилийка твердой рукой перелила в бокал содержимое бутылки. Решительно выпила. И вдруг разрыдалась.

— А ты говоришь, это я пить не умею, — хмыкнула Мила.

Резко встала, произнесла приказным тоном:

— Пошли.

— Минутку. — Таня схватила сумочку. — Я еще не платила.

— Не трудись, — надменно улыбнулась богемная дама. — Это *наша* пекарня. Считай, мы тебя угостили.

— Спасибо. — Таня взглянула в расстроенное лицо тайки и поняла: угостила ее как раз официантка, из своей невеликой зарплаты.

Но спорить с властной Милой не стала. Проще завтра заглянуть снова и оставить хорошие чаевые.

* * *

Едва вышли, к двери заведения подкатил открытый джип. Шофер кинулся распахивать дверцы. Таня отступила:

— Спасибо, я пройдуся.

— Куда, на свою гору? — хмыкнула Мила.

— Почему? В офис. Он рядом.

— Брось. Спектакль через три часа.

— Достаточно времени поработать.

— А ты что — пойдешь туда в *этом*? — Анжела в ужасе уставилась на ее льняные брючки и помявшийся за день белый пиджак.

— А в чем нужно?

— Хотя бы в коктейльном платье.

«А оно в чемодане. И мягкое. Нужно гладить».

Хороший получился первый рабочий день. С утра — почти влюбилась. В обед — считай, напилась. В три часа дня едет домой. И даже не знает, где театр, как ей туда добираться. Нужен ли билет и где его брать.

Мила — в своем мире. Оперлась спиной о дверь без стекла, короткие волосы вздыбились на ветру смешной щеткой, чему-то улыбается, напевает старую-престарую «Третью жизнь за рулем»^[16].

Анжела — более чуткая. Или просто выпила меньше. Ласково спросила Татьяну:

— Тебя на спектакль кто пригласил?

— Э... Максимус.

Нисколько не удивилась. Улыбнулась:

— Значит, езжай спокойно домой. Он все организует и машину за тобой пришлет.

Таня мимолетно вспомнила московское бытие. Когда ходили в театры — всегда бежали прямо с работы. Еще, бывало, на первый акт опаздывали — если начальство ближе к вечеру совещание затевало.

Но тут совсем другие нравы. Анжела продолжала просвещать:

— И вообще, ты в офисе зря торчишь. У нас на работу никто не ходит. Дома уютней. А если кому понадобится — все равно найдут. — Секунду подумала, со вздохом прибавила: — Везде.

Джип затормозил у Таниного пряничного домика.

— Ну и скорлупа! — пригвоздила Мила.

— Зато вид на океан сумасшедший, — защитила Анжела. — Я к тебе на террасу приду пейзаж писать. Пустишь?

— Просто так не пускай, — строго произнесла Мила. — Пусть в обмен *ампулку* принесет, — хихикнула, — от профессора Кикина.

— Слушай, как ты достала со своими...

Конца фразы Садовникова не услышала — джип мягко покатился с горы.

Таня отперла дверь. Сбросила туфли. Первым делом прошла на террасу. Ух ты! А здесь побывали. Пол чисто вымыт. На ротанговом кресле заботливо сложен плед. Но самое интересное на столе. Букет лилий. Маленькая бутылка вина. А блюдо, полное фруктов, прижимает записку.

Садовникова нетерпеливо ее схватила:

«Дорогая Таня, надеюсь, первый рабочий день прошел хорошо. Заеду за тобой в 17.00».

Вместо подписи — буква М.

Сам великий Максимус за ней заедет?

Таня взглянула на часы и метнулась обратно в дом.

Успела все, даже полежала полчаса с маской.

Но в зеркале себе не понравилась. Идеальный макияж не скрывал тревоги во взгляде. И морщинка между бровей топорщилась — как всегда случалось, когда волновалась.

До пяти вечера еще оставалось время, и она вышла на террасу. Океан к вечеру присмирел, только где-то совсем далеко взвивались белые гребешки пены.

Вино — специально для слабого пола! — оказалось с отвинчивающейся крышкой. Таня налила себе полбокала. Очистила банан. Укрыла ноги пледом.

Она никогда не влюблялась с первого взгляда. Но Максимус ее

ошеломил.

Деликатный стук во входную дверь. Таня сделала глубокий вдох. Она специально не запиралась. Створка мягко открылась. Прошелестели шаги. А вдруг Максимус безо всяких преамбул ее поцелует?

— Танечка, добрый вечер! — раздался радостный голос из-за спины.

Резко обернулась. И огромным усилием воли скрыла разочарование во взгляде.

Вот вам и буковка М.

Перед ней стоял смешной юноша Марк. В костюме, при бабочке.

«Вот я овца! Возомнила!» — ругнула себя Татьяна.

Но немедленно одарила парня благодарной улыбкой:

— Привет! Это ты прислал цветы? И вино?

Он кивнул:

— Я еще и весь холодильник забил. Не видела?

— Не-а, — честно призналась. — Я прихорашивалась. Не до еды.

Продолжала сиять, а сама думала: «Значит, у него ключ от моего дома. И еще у кого-то — не сам ведь Марк мыл полы на террасе! И видеокамеры, возможно, есть».

Скрывать вроде нечего — но неприятно чертовски.

Особенно потому, что в спальне не удержалась: вертелась голая перед зеркалом и пропела на оперный манер: «О, Максимус! Ты прекрасен и велик!»

— Выглядишь сногшибательно! — восторженно изрек Марк.

«Не для тебя старалась», — грустно подумала она.

Но, конечно, поблагодарила.

Они вышли из домика. Машина в этот раз оказалась с крытым верхом.

— Специально такую взял, чтобы тебе прическу не растрепало, — прокомментировал юноша.

«Что тебе от меня надо?» — в раздражении подумала Татьяна.

Сел сзади, рядом. Придвинулся вплотную. Поглядывает — одновременно робко и жадно. Как отвязаться от бедняги?

К счастью, театр оказался в трех минутах езды.

— Ничего себе! — выдохнула Таня, когда увидела.

На холме, в стороне от магазинов и жилых кварталов, возвышалось чрезвычайно изящное, с шестью гордо взметнувшимися колоннами, здание. Под крышей — в пику коням Большого — восседал Нептун в окружении русалок, нимф и морских коньков.

— Тысяча восемьсот мест. Как в Московском дворце молодежи! — гордо проинформировал Марк.

— А чей проект?
— Святослав Архирейский.
— Я о нем что-то слышала.
— Тоже здесь, на острове, живет.
— Смотрю, вы собрали лучшие умы, — пробормотала Татьяна.
— Так и задумывалось, — не без гордости отозвался Марк.
«Ты-то, *малыш*, каким образом причастен?» — ехидно подумала Садовникова.

Надо при случае разобраться с этим перцем. Кто он? Откуда столько уверенности? А вдруг... вдруг это и есть младший брат Максимуса? Тот самый поздний ребенок? По возрасту подходит. Правда, обращался властитель острова с парнем будто с собачонкой. Но, может, так и положено с младшими братьями?

К театру со всех сторон стекалась публика. Некоторые выходили из лимузинов, но большинство явилось на «Смартах», «Тико» и прочей мелочи. Многие презентабельные с виду дамы и господа подруливали на простецких велосипедах. Двое веселых юношей прикатили на тук-туке.

Марк вел Татьяну под руку, отвечал на приветствия и просто лучился от важности. Садовникова чувствовала, как ее ощупывают сотни любопытных глаз, и чуть не ежилась от неловкости. В Москве привыкла: только любопытный джигит обожжет горящим взглядом, а остальные текут равнодушно. Но здесь решительно все, обоих полов, поглядывали на нее. И чего только не читалось во взглядах! Доброжелательный интерес — и надменное равнодушие. Зависть — и любопытство. Одна эффектная девушка взглянула с вызовом и насмешкой. Когда встретились глазами — презрительно фыркнула и отвернулась.

Таня шепнула Марку:

— Чего это она?
— Кто?
— Ну, вон. В розовом платье. Блондинка.
— Злится, — вздохнул Марк. Понизил голос: — Метила на твое место.

Но Максимус решил из Москвы свежую кровь призвать.

— А она здесь живет или работает?

— Работает.

— Кем? — еще больше заинтересовалась Таня.

— Обозреватель в нашем издании местном. Плюс мониторит все, что в Сети о Матуа появляется. Ну и пиаром ведает.

— А еще ты ей нравишься, — будто черт в ухо шепнул, брякнула Таня. И, похоже, попала в точку.

Марк покраснел. Пробормотал — слишком поспешно:

— Нет, что ты! Мы просто работаем вместе.

— Как ее звать?

— Юлиана.

— А фамилия?

— Татьяна Валерьевна, — Марк взглянул безулыбчиво, — вы мне сейчас следователя напоминаете.

— Просто я знаю всех самых лучших пиарщиков, — отрезала Таня. — Но никогда не слышала про Юлиану.

— Она не работала в России.

— Ну и что? Я общаюсь с коллегами по всему миру.

— Юлиана не афиширует фамилию. Подписывает статьи одним своим именем, — усмехнулся Марк. И уверенно перешел на другую тему: — Давай я тебя кое с кем познакомлю. А то истомились люди.

В следующие минут двадцать Танино лицо беспрерывно плавилось улыбкой, а мозг в отчаянном порыве пытался запоминать имена, лица и должности. Григорий Ильич, «когда-то директор», целовал ей руку под ревнивым взглядом траченной временем жены. «Профессиональный бездельник просто Андрей» с сединой на висках игриво щипал за щечку. Только главный архитектор острова господин Архирейский поздоровался равнодушно — однако при нем имелось создание с абсолютно сногшибательной грудью и в столь короткой юбке, что Таня его простила.

От всех, кто ручкался или просто проходил мимо, пахло дорого: чистыми телами, хорошей туалетной водой, эксклюзивным шампунем или духами. Но в разнотравье запахов отчетливо ощущалась общая нотка: перегарчик. У кого застарелый, у кого совсем свеженький.

Когда поток приветствий слегка иссяк, Таня шепнула Марку:

— Я вела подсчет. Ни одного трезвого.

— Ну и что?

— В Москве обычно употреблять в театре начинают. И то большинство — не перед спектаклем, а в антракте.

— Хочешь знать мое мнение? — пожал плечами Марк. — По-моему, проблема сильно преувеличена. Ну да. Я тоже выпиваю свой бокал вина за обедом и два за ужином. Каждый день. Без выходных. И что? Я похож на дегенерата?

— Ты молод. И ты не добавляешь в вино ром, — вздохнула Татьяна.

— А, ты уже знаешь про нашу островную забаву? — развеселился он.

Но тут загремел звонок.

— У нас он только один, давай быстрее, — заторопил молодой

человек.

Они прошли в удобный, с высоким углом наклона зал. Таня почему-то думала, что Марк поведет ее в ложу, но они отправились в партер. Седьмой ряд, середина. Не придерешься. Но в ложах — отметила Садовникова — бриллианты блистали куда ярче. И еще одно удобство: везде имелись столики, на них бутылки, бокалы.

— Прямо во время спектакля можно пьянствовать? — удивилась Татьяна.

— Почему нет? В Карловых Варах тоже разрешают, — хмыкнул Марк. — Не знаешь?

— В театр я там не ходила.

— По-моему, очень разумно. Если спектакль хороший — под шампанское еще лучше пойдет. Если плохой — хотя бы время не зря потратишь, — со знанием дела проговорил Марк.

«Нет, дорогой. Ты тоже отравлен», — подумала Татьяна.

Но самое удивительное, что ей тоже вдруг мучительно захотелось ледяного, с холодными пузырьками шампанского. Может, правда — остров *провоцирует*?

«Нет, Таня, чушь!»

Свет в зале погас. Зазвучал бессмертный Прокофьев. Музыка в записи, но к вопросу акустики архитектор Архирейский, безусловно, подошел ответственно. И аппаратура, судя по роскошной палитре звука, установлена дорогостоящая.

Расшитый бархатом занавес торжественно явил сцену. Садовникова улыбнулась. Джульетта, Ромео, Меркуцио и прочая молодежь смотрелись, спору нет, гармонично. Но старшее поколение Монтекки и Капулетти в исполнении детей выглядело забавно.

В зале тоже кое-где раздались смешки. Но быстро утихли. Потому что действие — словно в компьютерной игре — начало раскручиваться мгновенно. Ничего от классических балетных проходов и представлений — сцена искрила, кишела, извивалась, сочилась энергией. К шекспировской канве добавили множество отводных линий: две ревнивые подруги Джульетты, воздыхатели у синьоры Капулетти, и даже при священнике оказалась прекрасная влюбленная прихожанка.

Дети яростно танцевали, прыгали, строили акробатические пирамиды, изредка обнимались. Прокофьев гремел, зрители аплодировали. К концу первого действия Таня решила, что ей, пожалуй, нравится.

Когда занавес упал, Марк резво вскочил:

— Пошли.

— Куда?

— В буфет, конечно!

— Только давай выпьем там сока, — улыбнулась ему Садовникова.

— Зачем? — Глаза юноши округлились.

— Я так хочу.

— Хотеть ты можешь, — хмыкнул Марк. — Но, думаю, сока в буфете нет.

— Почему?

— А кто его пьет в театре?

— Ну, хотя бы те, кто за рулем.

— У нас гаишники, к счастью, уничтожены как класс. А пара бокалов шампанского вести машину не мешают.

— А дети?

— Ты здесь много детей видела?

— Да вон хотя бы. — Таня показала глазами на двух мальчишек лет четырнадцати.

— Ха! Так эти в театр только для того и пришли, чтобы вина на законных основаниях выпить. У нас в магазинах до шестнадцати не продают. Но здесь, в честь культурного события, можно.

— Да, — вздохнула Татьяна, — законы у вас либеральные.

— Считаешь, поможет, если продавать спиртное с восемнадцати?

— Разумеется, я буду на этом *настаивать*, — твердо сказала Садовникова. — Но только что со взрослыми делать?

— Придумаешь что-нибудь, — отмахнулся Марк. — Зря, что ли, у тебя три «Серебряные стрелы» и куча каннских львов?!

— Я немного другим занималась.

— У рекламы одни законы.

— Не скажи. Социалка сработает, только если человек сам хочет — помочь детдому, например. Пусть и в глубине души. А у вас люди без алкоголя жизни не мыслят.

— Да ну, брось, — отмахнулся Марк. — Вспомни конец восьмидесятых. Тогда всех котов страны кормили исключительно мойвой. Уверен, что навязать потребителям «Вискас» было нелегко. Однако рекламисты успешно справились.

— Мотивировать купить корм куда проще, чем заставить человека изменить свою жизнь, — задумчиво произнесла девушка. И лукаво взглянула на Марка: — Слушай, а тебе-то сколько лет?

— Почему ты вдруг спросила?

— Да слишком уверенно про восьмидесятые рассуждаешь.

— Мне родители рассказывали.

— А я испугалась: вдруг ты — как господин Максимус?

— Нет, Танюшка, не волнуйся, — расхохотался он. — Мне реальные двадцать пять. Биологический возраст полностью соответствует внешности.

Садовникова не удержалась. Прошептала:

— Слушай, а правда, Максимусу пятьдесят два?

— Не знаю, — серьезно ответил Марк.

— В смысле?

— О нем никто всего не знает, — произнес юноша. — И вообще, его лучше не обсуждать.

— Скажи честно, — Таня взглянула молодому человеку в глаза, — ты его брат?

Марк аж подскочил:

— С чего ты взяла?

— Так да или нет?

— Господи, нет, конечно! Почему ты решила?

— Просто знаю, что у Максимуса есть брат твоего возраста.

— Ну и что?

— А где он, кстати?

Марк взглянул сурово:

— Таня, я только что говорил: на Матуа не принято обсуждать босса и... и его семью.

— А у него есть семья? — немедленно подхватила Таня.

— Пошли. — Он взял ее под руку — пожалуй, даже *больно* — и потащил прочь из зала.

А едва вышли — сразу же столкнулись с Максимусом.

Тот шел бок о бок — Татьяна глазам своим не поверила — с одной из актрис, блиставших в «Голодных играх». Не с главной звездой, но девушкой, чье имя шло в первых строчках начальных титров. Длинное платье красавицы изящно струилось по полу, глаза были прикованы к прекрасному лицу *владельца*.

«Ах ты сволочь!» — в отчаянии подумала Садовникова.

— Добрый вечер, Татьяна. Привет, Марк, — первым поздоровался босс.

— Hi! — белозубо улыбнулась актриса.

— Как вам спектакль? — легко перешел на английский Максимус.

Таня постаралась максимально симитировать американский акцент:

— Довольно мило. Но мне немного не хватает взрослых актеров.

— Да, да, мне тоже, — закивала в ответ американка. — И я даже немного понимаю этих людей в буфете.

— А что там происходит? — заинтересовалась Татьяна.

— Там опять пародия на митинг, — небрежно объяснил Максимус. — Наши активисты в спектакле эфебофилию углядели.

— Э... прости, что, дорогой? — преданно взглянула на босса актрисочка, и Тане захотелось выцарапать ей глаза.

Надо сосредоточиться, чтобы не наляпать ошибок.

— Эфеб в древнегреческом обществе — это юноша, достигший возраста, когда он обретал все права гражданина. То есть шестнадцати, а в Афинах — восемнадцати лет. Потом так стали называть педофилию.

— Но почему, если эфебы были совершеннолетними? — удивилась актриса.

— Не знаю, — пожала плечами Садовникова.

— В любом случае это слово звучит гораздо лучше, — встрял Марк.

— Ты абсолютно прав, — царственно кивнул Максимус. И весело добавил: — Но вы можете спокойно идти в буфет! Поклонников спектакля оказалось гораздо больше, поэтому митингующие позорно ретировались.

Кивнул Татьяне с Марком и повлек свою красавицу дальше по театральному холлу.

«Ну ничего себе! — в отчаянии подумала Татьяна. — Как мне со звездой Голливуда тягаться?!»

Марк, похоже, прочел ее мысли. Взглянул победоносно. Уверенно положил руку ей на плечо:

— Мы идем наконец пить шампанское?

— Что остается, — пробормотала Татьяна.

Про сок даже не думала — больше всего ей сейчас водки хотелось.

Очередей в буфете не оказалось — работали не меньше двадцати стоек. Чилийки в белоснежной форме неумоимо откупоривали бутылки, яростно трясли шейкерами, строгали лимонные ломтики.

— Возьми мне, пожалуйста, чистого рому, — буркнула Таня.

Марк взглянул весело. Предупредил:

— Закусок тут нет.

— Я переживу.

И выпила пятьдесят ледяных граммов единым махом.

— Браво, Татьянка! — захолопал в ладоши Марк.

К аплодисментам присоединились еще двое: очень тощий и высокий мужчина в костюме и ослепительная красавица, Садовниковой, несомненно, знакомая.

«Где я ее видела?»

Юное создание насмешливо произнесло:

— Сразу видно истинного борца с алкоголем!

И по голосу Таня узнала: это ведь Анжела! Но... но каким образом она — за три часа! — сбросила добрых двадцать лет? Овал лица девичий, разумеется, ни морщинки, глаза молодые, яркие.

— Ты выглядишь... я тебя не узнала просто, — в растерянности пробормотала Садовникова.

— Экстренная маска молодости. Создана моим дорогим господином для особых случаев. — Анжела обернулась к своему спутнику. — Познакомься. Евгений Евгеньевич Кикин.

Таня протянула мужчине руку, взглянула внимательнее. А не он ли — когда прибывали на Матуа — встречал и сопровождал носилки с беременной чилийкой? Тот дядька тоже был худым и высоким. Но лица она в полумраке утра не разглядела.

— Про вас столько всего рассказывают! — сразу взяла быка за рога Садовникова.

Прибедняться Кикин не стал. Отозвался самодовольно:

— Да. В косметологии я кое-чего добился.

Впрочем, Анжела поспешила разочаровать:

— Маска только шесть часов действует. А потом карета превращается в тыкву. Ну, дамы и господа, как вам спектакль?

— Слишком много детей, — улыбнулась Татьяна.

— Да это еще ничего! — фыркнула Анжела. — Наш комитет по культуре сначала хотел хор детсадовцев пригласить. Правда, Марк?

— Кого? — опешила Таня.

— Ну, совсем мелкоту. Семь лет самому старшему.

— Очень хорошо, что общественность отклонила, — кивнул Кикин.

— А может, и зря, — пожала плечами Анжела. — Голоса у них божественные. Я записи слушала.

— Слушай, Марк. Почему вас все время на детей тянет? — не выдержала Татьяна.

Тот пожал плечами:

— С чего ты взяла? На голосование мы выносили пять коллективов. Хор малышей. «Ромео и Джульетту». Плюс три абсолютно взрослых спектакля. Народ сам сделал свой выбор.

— Ну да, — буркнул Кикин. — Что еще оставалось? Дети хотя бы профессионально танцуют. А остальные — какая-то самодеятельность племени мумбу-юмбу.

— Все коллективы были равнозначны, — холодно возразил Марк. — По уровню мастерства и по размеру гонорара.

— Женечка, — Анжела угодливо взглянула на профессора, — что ты с ним споришь? Железного Марка все равно не сломить.

— А где у него железное? — всунулась Таня.

Вызвала, конечно, взрыв хохота.

— Как у него *там*, я не проверяла, — сообщила, отсмеявшись, Анжела. — Но у Марка куча денег. Два образования. И огромный авторитет. Нашу островную газету издает. И весь комитет по культуре под его дудку пляшет.

«С виду — абсолютный лопух. Может, прикидывается? И вообще, вдруг его специально ко мне приставили — имитировать влюбленность, а на самом деле следить?! Все, Татьяна. Чистый ром вызвал у тебя манию преследования».

А еще хотелось смеяться и спать одновременно. Хорошо, что свет в буфете погас, загремел звонок, и все потянулись смотреть второе отделение.

После спектакля Марк повез ее домой. Таня боялась — будет на чашечку (бокал, рюмочку) напрашиваться, однако молодой человек лишь торопливо чмокнул ее в щеку, пожелал доброй ночи и умчался.

Таня даже слегка обиделась. Неужели побежал к влюбленной Юлиане за утешением?

Смыла косметику. Понаблюдала с террасы за ночным океаном. Попробовала написать отчиму, но Интернет опять не работал.

От скуки Таня допила вино, хотя знала, что понижать градус — ужасная глупость.

И ее быстро сморило.

Но встала, к счастью, безо всякой головной боли. Направилась в ванную комнату — и вдруг увидела подсунутую под дверь газету.

Немедленно подняла, развернула. Отличная бумага. Хорошая печать. Скромная кучка рекламы — и огромный вынос:

Вчера на нашем острове состоялся спектакль «Ромео и Джульетта».

Мнений много. Мнения разные.

Но пока вы спали, двое уважаемых граждан нашего острова успели о представлении поспорить. Читайте диалог мудрейшего профессора Кикина и острой на язычок Юлианы!

«Ничего себе оперативность!» — восхитилась Татьяна.

Вот, оказывается, почему Марк вчера спешил! Сколько всего успел! Собрать материал, сверстать, отпечатать номер, организовать доставку

газеты — за каких-то двенадцать часов!

Действительно, железный.

Ладно, почитаем, о чем там Кикин с Юлианой спорят.

Мудрость ПРОТИВ молодости.

Профессор КИКИН vs ЮЛИАНЫ

Кто из них прав?

Сначала — слово глубокоуважаемому профессору.

Я много раз смотрел «Ромео и Джульетту». В постановке Большого и Мариинского. В Ковент-Гардене и Ла Скала. Меня всегда восхищала музыка Прокофьева, но никогда не убеждал сюжет. По большому счету вся пьеса Шекспира состоит из натяжек. Надуманная вражда двух семейств, случайное знакомство, дуэли на пустом месте. А чего стоит «гениальная идея» священника имитировать смерть девушки? И почему — раз уж взялся помогать — он не предупредил Ромео? И допустил двойное самоубийство?

Но более всего меня возмущает, что в игры, связанные с любовью и смертью, оказались втянутыми абсолютные дети. Ему — шестнадцать, ей — только двенадцать. Какая здесь может быть страсть? И тем более какое венчание?

Будь моя воля, я бы вообще запретил эту пьесу к показу. Считаю, она провоцирует несовершеннолетних на ранние половые связи и толкает к самоубийствам в том случае, когда кто-то из взрослых (абсолютно правильно!) начинает порочной любви препятствовать.

Однако «Ромео и Джульетта» шествует по миру, и противостоять этому я не могу. Но нигде в цивилизованных странах не педалируется возраст влюбленных. История не знает примеров, чтобы их партии исполняли учащиеся хореографических училищ. В главных ролях выступают только взрослые актеры, те же Майя Плисецкая и Марис Лиена. В их бережной трактовке любовь выглядит высоким, романтическим чувством. Да и при всей грации Плисецкой, Ананиашвили или Захаровой не верится, что балеринам двенадцать.

Но совсем иная картина вышла, когда за постановку взялась детская труппа.

Десятилетний — от силы! — китайчонок впивается губами в рот худенькой восьмилетки. Обвивает ее ноги своими. Вцепляется в то место, где и груди-то пока нет. А страстный танец, когда дети перекатываются друг через друга, имитируя половой акт?!

Будь я режиссером, просто сказал бы: не верю.

Но я — отец и дед. Поэтому требую бесповоротно запретить эту

мерзость.

Ничего, кроме ощущения брезгливости, подобная трактовка не вызывает, и я глубоко разочарован тем, что наш комитет по культуре пригласил на остров «звезд» такого ранга.

Вы не задумались о последствиях, господа? У спектакля не было возрастного ограничения, многие пришли на него с детьми. Я видел краем глаза любопытные и непонимающие глаза нашего молодого поколения. Многие хихикали — и большинство, я уверен, даже не понимали, над чем. Ведь нормальный, увлеченный учебой и хобби ребенок в этом возрасте еще не интересуется противоположным полом. Я прекрасно помню, что начал приглашать на свои дни рождения девочек, только когда мне минуло четырнадцать.

Однако если искусственно насаждать ранние межполовые отношения — они непременно последуют. Как можем мы, взрослые и мудрые люди, призывать детей с младших классов школы обниматься и целоваться? Они сначала попробуют, потому что им показали. А дальше — войдут во вкус. И что мы получим на выходе? Десятилетних беременных? Двенадцатилетних отцов? Одобрим либертерианство? Кто не знает, представители этого течения считают, что уже в ОДИН ГОД от роду ребенок может осознанно соглашаться (или не соглашаться) на половой акт. Считаю, «Ромео и Джульетта» в исполнении детской труппы плавно подталкивает нас к этой мерзости.

Опомнитесь, люди! Не уподобляйтесь дикарям! Оставьте детям детство и не втягивайте малышей в совершенно не нужную им любовь!

ЮЛИАНА

Аргументы профессора Кикина замшелы и примитивны.

С какой стати мы называем ребенком человека двенадцати, десяти, да даже восьми лет? Какие дети? Это давно уже самостоятельные, независимые, со своим мнением создания. Они сами себя обслуживают, умеют читать, пишут, сочиняют стихи. Некоторые в этом возрасте участвуют в международных конкурсах и соревнованиях, получают гран-при и золотые медали. Те, кого г-н Кикин именует беспомощными, не помещаются в детские кресла автомобилей и носят тридцать седьмой размер обуви.

Древние славяне уже с шести лет отправляли мальчиков в поле, а девочек — на работы по дому. Во время войн именно юные становились самыми удачливыми лазутчиками. История знает примеры, когда целые страны управлялись государями, не достигшими двенадцати лет.

В наше время с тех, кого мы называем детьми, спрашивают абсолютно по-взрослому. Молодые граждане всем должны. С них постоянно что-то требуют в школе. Им приходится удовлетворять амбиции своих родителей: до седьмого пота тренироваться в спортзале или по восемь часов в день сидеть за музыкальным инструментом. При этом дети считаются недееспособными. Но какой, однако, поднимется скандал, если ребенок посмеет бесплатно взять конфетку в магазине! Его немедленно схватят, подвергнут унижительной процедуре обыска, объявят вором, возможно, отправят в детское пенитенциарное учреждение.

И никаких возможностей защитить себя, никаких прав у детей нет. Любой учитель может безнаказанно измываться над ними в школе. Никто не защитит от побоев в семье. Собственное мнение ребенка вообще никогда не принимается в расчет. Он вынужден заниматься только тем, что скажут. Математикой, музыкой, гимнастикой, бальными танцами — даже если он все вышеперечисленное ненавидит.

Отдых несовершеннолетних тоже полностью зависит от воли родителей или школы. Грудных детей тащат с собой в опасные походы, возят на другой край земли. Таскают по скучным экскурсиям, заставляют часами сидеть в прокуренных ресторанах. Самостоятельные развлечения строго регламентированы. В кино — лишь на утренний сеанс. Одному в самолет — только с четырнадцатью лет. Появиться на улице после девяти вечера — нарушение закона.

Межполовые отношения у несовершеннолетних вообще доведены до абсолютного абсурда. Восемнадцатилетних парней, вступающих в полностью добровольную половую связь с пятнадцатилетней возлюбленной, массово отправляют в колонии. Причем применяют позорную статью «изнасилование несовершеннолетней» — а ведь все прекрасно знают, как относятся в колониях к подобного рода сидельцам. Даже наличие у пары ребенка не принимается в расчет. Влюбленный юноша все равно получает свои пять лет тюрьмы. И что мы получим, когда он освободится? Озлобившегося отца, без образования, работы, с клеймом зэка. Измученную, подвергнутую остракизму соседей и близких мать. Редкая любовь выдержит подобное испытание.

Но давайте тогда и Ромео объявим преступником! А Джульетту назовем распутной девкой. Как они посмели любить друг друга, не дождавшись совершеннолетия? Распят их, выгнать из города, ату! Мертвым — разрыть могилы, вбить в грудь осиновый кол.

Однако ничего подобного не происходит. Об этой прекрасной паре до сих пор снимают фильмы и ставят все новые и новые спектакли. Почему?

Да наше общественное сознание просто двулично. Оно много требует с детей, но ничего не дает им взамен. И нам, безусловно, надо брать пример с более разумных братьев. На мудром Востоке давно признано, что девушка имеет право быть с мужчиной не с восемнадцати лет, а с момента физиологической зрелости. И это, безусловно, самый разумный подход. Либертарианцы, секс в один год от роду, — это низость и извращение. Но почему не снизить официальный возраст согласия?

Лично я впервые узнала мужчину в тринадцать лет и ни капли этого не стыжусь.

* * *

Тем же вечером Татьяна наведлась в бар. Хотелось послушать, как публика оценила «Ромео и Джульетту». Что люди думают про статью. Задавался ли хотя бы кто-то вопросом, почему на острове столь популярна тема педо — то есть, пардон, эфебофилии.

Явилась в семь и поняла, что нужно было приходить к обеду, когда народ только начинал расслабляться. А в нынешнем дыме коромыслом искать истину бесполезно. Двое мужчин у стойки бара затеяли пьяный армрестлинг (зрители подвывают, подначивают, швыряют купюры-ставки). Любительница абсента (мать погибшего подростка) уронила голову на стол. Группа дам распевает «Подмосковные вечера».

От столика, где сидела вместе с грузным, неприветливым господином, ей помахала коротко стриженная Мила:

— Танька! Иди сюда, водки выпьем!

Ну и вертеп! Хоть бы навязчивый (но всегда адекватный) Марк подвернулся. Или Анжела.

Но тщетно Садовникова шарила взглядом по разгоряченным лицам — ни его, ни ее.

Пришлось, чтобы не обижались, подсесть к Миле.

Она с пьяной ухмылкой представила своего спутника:

— Мой супруг. На минуточку, олигарх.

Тот холодно отозвался:

— Моя жена. Дура.

Мила не обиделась. Влюбленно чмокнула макушку с редющими волосами. Объяснила:

— Он у меня всегда шутит, когда пьяненький.

«Я бы за такую шутку прибила».

— Вы статью в газете читали? — спешно перевела разговор на другую тему Татьяна.

— Ага. Юлиана в очередной раз всем доказала, что шалава. С тринадцати лет мужикам дает, фу! — поморщилась Мила.

«Не многое ты вынесла из текста».

Таня повернулась к супругу:

— А вы на чьей стороне?

Тот хохотнул:

— На девкиной.

— Почему?

— Кикин — он очень старый.

— И косный, — встряла Мила.

Ее супруг отмахнулся:

— Мне сама мысль нравится. Всю жизнь мечтал целочку попробовать — но разве после восемнадцати их найдешь?

— Что ты врешь? Ты у меня первым был! — возмутилась Мила.

— Ты ненастоящая. Специально дырку зашила, чтобы захомутать, — грубо расхохотался.

Протянул Татьяне стопку с водкой, сказал:

— На, выпей с нами. За любовь!

М-да. Не лучшее Садовникова выбрала место и время мониторить общественное мнение.

Девушка покорно опрокинула в себя водку и поспешила ретироваться.

Снова домик на горе. Снова одиночество.

Первыми вечерами Татьяна считала: ей повезло несказанно. Соленый воздух, океан у ног. Тепло — в сравнении с февральской Москвой. Никаких ограничений. Можно спокойно засидеться над интересной книгой до рассвета, а потом спать хоть до полудня. Посещаемость никто не проверяет.

Но уже через пару дней полезли минусы.

Неизвестно — в силу ли удаленности или такова была *политика партии*, — но коммуникация с внешним миром на острове оказалась сильно затруднена. Сотовый сигнал почти отсутствовал. Стационарный телефон, конечно, имелся, однако звонок в Россию стоил астрономических денег. Да и связь постоянно прерывалась.

Телевизор ловил четыре канала. Интернет, особенно в ветреные дни, ужасающе тормозил. Чтобы скачать электронную книгу, иногда приходилось ждать час. Общаться в социальных сетях получалось только в исключительно тихую, солнечную погоду.

Выйти вечером тоже некуда. В баре после шести — как доказал

сегодняшний вечер — адекватной компании не найти. Только бесконечное бахвальство, агрессия или тихое угасание. Фитнес-клуба не было. Кинотеатра тоже. Выставками или спектаклями комитет по культуре радовал от силы раз в месяц.

«И они еще удивляются, что все кругом пьют! Чем тут еще заниматься?» — возмущалась Татьяна в электронных письмах Валерочке.

А тот старательно придумывал занятия лично ей. Усовершенствовать испанский. Перечитать всех нобелевских лауреатов. Освоить какую-нибудь архисложную позу из йоги.

Но иногда, черт возьми, хотелось просто поговорить. Но с кем? Из всех островитян ее общества искал только Марк — и своей навязчивостью раздражал все больше. А никто иной на ее гору не забирался и к себе не приглашал.

Особенно грустно становилось, когда разгуливался ветер. Казалось, будто домик раскачивается — надсадно, со скрипом. Светильники мигали, и Таня все время боялась, что где-нибудь оборвет провода и она останется одна в крошечной темноте.

Да еще крамольные, грешные мысли одолевали. Тосковала, алкала, вождела. Представляла Максимуса в постели с его красавицей. Страшно бесилась.

В иных обстоятельствах Таня бы не задумывалась. Любовница — не жена. Почему бы не бросить вызов — хотя бы даже голливудской актрисе?

Но тут все на виду. Немедленно разговоры пойдут. И удастся ли победить — бог весть. А в случае поражения неизвестно, какотреагирует Максимус. Молодой да красивый олигарх здесь властвует безраздельно. Оpozорит, разорвет властным росчерком пера контракт — и выкинет прочь.

Садовникова, может, и рада убраться прочь с неприветливого Матуа. Но ведь вернешься в Москву — немедленно разговоры пойдут. Что ее уволили. Что неудачница. Что не справилась...

«Нет. Буду ждать, пока он сам начнет за мной бегать», — самонадеянно решила Татьяна. А пока чуда не случилось — развлекала себя сама. Каждый день бегала кроссы. Скачивала из Интернета блюда разных кухонь и пыталась их освоить. Вечерами выполняла асаны, подводящие к суперсложной позе скорпиона. Даже петать пыталась — почему нет, все равно никто не услышит.

А еще начала выбираться на поздние прогулки. Криминала на острове нет, колдобин на улицах тоже. И когда идешь быстрым шагом по абсолютно пустой аллее вдоль пляжа или между спящими домами под огромным куполом звездного неба, возникает странное ощущение, будто ты вообще

одна на Земле. Или во Вселенной. В голове вроде бы хаос привычных мыслей. Но когда возвращалась, ложилась в постель и начинала засыпать, очень часто вдруг приходили неожиданные яркие идеи.

«Почему так?» — спросила в письме Валерочку. А тот объяснил, что даже научно доказано: когда вокруг пустота, когда мозг не отвлекается на прохожих, машины, афиши, ему только и остается что-нибудь самому придумывать.

У Тани быстро появился любимый маршрут. В центр, где иногда встречались прохожие и слепил иллюминацией бар, никогда не совалась. Сначала шла по крутой извилистой улочке вниз, к пляжу. Потом с километр по аллее вдоль моря. И обратно в свой дом-чердачок — по другой, более пологой дороге.

Изредка на ее пути попадались коты — в свете звезд они космически блистали глазами. На пляже иногда бродили влюбленные парочки. Однажды на плечо прыгнула — и перепугала до смерти — обезьянка.

Но ни единого — за все время! — прохожего. «Здравствуйте» некому сказать. Таня быстро привыкла, что ночами она хозяйка острова.

И когда однажды из темноты аллеи к ней бросилась плачущая женщина, девушка подумала, что грезит.

Выглядело ночное видение зловеще: черное платье-балахон, волосы укутаны антрацитно-мрачным платком. Губы шевелятся. Садовникова прислушалась и с трудом разобрала испанские слова:

— Убей меня! Убей!

Глаза пустые. По щекам текут слезы. Голос звучит глухо и безнадежно. Оттолкнуть, убежать? Брось. Никакой опасности от несчастной не исходит. Да и видела она ее где-то. Точно. Та самая сильно беременная с корабля, которой Таня медицинскую помощь пыталась оказать. Сейчас, правда, никакого живота — ну, разумеется. Родила. Две недели прошло.

Таня обняла беднягу за плечи. Мягко произнесла:

— Чем я могу вам помочь?

Чилийка вскинула заплаканное лицо. Забормотала:

— Самоубийство. Грех. Не могу. Убей ты. Прошу. Все деньги тебе отдам!

И тянется дрожащей рукой в сумочку, достает потертый кошелек, пытается открыть, звенят, падают на брусчатку монетки.

— Возьми! Возьми все! Только убей!

«Послеродовая депрессия», — лихо поставила диагноз Татьяна.

И пусть она не психиатр и почти не говорит по-испански, очевидно одно: надо дать женщине выговориться. И Таня мягко произнесла:

— Расскажите мне. Что у вас случилось?

Та взглянула дико. Вцепилась себе в волосы, начала раскачиваться — влево, вправо.

— Ребенка я своего продала-а. Кровь свою. Наследника. Мальчика.

— Э-э... что вы сказали? — растерялась Татьяна.

— Родила сына и продала. Как Иуда. За тридцать сребреников.

— Кому?

— Не могу говорить! Нельзя, запрещено. Но и жить с этим не могу. Прошу тебя. Убей!

Резко дернулась. Сунула руку в сумку, выхватила нож. С виду обычный, кухонный, но сталь блеснула зловеще.

Слезы по лицу градом, голос дрожит:

— Убей меня, убей!

— Подождите, пожалуйста. Давайте успокоимся, — с трудом подбирала испанские слова Садовникова.

— Тогда я тебя убью! — в отчаянии выкрикнула женщина.

Замахнулась. Но немедленно выронила оружие.

Таня молча его подняла. Женщина упала перед ней на колени:

— Ну пожалуйста! Прошу тебя! Умоляю!!!

Лицо некрасивое, нос приплюснутый.

«Кому, интересно, понадобился твой ребенок?»

— Вы его на усыновление отдали? — Садовникова каким-то чудом вспомнила нужное слово.

— На смерть я его отдала! — страдальчески выкрикнула женщина.

И снова затряслась в рыданиях.

Какая-то странная депрессия. И вообще, с чего бы впадать в печаль, если сама, по доброй воле, продала ребенка? Раньше могла побеспокоиться. А теперь с ума сходить поздно и неразумно.

— Где вы остановились? — Садовникова взяла женщину за локоть.

Та шарахнулась, оттолкнула руку. Злобно выкрикнула:

— Ладно! Плевать! Кинусь с обрыва! А тебя — Бог накажет. Что душу мою не спасла.

И злобно плюнула Татьяне под ноги.

Повернулась — и шустро засемила в гору.

«Правда ведь пошла на обрыв!» — перепугалась Садовникова.

Выступ на почти отвесной скале располагался неподалеку от дома Татьяны и почему-то назывался по-испански — «Мирадор»^[17]. Но если настоящие мирадоры всегда хорошо защищены и облеплены массой предупреждающих табличек, в отношении этой достопримечательности

никаких мер безопасности не предприняли. Площадка — ни забора тебе, ни сетки защитной — заканчивалась пропастью. Вид, нет слов, заволаживал — будто висишь на огромной высоте над бушующим океаном. Но даже у Тани, на трезвую голову, закружилась там голова.

Прыгнуть или даже просто упасть — вообще никаких проблем.

— Пойдите! — крикнула она чилийке.

Но та лишь ускорила шаг. Догонять? Скручивать? Волочь — но куда?!

«Да хотя бы к себе домой отведу», — решила Татьяна.

Бросилась вслед за безумной. И вдруг услышала за спиной тяжелые шаги. Резко обернулась. За ней поспешали две женщины. Обе грузные, в синей униформе — кажется, больничной. Лица смуглые. Как иначе? У них на острове белые черную работу не делают.

Беглянка тоже оглянулась, увидела погоню — и припустила бегом.

Медсестры (или кто они были) одышливо прибавили шаг. Но сумасшедшая двигалась гораздо быстрее. И тогда одна из дам в униформе крикнула Татьяна:

— Держите ее! У нее нервный срыв!

— Они врут! — завопила в ответ женщина в черном. — Они убийцы!!!

Таня размышляла недолго. Легко догнала истеричку, схватила. Та отчаянно вырывалась, лягалась, брызгала слюной. Вопила:

— Они всех убивают! И меня убьют.

Садовникова с облегчением передала женщину запыхавшимся медсестрам.

Одна из них горячо поблагодарила.

Вторая добавила:

— Простите за неудобства. Пациентка потеряла ребенка. У нее нервный срыв.

— Я не теряла-а! Вы убили его!!! — в отчаянии выкрикнула несчастная.

Медсестра не изменилась в лице. Виновато произнесла:

— Ей назначено лечение и строгий контроль. Но охранник не уследил.

— Я все равно убью себя! — вырывалась, вопила в ночной тиши чилийка.

— Я должна помогать, — виновато улыбнулась сотрудница.

И обе весьма грубо поволокли женщину за собой.

Истошные крики резко оборвались. Таня пригляделась: несчастной засунули в рот платок.

Жесткие методы.

Она проводила уходящих взглядом. Когда те завернули за угол,

кинулась вслед. Идут в сторону клиники Кикина.

Короткими перебежками, ощущая себя шпионкой, Садовникова проследовала за дамами до лечебного корпуса.

Женщину втоптали внутрь. Дверь захлопнулась.

Потеряла ребенка. Впала в депрессию. Обычное вроде дело.

Но клиника Кикина, говорят, чуть не лучший роддом во всей Южной Америке. Детская реанимация, отличные врачи — и вдруг не смогли спасти? А почему бедолага кричала, что ребенка она *продала*?

«Тань! Тебе-то что за дело?» — взмолился внутренний голос.

Но дома первым делом открыла поисковик — Интернет, по счастью, сегодня работал неплохо.

Чего искать?

Ссылками на профессора Кикина Всемирная паутина не побаловала. Сплошная древность — диссертация, защищенная еще в прошлом веке, назначение заведующим кафедрой в особенно далеком отсюда Воронеже. Последняя публикация появилась целых пять лет назад (доктор принял участие в европейском конгрессе по новейшим методикам омоложения). Статья в Википедии тоже выглядела чрезвычайно куце: «*Биолог, врач, активно экспериментировал со стволовыми клетками. В 2002 году запатентовал рецептуру омолаживающего крема, в 2004-м налажен его выпуск, в 2005-м производство остановлено*».

В другом источнике Таня и причину нашла — у некоторых потребительниц крем вызывал жесточайшую аллергию. Образовалась инициативная группа, провели экспертизу, подали иск в суд — и завод немедленно прекратил производство.

Куда после фиаско делся Кикин и чем зарабатывал на жизнь, Интернет умалчивал.

Однако сейчас профессор, безусловно, не бедствовал.

И сам великий Максимус прибегает к его услугам.

«Зачем Кикину родильный дом, мне объяснили. Человеческая плацента для омоложения эффективнее, чем коровья. Но имеет ли он право роды принимать?»

Таня забралась в совсем уж дикие дебри, едва глаза не сломала — просматривала список выпускников провинциального мединститута. Но выяснила. Специализация Кикина — терапевт. Никаких ординатур или переподготовки по акушерству не проходил.

Однако к нему охотно едут на роды.

Иногда, правда, дети умирают.

Садовникова оторвалась от компьютера. Вышла на террасу.

Два часа ночи. Океан сегодня смирен, подрыкивает беззлобно далеко внизу. Будто уговаривает — прыгнуть, прийти в его лоно. Хорошо, что самоубийцу вовремя остановили. Дойди та до обрыва, не удержалась бы.

Медсестры сказали: «Женщина потеряла ребенка».

Но сама несчастная кричала: «Я Иуда. Я его продала».

Может, Кикину на *опыты* продала?!

Таню передернуло.

Снова кинулась к монитору, начала искать. Ничего похожего. Гадостей хватает. В Китае едят абортированные плоды. В России одно время гремело: беременные женщины приходят на УЗИ, им врут, что ребенок мертвый, и направляют в операционную. Но там речь шла — Садовникова по нескольким источникам проверила — о плодах от пятнадцати до двадцати пяти недель. Кровь, пуповину, стволовые клетки эмбрионов использовали в косметологии. Но полностью сформировавшиеся младенцы — живые ли, мертвые — никого, кроме совсем уж безумных каннибалов, не интересовали. Нигде и никогда.

Получается, несчастная женщина все-таки бредила?

Или Кикин придумал что-то абсолютно новаторское?!

«Если полезу в это — сама полечу с обрыва. Причем не по собственной воле».

Но Таня уже знала: она не успокоится.

И следующим утром — оно после ночных бдений наступило почти в полдень — первым делом позвонила Анжеле. Спросила весело:

— Ты когда ко мне рисовать придешь?

— Да хоть сегодня, — радостно отозвалась художница. — Я все жду, жду, когда ты меня позовешь.

* * *

Анжела шлепнула на синь моря белую кляксу. Сообщила Татьяне:

— Это будет парус одинокий.

— Чего? — Садовникова оторвалась от лэптопа.

Вообще-то она не выносила, когда отвлекают. Если кипел творческий процесс, запиралась в кабинете, отключала телефоны.

Но Анжела была ей нужна. Раз та в *отношениях* с Кикиным — обязательно хоть о чем-то, да проболтается. Пока, правда, все разговоры о гражданском муже художница пресекала, но Таня не сомневалась: она сумеет свою новую подругу разговорить. Со временем. Спешить им некуда.

Да и вообще на острове совсем другой стиль жизни.

В Москве за одиночество приходилось биться. А тут, в домике на вершине горы, и так тоска, один ветер завывает. Редкий гость, если доползет до вершины ее горы, будет пьян. Или навязчив — как Марк. Анжела со своим мольбертом оказалась куда более приемлемым вариантом. Сидит себе в уголке террасы, бурчит безобидно под нос: «Ну почему Айвазовский мог, а я нет?»

Всегда — коли Тане придет охота — готова поболтать. Щедро снабжает сплетнями. И к алкоголю — большая здесь редкость — почти равнодушна.

А еще ее можно использовать как миниатюрную фокус-группу. Таня тестировала на художнице новые идеи, тексты и получала весьма толковые комментарии.

Таня — в рамках своей рекламной кампании — даже уговорила пампушку вместе бегать по утрам. Анжела, совсем непривычная к спорту, задыхалась, еле плелась, ворчала и жаловалась. Садовникова несколько раз порывалась бросить неповоротливую художницу и умчаться вперед. Но удерживалась. А когда вместе одолели — за полчаса! — целых три километра, Анжела плюхнулась на лавочку и заявила:

— Ф-фух, я, оказывается, герой! Сейчас приз себе куплю.

— Какой? Булочку? — усмехнулась Садовникова.

— Обижаешь, — хмыкнула художница. — Кубок! У нас в магазине продается. На самой верхней полке стоит, весь пыльный. Отмою и поставлю на почетное место. А что? Мои первые три кэмэ! Я даже в школе столько не бегала.

И у Тани — сразу идея: большая Доска почета на центральной площади. На ней фотографии. Под ними — каждый день обновляются данные со спортивного трекера. Сегодня Анжела «трешкой» гордится, а скоро, может, будет пять километров легко пробегать.

Ни с кем согласовывать проект Татьяна не стала. Изготовление и установку пособия наглядной агитации взял на себя швейцар. Над слоганом Садовникова особо голову не ломала. Стащила у Пьера де Кубертена: «Быстрее, выше, сильнее!» Фотографий поначалу вывесили четыре. Сама Таня. Верный Марк. Ну и Анжела своего профессора уговорила. Бегать тот, правда, отказался, но заверил, что по собственной лаборатории нахаживает в день не меньше двадцати тысяч шагов. И предъявил скриншот пedometra.

Остров нововведение встретил скептически. Кто-то из юных (или нетрезвых) аборигенов подрисовал на фотографии Марка усы. Но Таня

карточку сразу сменила и велела швейцару немедленно покрыть портреты скользким антивандальным пластиком. А уже на следующий день в соревнование включилась юная Марьяна, пара активно молодящихся клиенток Кикина и еще с десятков островитян. И дальше потихоньку подтягивались. Мало, конечно, — от силы один из двадцати начал бегать. И по вечерам все оставалось по-прежнему: без коктейля — не ужин, без стопки рома — не сон. Бегуны исключением не стали. Иные прямо в спортивных костюмах заскакивали в бар и требовали ледяной «Мохито» — немедленно освежиться.

Что поделаешь, общественное сознание неповоротливо. Таня всячески поощряла активистов. А в благодарность Анжеле, первой подхватившей инициативу, с тех пор позволяла рисовать на своей террасе восходы, закаты и все, что она пожелает.

— Танюх! — Художница оторвалась от только что придуманного белого кораблика. — Смотри! Внизу движуха какая-то.

Солнце стремительно тонуло в океане. На остров накатывался вечер. Танина задумка — написать очень тонкую, аккуратную статью о вреде алкоголя для местной газеты — терпела крах. Она прежде никогда не занималась заказной журналистикой. Будучи рекламистом, привыкла бить в лоб. А тут надо изворачиваться, стараться завуалировать. Напишешь: «Пить вредно» — засмеют.

Анжела отошла от мольберта. Бесцеремонно заглянула Тане через плечо. Прочитала пару абзацев. Хмыкнула:

— Пропаганда — гнилое дело. Ничего не получится у тебя.

— Да сама вижу, — раздраженно отозвалась Татьяна.

— А ты прояви смекалку! — подбодрила Анжела. — Интервью, например, возьми. У какой-нибудь нашей знаменитости.

— А у нас есть, кто не пьет?

— Узко мыслишь, подруга. Пьют-то все. Но мне Кикин знаешь, что вчера сказал? Он самому Максиму условию поставил.

— Какое?

— Алкоголь не употреблять. Вообще.

— А что так жестоко?

— Ну ему ведь инъекции делают. Для омоложения. А Максимус может прямо из клиники в ресторан пойти.

— Почему бы и нет?

— Потому что даже после биоревитализации три дня нельзя никакого алкоголя. А после инъекций моего Кикина — минимум месяц. Эффект снижается чуть не вдвое. Вот о чем надо написать!

— А Кикин согласится со мной пообщаться? — с сомнением спросила Садовникова.

— Вообще, он тебя терпеть не может, — простодушно отозвалась Анжела. — Но ради своего дела может и согласиться. Я спрошу.

— Ой, спасибо тебе! — Татьяна вскочила. От полноты чувств обняла новую подругу. — Я хочу, хочу!

— Попробую уговорить, — заверила Анжела. Поморщилась. — Но сейчас убери ты свой комп, ночь на дворе. Пора коктейль пить.

— Смешать? Или в бар пойдем? — Садовникова покорно захлопнула крышку ноутбука.

— Подожди. — Анжела подошла к перилам террасы, прищурилась. — Никкак разглядеть не могу. На пляже случилось, что ли, чего? У тебя какая оптика есть?

Таня сбегала в дом. Вернулась с биноклем. Настоящий морской, с огромными окулярами — Садовникова приобрела его в местном магазинчике, где редко бывали колготки, но зато продавалась масса необычных вещей вроде спортивного кубка. Левое стекло, правда, было разбито, но и через одно, правое, девушки по очереди смогли разглядеть: на узкой полоске пляжа плотным кольцом столпились человек двадцать. И еще столько же хаотически передвигаются, то ввинчиваются в толпу, то из нее выбегают.

— Кто-то лежит там вроде. В середине. А все смотрят, — неуверенно произнесла Таня. — Может, кита выбросило?

— Какой кит? Сроду у нас их не было, — возразила Анжела. И со вздохом добавила: — Побежали, что ли? Тоже поглядим? Заодно еще себе шагов намотаем.

Мчаться с горы, а потом карабкаться обратно Садовниковой было лень. Солнце еще не зашло, жарко. И вообще неохота. Самая настоящая загадка острова! Приехала бороться за здоровый образ жизни, но, как и все, теперь ежевечерне смешивала себе ледяной «Манхэттен», где джин явно превалировал.

— Да ну, — поморщилась Татьяна.

Однако Анжела прямо притоптывала от нетерпения:

— Танька, не кит там никакой, а человек! Или двое! Точно тебе говорю! Утонул, что ли, кто? Прикинь, ужас какой! А мы ни о чем не знаем!

— В баре уж точно знают. — Таня сделала еще одну попытку отбиться от пробежки.

Но подруга сурово заявила:

— Нет. Я хочу все выяснить из первых рук.

Пришлось Садовниковой натягивать спортивный костюм. Анжела — будто специально — сегодня явилась в пижонском «Джуси Кутюр» и золотых кроссовках. Прямо на террасе взглянула на шагомер, сообщила:

— Иду на рекорд! Если, конечно, обратно такси не возьмем.

И побежали вниз. Анжела хотя и старалась, но отставала. Таня взялась напевать:

— Перепелка, перепелка, перепелочка! Раз иголка, два иголка — будет елочка!

— Как у тебя дыхалки хватает? — пропыхтела Анжела.

— Долгие годы тренировок, — усмехнулась Садовникова.

Трезвыми голосами, да еще в жилых кварталах на острове не поют. Народ обязательно заинтересуется, выглянет. А завтра, может быть, их примеру кто-то последует.

«Еще надо заказать всяких спортивных костюмов наимоднейших. А то «Джуси Кутюр» у одной только Анжелы, — мелькнула очередная мысль. — Сделать в магазине хорошую выкладку, презентацию провести».

Где-то она читала: если потребитель приобрел одежду для спорта, то с вероятностью семьдесят процентов ее хотя бы опробует.

А еще нужно открытые уроки йоги начать проводить. И убедить Максимуса оборудовать бесплатный спортивный зал. Или даже бассейн. Плюс обязательно открыть в местном магазине отдел спортивного питания. Таня иногда пила белковые коктейли и давно заметила, что после них алкоголя совсем не хочется.

«Хоть и новое для меня дело — но идет потихоньку! — подумала радостно. — Вдруг правда излечу целый остров от пагубной страсти! Отличная будет страничка в портфолио».

Но окончательно предаться честолюбивым мечтам у Татьяны не получилось. Дорога к пляжу, даже в компании неповоротливой Анжелы, — десять минут. Дойти до толпы не успели — столкнулись с Марком. Смертельно бледный, он бежал им навстречу и прикрывал ладонью рот. Лицо перекошено ужасом, глаза несчастные.

— Говорила я тебе: труп! — успела шепнуть Садовниковой Анжела.

И кинулась к молодому человеку:

— Марк, Марк, что там?

Но тот лишь головой помотал. Вцепился в рот двумя руками и ринулся прочь. Из кустов раздались характерные звуки рвоты.

— Слабак, — приговорила Анжела. — Ладно. Сами посмотрим.

В темпе спринтера добежала до места происшествия и начала

решительно ввинчиваться в толпу.

Таня не спешила следовать примеру подруги, но Анжела обернулась, схватила ее за руку и потянула за собой.

— Девчонки, вам туда не надо, — попытался остановить их пожилой джентльмен из толпы (кажется, бывший оперный певец).

— Почему? — Художница тщетно пыталась растолкать плотно сомкнувшиеся первые ряды.

— Человек после падения с высоты — не самое эстетичное зрелище, — вздохнул их собеседник.

Анжела оставила предостережение без внимания. Глаза загорелись любопытством.

— А кто упал-то?

Мужчина поморщился:

— Иди, сама смотри, если такая смелая.

Анжела выпустила Танину руку и скрылась в толпе. Садовникова за нею не торопилась. И успела услышать, как пожилой мужчина печально вздохнул:

— Нет повести печальнее на свете.

— Вы о чем? — резко обернулась к нему Татьяна.

— Там двойное самоубийство. Влюбленные со скалы прыгнули. С мирадора нашего.

— Какой ужас! — Таня прикрыла ладошкой рот.

А мужчина грустно добавил:

— Чего стоило хотя бы метровое ограждение поставить? А лучше — экран из небьющегося стекла?! Я всегда боялся — кто-нибудь не удержится. Стометровый обрыв. Тридцать этажей.

— А... кто там?

Джентльмен не ответил. Смахнул слезу, двинулся прочь из толпы.

Садовниковой стало жутко. Но, вместо того чтобы тоже бежать отсюда, обернулась, толкнула локтем одного, второго, наступила кому-то на ногу, влетела в круг — и увидела.

На песке, лицом вниз, скрючилась маленькая тощая фигурка. Уютно лежит, будто спит. Только рука вывернута и песок рядом с головой темный от впитавшейся крови. Худышка, совсем девчонка. Одна нога босая, на второй — сандалик с бисером. Обгрызенные ногти, застарелые мужские мозоли на ладонях. В лицо можно не заглядывать. Марьяшка.

Метрах в трех, на спине, — мужчина с неподвижным лицом. Рот распахнут, вместо зубов крошево. Голова в крови. Открытые глаза застыли в смертельном страхе. Лицо смуглое, одет в синий комбинезон. Рабочий.

Тот самый влюбленный в нее садовник.

Но девчонка ведь не воспринимала его. Откровенно насмехалась. Зачем им было вместе прыгать со скалы?!

К Тане бросилась Анжела, уткнулась носом в плечо. Всхлипнула:

— Почему они сделали это?

— Они?! Марьяшка никогда не стала бы прыгать! — твердо произнесла Татьяна.

— Тут говорят, они за руки держались, — пробормотала Анжела.

— Кто говорит? — встрепелась Татьяна.

— Я говорить! — резко отозвался мужской голос. — Я наблюдать. Я видеть.

Еще один рабочий. Ну да, напарник погибшего. Лицо каменное. Глаза сухи.

Что за странная толпа? Почему все молчат? У нас бы обязательно всхлипывали. Кричали. Кто-то бы взялся искусственное дыхание делать. Да и вообще поразительно. Никакого ограждения. Никакой полиции. Хотя да. Весь порядок на острове охраняют пятеро дружинников. Единственная машина с мигалкой. И главный надзиратель. Бывший полковник полиции.

Они с Анжелой успели с горы сбежать — но никого из представителей власти на месте по-прежнему не было.

Татьяна растерянно обернулась. Взглянула на лица стоящих вокруг.

Коренных островитян среди собравшихся почти не было. Чилийцы, тайцы, афроамериканцы. Многие в униформе. Высоченный негр не сводит с нее глаз.

— Did you see anything?^[18] — растерянно спросила Садовникова.

— No, — коротко отозвался парень. — I've just found them here^[19].

— А я видеть, как они идти мирадор, — повторил чилиец в униформе. — Идти, руки держаться.

— И видели, как прыгают?

Таня не хотела вести допрос. Она просто не верила, не могла представить, чтобы Марьяшка шла за руку с этим дебатым, лицо в оспинах, типом. И тем более прыгала вместе с ним со скалы.

— Как прыгать, не видел. Видел, как целоваться. Сегодня. И раньше, — твердо ответил чилиец.

— Бред, — прошептала Садовникова.

Она присела на корточки. Погладила девочку по плечу. Холодное и совсем мягкое — кости раздроблены.

Неужели никто из официальных следователей так и не появится? Что

за безумный остров!

Садовникова упала на колени рядом с Марьяшкой. Прошептала: «А как же твой кубок? Ты так хотела его выиграть!»

Из глаз сами собою полились слезы.

— Таня, не надо, — вдруг шепнул в ухо мужской голос.

Садовникова резко обернулась — и ослепла от прекрасного, юного и мудрого лица.

Самый главный на острове. Максимус. Всегда на передовой. Разве бывает иначе?

— Я не верю! Она не могла прыгнуть! — всхлипнула Таня. — И влюбиться в этого уроды тоже не могла.

Шеф обнял ее. Прижал к себе. Глаза несчастные. Пробормотал:

— Что я ее отцу скажу?

— А что жене Хорхе сказать? Она дома сидеть. Ребенок ждать, — с ненавистью откликнулись из толпы.

Таня ждала: сейчас снова выступит напарник погибшего. Но тот стоял молча.

Садовникова тихонько указала Максимусу на мужчину. Шепнула:

— С ним надо поговорить.

Шеф перехватил ее взгляд. Кивнул:

— Обязательно.

Потом встал с корточек и обвел холодным взглядом толпу. Спокойно произнес:

— Уходите.

Люди заволновались.

— We all want to know the truth!^[20] — смело выкрикнул высокий афроамериканец.

— Мы проведем официальное расследование. Вы обязательно узнаете о его результатах, — спокойно заверил Максимус.

Еще раз посмотрел — сквозь каждого и на всех. Повторил:

— А сейчас все прочь отсюда.

И толпа послушно скукожилась, рассосалась. Остались лишь напарник погибшего, Анжела, Таня и еще пара русских с острова.

На дороге яростно взвизгнули тормоза.

— Дружинники, как всегда, явились первыми, — едко констатировал Максимус.

Из машины вышли двое мужчин. Хотя стояли на ногах твердо, от обоих ощутимо пахло спиртным.

Увидев Максимуса, сразу напряглись. Тот, что постарше, втянул голову

в плечи. Более раскованный молодой лихорадочно полез в карман, вынул жвачку, развернул, сунул в рот.

Босс обернулся к Татьяне:

— Я так понимаю, на Доске почета их нет.

А у Тани (хотя шок, рядом смерть) в голове немедля новая идея. Закупить тысяч десять гибэдэдэшных «трубочек» и провести месячник без спиртного. Кто желает участвовать, утром и вечером «отмечается». Между тестами можно себе позволить бокал-другой. Но кто превысил официальную норму в три десятых промилле, из конкурса выбывает сразу. А победителем становится тот, у кого наберется меньше всего алкоголя в выдыхаемом воздухе по сумме тридцати дней. Приз приятный. Допустим, уик-энд в хорошем отеле Сантьяго. Плюс хвалебная статья в газете, на Доску почета обязательно вывесить.

Садовникова за свои пару недель на острове успела приметить деталь: жители — вроде бы люди взрослые. Образованные. Самодостаточные. Но жизнь в уединенном месте, в замкнутом коллективе наложила на них странный отпечаток. На Матуа многие чрезвычайно серьезно относились к тому, что о них скажут другие. А еще опрос общественного мнения (Таня успела его провести) выявил высокое желание участвовать в любого рода конкурсах плюс сильное стремление к экономии. (Отличительная черта даже не выше среднего, а среднего класса и ниже.) Но для Садовниковой полученные данные означали: все, что связано с призами, купонами, розыгрышами призов, несомненно, пойдет на ура.

— Таня! — раздраженный голос большого босса вывел из раздумий.

Молодое лицо (столь прекрасное в улыбке) сейчас выглядело маской Мефистофеля. Тон — властный, надменный, отстраненный.

— Сейчас вас отвезут домой.

— Зачем? — удивилась она. — Я дойду пешком.

— Да, мы ведь бегаем! — Анжела, в отличие от перепуганных дружинников, наоборот, старалась влезть под начальственные очи.

Но Максимус еле мазнул по ней взглядом и повторил:

— Татьяна, мой шофер вас отвезет. И никуда из дома не уходите.

«Придет ко мне? Будет предупреждать, чтобы я не выдвигала никаких собственных версий? Не раздувала скандала?!»

Стыдно признаться, но шанс побыть с великим человеком наедине ударил предвкушением в солнечное сплетение, вызвал мощную бурю внизу живота. А скандал — зачем ей скандал? Она и не собиралась его раздувать. Марьяшку все равно не вернешь.

«Немедленно уймись!» — приказала себе девушка.

Но едва водитель доставил ее в пряничный домик, бросилась в душ. Вымыла голову. Лихо и быстро уложила волосы. Глаза блестели, щеки румянились. Никакая косметика не нужна. Но Таня все же усилила природный эффект серебристыми тенями и нежно-персиковыми румянами.

«А Марьяшка сейчас... Нет, не думать о ней».

Смахнула со щеки слезу и помчалась открывать — в дверь звонили.

Приталенная клетчатая рубашка, шорты, босые ноги. Самое то, что нужно.

Но на пороге стоял вовсе не Максимус.

«Корова наивная!» — ругнула себя Татьяна.

Смешная влюбленность застила мозг. А homo sapiens сразу бы догадался: шеф и не собирался к ней. С какой стати? Иное дело — прислать к потенциальной свидетельнице самого главного из блюстителей порядка. Бывшего полицейского.

Его удостоверения Садовникова, ясное дело, не видела. Мужчина с неделю назад представился ей в кафе. Сказал, что зовут его Виктор Андреевич, он полковник и когда-то трудился в МУРе. Но Таня сразу засомневалась, что одышливый дядечка служил на Петровке. Такого бы даже в райотдел не взяли. По всем замашкам выходило — чиновник. Гонитель и без того замотанных оперов. Требовал с них отчеты, спускал указы. И где-то воровал, причем хорошо, масштабно, раз смог позволить себе еще не старым выйти в отставку и купить дом на острове.

Виктор Андреевич, несмотря на свой статус *главного радателя за порядком*, от местных традиций не отрывался. Почти каждый вечер навещал бар, пару раз в неделю собирал гостей — на бильярдные матчи с обильной выпивкой.

И сейчас от него слегка пахло — хотя куда меньше, чем от дружинников.

Сухо поздоровался, сразу прошел мимо Татьяны в дом, не спросил — потребовал:

— Я на террасу.

Разуваться и не подумал. Оставил за собой желтую дорожку песка.

«Ну, хотя бы на пляже побывал, — усмехнулась про себя Садовникова. — Место преступления видел».

Вышел на свежий воздух. Дверь за собой не закрыл. Разгулявшийся к ночи ветер со звоном шарахнул ею об стену.

— Тут фиксатор есть, — показала Таня.

— Что?

— Держатель специальный, чтоб дверь не хлопала.

Оставил ее реплику без внимания. Встал у перил. Напряженно вглядывается в темноту.

Тане стало смешно. Подошла, объяснила:

— Обрыва отсюда и днем не видно. До него семь домов. И деревьев пятьдесят восемь штук, я однажды подсчитала.

— Зачем? — обернулся к ней.

— Просто так, — пожала плечами девушка.

Виктор Андреевич облокотился спиной на перила. Цепко взглянул на Садовникову. Спросил:

— Вы сегодня весь день были дома?

— Утром бегала, — пожала плечами она. — С десяти здесь. Часа в два Ангела пришла.

— Зачем?

— Море рисовать. Она около шести вечера и увидела — на пляже толпа. Предложила посмотреть.

— Вы слышали что-нибудь подозрительное? Крики? Борьбу?

— Конечно, нет!

— Почему «конечно»?

— Потому что от моей глуши до мирадора километр. И ветер сегодня с другой стороны.

— Может, кто-то мимо проходил?

— Мимо террасы не пройдешь, там ни дороги, ни тропинки. А на улицу мы не смотрели. Все время здесь сидели.

— Ясно.

Отлепился от перил, подошел совсем близко. Пахнуло неприятным — перегар плюс плохие зубы или гастрит.

Прищурился:

— Больше ничего не хотите сообщить?

Татьяна вздохнула:

— О чем?

— Какие отношения вас связывали с погибшей?

— Она была мне симпатична. — Нос зачесался, глаза набухли слезами. — Мы с Марьяшкой познакомились сразу, как я приехала. Три недели назад. Она мне остров немного показала, объясняла, как тут у вас и что. Потом отвела в ваше кафе, мы пообедали вместе. Ну и потом, если встречались случайно, всегда останавливались. Болтали немного.

— Она рассказывала вам про свою любовь?

— Какая любовь! — печально усмехнулась Татьяна. — Она мне про виндсерфинг рассказывала. Про течения океанские. Про соревнования. А

мальчишки ее вообще не интересовали.

Умолкла. Всклипнула.

— Это все, что вы можете сообщить?

— Нет, — взяла себя в руки. — Когда мы в самый первый раз шли вместе по пляжу, мне показалось, из парка за нами наблюдают. Два синих комбинезона мелькнуло. Но девочка сказала — это местные рабочие. И что они часто за ней подглядывают. Но безобидные, никогда не приставали, поэтому она никому и не жаловалась.

— Погибший — один из них?

— Да.

Мужчина достал из внутреннего кармана блокнот. Потертый, в сальных пятнах. Быстрым движением пролистал — все страницы исписаны. Коряво, с пометками.

— Что это? — спросила Татьяна.

— У погибшего в комнате нашли. Вы понимаете по-испански?

— Ну... чуть-чуть совсем.

— Здесь все просто. Взгляните.

Протянул блокнотик.

«Кто бы в России — вот так, запросто! — вещественные доказательства таскал с собой и всем давал поглядеть!»

Садовникова открыла первую страницу.

Больше половины слов она не знала. Но «девочка», «моя любовь», «моя малышка» ей встретились несколько раз. Дальше пошло еще круче: «целовать везде», «нежная попка», «горячее лоно». На следующем листочке примитивная, в стиле наскальной живописи, картинка — половой акт.

Таня поморщилась. Заглянула в конец блокнота. Здесь тоже живопись. Два сердца пронзены ножом и истекают кровью. И крупными буквами: «FINITA».

Садовникова посмотрела на полковника:

— А ее *имя* хотя бы здесь есть?

— Да, — с готовностью отозвался Виктор Андреевич.

Принял из ее рук дневничок. Легко нашел нужную страницу. Показал: «Марианна. Моя дорогая».

Таня вспомнила:

— А в толпе говорили, у этого парня жена молодая... Ребенка ждет.

— Что жена? — ухмыльнулся полковник. — Она в Сантьяго. А он тут. Контракт на год. Молодой. Женщины нет. Тяжело.

Как-то очень быстро и легко он отвечал на все ее вопросы. Но главное

— зачем? Она его не просила отчитываться.

«Неужели не понимаешь, Танюшка, — прозвучал в ушах голос отчима. — Полковник специально пришел *убедить тебя* в официальной версии».

«Но я вроде и не собиралась свое следствие вести».

И немедленно брякнула:

— Зачем вы мне все это рассказываете?

Он прищурился:

— У нас на острове нет тайны следствия. И прежде чем выслушать вас, я обязан рассказать то, что знаю сам.

— Но мне нечего вам сообщить.

— А почему вы тогда сломя голову помчались на пляж?

— Ну... мы просто увидели... толпу, движение. Анжела предложила посмотреть. Лучше б мы тут остались.

Перед глазами всплыло живое — мокрое, замершее, с посиневшим от холода носиком, но счастливыми глазами — лицо Марьяшки.

Закрыла глаза ладонью — любой ценой отогнать картинку. Пробормотала:

— Но вообще я не верю. Этот Хорхе — сколько ему лет?

— Двадцать семь.

— И у них была любовь?! Да зачем он ей нужен? Нищий. Не умный. Некрасивый.

— Возможно, он только хотел поговорить с ней о любви, — предположил полковник.

— И что? Заманил ее не куда-то, а на обрыв? И убедил вместе прыгнуть? Да быть не может! Марьяшка — боевая девчонка. Что не по ней — легко послать может. И в глаз дать. Руки сильные — с любым мужиком справится.

— Что может девочка двенадцати лет против взрослого мужика? — мгновенно возразил Виктор Андреевич. — И потом, мы не знаем, как все точно произошло. Возможно, они случайно упали.

— А этот ваш свидетель? — иронически поинтересовалась Татьяна.

— Он видел только, как Марьяна с Хорхе шли и держались за руки. Что происходило непосредственно на обрыве, неведомо никому. И возможностей для экспертизы у нас нет. Он мог столкнуть ее, а потом прыгнуть сам.

— Но зачем?

— Потому что девочка отвергла его любовь.

— Нормальные люди так себя не ведут, — уверенно произнесла

Татьяна.

— Завтра я отправлю запрос в Сантьяго. По условиям контракта парень представил справку, что абсолютно здоров, но в Чили эти бумажки покупаются даже легче, чем в России.

Полковник тяжело вздохнул:

— А пока пришлось отца Марьяны госпитализировать. Он на себя руки наложить хотел.

И Таня немедленно вспомнила. Выкрикнула:

— Может, это все инсценировка? Месть?

— Чья? — Полковник изобразил искреннее удивление.

— Ну ведь Марьянин отец когда-то убил единственного сына соседей. Логично в отместку лишить его единственной дочери.

— Вряд ли такое возможно, — вяло проговорил Виктор Андреевич.

— Почему?

— Просто некому мстить. Чисто технически. Отец погибшего с острова давно уехал. Мать абсолютно спилась. Вы ее видели? Руки трясутся, ноги не держат. Куда ей человека столкнуть! Тем более двоих.

— Она могла кого-то нанять... Или... или просто притворяться, что беспомощна. Специально, чтобы ее не подозревали... — заметила Татьяна.

Полковник иронически вздернул бровь:

— Да, Татьяна Валерьевна. Я понял. Вы очень деятельный, равнодушный человек. И еще — большая фантазерка.

Протянул свою лапищу — огромную и противно потную:

— Приятно было пообщаться.

И тяжело потопал прочь.

Провожать его Татьяна не стала.

Опустилась в плетеное кресло. Грохот океана, свист ветра. Темно, бесприютно, холодно.

«А Марьяшка не боялась. Лезла в воду при любой погоде». Садовникова еле удержалась, чтобы снова не заплакать.

Сейчас, в тишине, темноте и одиночестве, ей казалось — никаких смертей не было. Просто спектакль. Очередная постановка «Ромео и Джульетты». Причем довольно бездарная.

Таня ни на секунду не поверила в официальную версию. С какой стати Марьяне идти за руку с этим питекантропом?! Да еще по пути целоваться? А потом вместе с ним прыгать — или позволять себя столкнуть — с обрыва?

Но, может, ситуация развивалась по-другому? И Марьяна все-таки была влюблена? Не в Хорхе, конечно, а в кого-нибудь из ровесников? А

рабочий — коли за ней следил, писал про нее гадости в блокноте — увидел ее с мальчиком, приревновал и решил отомстить?

А свидетеля, который очень вовремя и к месту начал давать показания, просто подкупили. Непонятно, правда, кто.

Написать Валерочке? Посоветоваться?

Но разумный отчим, предчувствовала Татьяна, конечно, в очередной раз ей скажет: никакой самостоятельности, в расследование не лезть, сидеть в чужом монастыре тихо. Марьяне все равно не поможешь. А если разворошишь осиное гнездо — навредишь исключительно себе.

«Тысячу раз Валера меня останавливал, а я все равно по-своему делала, — упрямо подумала Татьяна. — И сейчас тоже во всем разберусь».

Но вдруг представилось: ее саму швыряют в темную бездну обрыва.

Девушка нервно поежилась. Встала, выключила свет на террасе и поспешно вернулась в уютное тепло дома.

* * *

Утро после смерти Марьяны выдалось мрачным, ветреным. Тучи нависали почти над террасой, роняли на перила слезы дождя.

Таня провела тревожную ночь. Некомфортно жить на острове, где вместо полиции — отставной полковник-чиновник и несколько дружинников. Но при этом — убивают.

Чем дольше Садовникова обдумывала ситуацию, тем тверже убеждалась: прыжок влюбленных со скалы — чушь, ерунда. Девчонку убили. Причем вряд ли Хорхе. Но тогда кто? Зачем?!

«Пусть Валерочка ругается сколько хочет, но я должна с ним все обсудить».

Даже кофе не выпила — прямо из постели ринулась к ноутбуку.

Значок Интернета отсутствовал. Вообще.

Выглянула на террасу. Пальмы качаются, шуршат листьями. Однако ничего похожего на ураган — только он способен снести Мировую паутину в ноль. В остальных случаях хотя бы слабенький сигнал присутствует.

Девушка перезагрузила компьютер. Сети снова нет.

Ладно. Придется потратиться. Сняла трубку городского. Гудок звонкий, прямо в ухо. Но сразу после привычной семерки — кода России — мерзкое пипиканье.

В отчаянии достала мобильник. Попробовать с него?

Но и там вместо жалких одной-двух палочек, — жирный крестик.

Связи нет. В принципе.

Таня разозлилась. Набрала Марка. Местная сеть работала идеально. Молодой человек отозвался мгновенно:

— Да, Танечка?

Здороваться не стала, заорала:

— Почему Интернет не работает?

Обычно влюбленный оправдывался. Всегда. По поводу и без. А слегка на него голос повысишь — впадал в ступор. Но сегодня день выдался особенный. Марк ни капли не смутился. Бесстрашно отвечал:

— Связь на острове блокирована. По решению господина Максимуса.

— Что за бред?

— Таня, выбирай выражения. Нам не нужно внимание журналистов. И чтобы местные в своих Фейсбуках квохтали — тоже не нужно.

Таня отметила смелое «мы». Максимус этого теленка в свою команду, что ли, взял? Ладно, будем считать, что атака не удалась.

Девушка осторожно произнесла:

— Вообще, это дискриминация.

Не смутился. Мгновенно парировал:

— Обычные меры предосторожности. Проблемы Матуа должны остаться на Матуа.

— И долго мы будем сидеть в тюрьме?

— Твою свободу никто не ограничивает. А связи не будет минимум две недели. Нужно спокойно похоронить мертвых. Закончить следствие, сделать официальное заявление. Подождать, пока улягутся страсти.

— Но я должна для рекламной кампании много чего заказать!

— Составляй список, отдавай мне.

— Значит, тебе можно в Интернет, а всем остальным нельзя?! — снова взъерилась она.

Спокойно отозвался:

— И мне нельзя. Сообщения будет просматривать лично господин Максимус. Те, что посчитает неотложными, позволит отправить.

— Слушай, но это ведь полная глупость. Максимус — великий человек. Зачем ему такой ерундой заниматься?

— Я буду ему помогать. Лично тебе обещаю: все по твоему списку закажем в первую очередь.

— Но как я список без Интернета составлю? Мне нужно сначала отзывы почитать! Цены сравнить!

— Тогда давай отложим. Две недели ничего не решают.

И в голосе ни капли прежнего пиетета. Совсем обнаглел.

Садовникова бросила трубку. Задумалась. Заварила кофе, вышла во двор. Остров обволакивала привычная сонная тишина. На улице — никого. Демонстраций протеста не слышно. Зомби-жители спокойно проглотят монарший указ. И если только она одна будет шуметь — это сразу вызовет подозрения.

Нет, ей тоже надо сидеть тихо.

«Но Валерочка банально нервничать будет. Волноваться, почему я ему не пишу! И мама поднимет панику».

Таня вернулась в дом. Нарезала невкусной островной колбасы. Задумчиво запила ее кофе. Потом отправилась за компьютер. Быстро набросала письмо: *«Дорогой Валерочка! У меня все хорошо. Работаю, потихоньку знакожусь с местными жителями, каждый день бегаю. Тут потрясающая природа. Даже тутовые деревья есть. Местные их называют смешно — mahuta. А еще у нас на острове проблемы со связью. В ближайшие пару недель общаться не смогу. Но потом обещали все наладить, так что не волнуйся. Люблю, целую!»*

Как она смеялась (про себя, конечно), когда Валерочка заставлял ее заучивать кодовое слово! Но сейчас использовала его без сомнений. Непонятно только, чем ей сможет помочь отчим. Пришлет на остров спецназ? Причем прямо из России?

Ладно, хуже не будет.

Таня скинула письмо Марку по локальной сети. Сопроводила припиской: «Пожалуйста, отправь как можно быстрее. У отчима больное сердце, ему нельзя волноваться».

Приняла душ, подкрасилась и отправилась в офис. Совсем сегодня нет настроения дома сидеть. Да в центре и больше шансов с кем-то увидеться. Чего-нибудь выведать.

На работу решила идти кружным путем. Нужно поднабрать шагов, раз бегать с утра поленилась. И заодно подумать.

Таня выбрала самую длинную дорогу. Сначала к набережной, потом через резервацию, где жили местные, дальше мимо клиники Кикина.

Тучи налились свинцом, то и дело срывался дождь. Улицы абсолютно пустые. Только на пляже, где вчера случилась трагедия, увидела несколько фигур. Детских.

Решительно двинулась к ним. Три девчонки — ровесницы Марьяшки. Глаза у всех красные. Одна стоит на коленках, держит свечку. Вторая прикрывает тощими лапками фитиль от ветра. Третья неумело щелкает зажигалкой. Пламя даже не вспыхивает.

— Нужна банка с крышкой, — вмешалась Татьяна. — Иначе ничего не

получится.

Девчонки дружно уставились на нее.

— Как это — «с крышкой»? — возмутилась самая старшая, рыженькая, по лицу россыпь веснушек. — Я физику знаю. Если нет воздуха, огонь не горит!

— А мы дырочку сделаем, — объяснила Татьяна. — Небольшую, чтоб дождь не заливал.

Самая юная из девчонок — по виду и десяти нет — с готовностью произнесла:

— Давайте принесу! У меня здесь дом рядом!

— Бери любую банку, — кивнула Садовникова. — Литровую, двухлитровую. К ней крышку пластмассовую. И что-нибудь острое. Нож или шило.

Девчушка умчалась. Рыженькая бережно стерла со свечи песок и капли воды, положила ее в карман.

— Вы подруги Марьяны? — сочувственно спросила Таня.

— Ну, типа, — вяло отозвалась вторая девочка — бледная, со встрепанной черной косичкой.

— Нас на острове всего-то одиннадцать. Тут все подруги, — пояснила рыжеволосая.

— Слушайте, а как вы себя учиться заставляете? — с искренним интересом спросила Татьяна. — Если бы меня мама в школу не гнала каждое утро пинками, я бы вообще ничего не делала!

Девочка с косичкой слабо улыбнулась:

— Я учу только то, что интересно.

— А мне папка за пятерки башляет, — не без гордости призналась рыженькая.

— А у Марьяны какой был стимул?

— Никакого. Она только про свои доски читала. Или «Остров сокровищ» в сто первый раз, — отозвалась черноволосая.

— До нее все равно никому дела не было, — вздохнула рыженькая.

Примчалась самая младшая. Притащила банку, крышку. Доложила:

— Нож не дали. Шила не нашла. Тогда секатор у садовника стибрила.

Подойдет?

Протянула Татьяне острые садовые ножницы.

— Попробуем.

Таня легко проколола пластмассу. Взяла у девочек свечку, зажигалку. Отвернулась от ветра. Сначала накапала воска на дно банки, потом установила свечу. Подожгла. Пламя задержалось на ветру, но Садовникова

прикрыла его крышкой, и огонек заалел уверенно, мощно.

Татьяна вырыла в песке небольшое углубление, поместила в него банку. Обратилась к девчонкам:

— Давайте до половины закопаем. Тогда ветром точно не унесет.

— Хоть бы свалить отсюда поскорей! — невпопад воскликнула рыженькая.

— Зачем? — насторожилась Татьяна.

— Так родаки теперь с ума сбрендили! Мать следилку купила. Отец орет, чтоб дома не позже шести.

— А чего они боятся?

— Как чего? У нас тут всяких Хорхе целый квартал, — буркнула девочка.

— Слушайте, девчонки, я не понимаю, — искренне произнесла Татьяна. — Неужели у Марьяшки что-то было с этим чилийским парнем?

Троица переглянулась.

Самая юная не выдержала первой:

— Конечно, нет! Он ведь простой садовник! Да еще чурк... ну, в смысле, не европеец! — В голосе девчушки звенело неприкрытое презрение.

— Ну а настоящий, белый друг у Марьяны был? — не сдавалась Садовникова.

— Ага, — хмыкнула рыженькая. — Нептун зовут.

— Как?

— Да она ж в море целыми днями болталась! Со своим серфом только и целовалась.

— Но неужели у вас не было никаких вечеринок, дней рождений? Или ее не приглашали?

— Почему? Приглашали. И общалась она со всеми нормально, — пожалала плечами черноволосая. — Но дружила больше с мальчишками.

— Просто дружила?

— Слушайте, а что вам до Марьяны? — насторожилась наконец рыжая.

— И кто вы такая вообще? — подозрительно взглянула черноволосая.

— Да тут она, на острове, живет! — защитила самая маленькая.

— Не живу, а работаю, — уточнила Татьяна. — И Марьяну я знала. Она ведь спортсменка. Я думала с ней рекламную кампанию сделать.

«Действительно, хорошая идея. Могла бы быть».

Таня вспомнила крошечную фигурку на гребне волны и шмыгнула носом.

— А я слышала, что Марьяна шляется по мужикам, — вдруг решительно заявила малышка.

— Да что ты мелешь! — взвилась рыженькая.

— Слышала! — топнуло ножкой юное создание. — Мама папе так говорила!

Черноволосая взглянула беспомощно:

— Не ходила она ни по каким мужикам! Взрослые всегда все неправильно понимают. Рыбачить с пацанами — это, что ли, шляться называется? В футбол с ними играла, в волейбол. Общались. Ничего больше.

— Ты просто ничего не видела. Целуются всегда в темноте, — с важным видом изрекла малявка.

— Ерунды не гони! — цыкнула рыжая. Внимательно взглянула на Татьяну: — У меня брату тринадцать. Он с Марьяной дружан и сто раз на рыбалку с ней ездил. Но когда надумал поцеловать, она ему сразу кулаком в печень. Он мне синяк показывал.

— И вообще, — добавила черноволосая, — о мертвых нельзя плохо говорить.

Девочки примолкли. Таня больше не задавала вопросов. Смотрела вместе со всеми, как дрожит, колеблется пламя свечи. Думала: где твой рай, Марьяшка? Наверное, в океане. Там всегда тепло, и серф лихо скользит по высоким упругим волнам.

* * *

В гетто для персонала жители острова нос обычно не совали.

Нет, здесь не грабили, не кричали вслед обидных слов и даже на раздевающие взгляды редко осмеливались. Все работники тщательно отобраны, под строгим контролем и оком видеокамер.

Как говорил Марк, «нам просто противно смотреть на чужую грязь».

Но Таня бывала в Индии, Непале, видела там и дохлых собак в канавах, и как кур разделяют на порогах домов. Гетто на Матуа в сравнении с теми краями — почти стерильное. Подумаешь, помойка слегка переполнена.

Рафинированные островитяне просто жутко избаловались. Им странно смотреть на тех, кто не предается бесконечно релаксу, но борется за существование. Пашет в две смены. Спит по четыре часа. Живет впроголодь, чтобы отослать почти всю зарплату домой.

Но если вспомнить фильм «Титаник», простой люд забавлялся куда веселее, чем богачи. В рабочем квартале Матуа инфраструктура развлечений — богачам на зависть. Несколько баров, кафе, крошечная букмекерская контора. Сияет рекламой абсолютный архаизм — видеосалон. А еще — в отличие от пафосных кварталов — здесь не принято было сидеть по домам. То ли менталитет другой, то ли просто душно в конурках без кондиционеров. Улицы почти всегда кишмя кишели народом. Кто на крыльце болтал, кто собирался группками.

А сегодня — хотя время самое рабочее — Таня натолкнулась почти на митинг.

Человек тридцать, не меньше, собрались в плотный кружок и что-то горячо обсуждали по-испански. Увидели Садовникову — немедленно притихли. Демонстративно стояли и ждали, пока она пройдет мимо.

Но девушка и не думала упускать подобную удачу.

Таня отчаянно шарила глазами. Ага. Вот он, возвышается в центре толпы. Тот самый высокий афроамериканец, с которым они вчера перемолвились парой фраз.

Садовникову не смутили настороженные взгляды. Встала на цыпочки, помахала рукой:

— Hallo, my friend!^[21]

Парень увидел ее. Неодобрительно покачал головой. Но протолкался сквозь ряды сотоварищей, подошел. Буркнул:

— Не надо называть меня другом.

— Почему? — удивилась она.

— Вы здесь отдыхаете. А мы на вас работаем.

Таня улыбнулась и выложила козырного туза:

— Я тоже работаю.

— И кем же? — взглянул недоверчиво.

Она объяснила.

— Богачи, значит, с жиру бесятся, а ты их лечишь, — фыркнул парень.

И протянул ей огромную лапу: — Меня Джеф зовут.

Садовникова ответила крепким рукопожатием:

— Тапуа.

— В твоём контракте не запрещено водиться с черными?

— Мне никто не смеет запретить самой выбирать друзей, — твердо ответила она. И деловито спросила: — Что у вас за совещание?

Джеф понизил голос:

— Да Мигель куда-то пропал.

— Напарник Хорхе?

— Да. Они вместе приехали. Жили в одной комнате.

— Это ведь он вчера доложил, как Марьяна с его другом на утес шли?

— Ага. Его прямо с пляжа этот ваш жирный полицейский на допрос утащил. И все. Мигель не вернулся.

— А где же он? — Таня искренне изумилась.

Тюрьмы (гауптвахты, следственного изолятора) на острове, ей говорили, не имелось.

— Поздно вечером явились из мэрии, — поморщился Джеф. — Велели его вещи собрать. Сказали — контракт с ним разрывают. Он немедленно покидает остров. В четыре утра вроде придет специально за ним катер. Доставит его прямо до Вальпараисо. Мы, конечно, все сделали. Чемодан отдали. Но думаем, что очень странно это все. Зачем заказывать катер? Это дорого. И почему нельзя было Мигелю самому чемодан упаковать? И попрощаться?

«Действительно странно», — мелькнуло в голове у Тани.

В памяти всплыло лицо чилийца. Тот вчера выглядел будто под воздействием наркотиков. Глаза стеклянные. И повторял как попугай: Хорхе и Марьяна шли, держась за руки. Хорхе и Марьяна шли...

Отработал номер — и бесследно исчез.

Джеф обеспокоенно продолжал:

— Мы точно не знаем, сколько стоит арендовать катер до Вальпараисо. Но это минимум десять тысяч долларов.

— Может, и больше, — согласилась Татьяна.

— И зачем платить такие деньги, чтобы его прямо немедленно домой отослать? Чего он-то плохого сделал?

— Ну... он стал свидетелем того, о чем хотят побыстрее забыть, — пробормотала девушка.

— Или видел что-то, что ему было видеть нельзя, — с вызовом взглянул на нее афроамериканец.

«Дуралей ты, — вздохнула про себя девушка. — Тоже, как Мигель, хочешь исчезнуть?»

Мягко произнесла:

— Джеф, у тебя семья есть?

— Есть. Мама. Отец. Три сестры. Брат.

— А ты наверняка единственный кормилец.

— Ну, вроде того, — приосанился он.

— Знаешь, — искренне произнесла она, — я здесь сама новичок. Всех порядков еще не знаю. Но уже поняла одну вещь: чем меньше ты болтаешь — тем больше шансов, что с тобой не разорвут контракт.

— Но я *не* буду молчать, если с Мигелем что-то случилось, — упрямо произнес афроамериканец.

— Джеф, милый. — Таня улыбнулась ему почти как родному. — Ты все равно ничего не сможешь сделать.

Он взглянул с вызовом:

— Тогда сделай ты!

Садовникова поморщилась:

— Джеф, я ничего не могу тебе обещать. Могу только сказать, что тоже не выношу несправедливости.

— Ты девчонка. — В его голосе засквозило презрение. — Ты испугаешься.

— Когда испугаюсь — приду просить тебя о помощи, — улыбнулась она.

— Буду ждать, — серьезно ответил парень. — Я живу вон в том доме, синем. А работаю в госпитале.

— Кем?

— Медбратом.

— Ого!

— А ты думала, негры только полы мыть умеют?

— Они и президентами бывают, — усмехнулась Татьяна.

Нежданно-негаданно очень полезное знакомство завязалось!

Идеи пока не было, только хаос обрывков. Но девушка все же спросила:

— Скажи, а Марьяна... и Хорхе — они где сейчас?

— У нас. В госпитале. Отец девочки вчера приходил. Требовал дочь отдать. Но Кикин вызвал этого толстого полицейского, и они его вместе вытолкали. Потом, правда, его к нам снова привезли. На «Скорой».

— А вскрытие будет, не знаешь?

— Не будет.

— Почему?

Парень взглянул удивленно:

— На острове патологоанатома нет!

«Про судмедэксперта можно даже не спрашивать», — поняла Татьяна.

И задала последний вопрос:

— Тебе когда на смену?

— Сегодня и завтра. В ночь.

— Может быть, я приду.

— Зачем? — окинул взглядом самца ее фигуру, зыркнул внимательно на грудь, губы расплылись в улыбке.

— Не за этим, — строго ответила она. — Но ты дай мне свой телефон. Если что, я позвоню.

* * *

Офис оказался традиционно пуст. Даже Марка, кто чаще других изображал трудовую деятельность, не видать.

Таня не стала закрывать дверь в кабинет. Сегодня категорически хотелось не покоя, но общения. Новостей.

Однако в коридоре — зловещая, будто после взрыва нейтронной бомбы, тишина.

Садовникова включила компьютер. Но разве можно после вчерашнего думать о рекламе?

«Кстати. Анжела ведь мне вчера предлагала со своим профессором интервью сделать. О вреде пьянства, — вспомнила девушка. — И вообще, где моя подруженька? Могла бы вчера вечером заглянуть. Обсудить новости».

Художница отозвалась по городскому с первого гудка. Говорила почему-то шепотом:

— Тань, это ты? Нужно встретиться. Срочно.

— Давай.

Садовникова обрадовалась. Когда на душе тревога, хочется не в монитор глазеть, а мчаться, что-то обсуждать или делать. Не обязательно важное. Просто не сидеть сложа руки.

— В кондитерской? — предложила Татьяна.

— Нет. — Анжела еще больше понизила голос. — На дальнем пляже.

Полная глушь и минимум два километра от офиса.

— Я на велике поеду, чтобы быстрее. А ты смотри, чтобы никто не шел за тобой. — Голос у художницы стал совсем зловещим.

Анжела повесила трубку.

Таня никогда не воспринимала Анжелу всерьез. Слишком та открытая, взбалмошная. Не очень умная. Игра в шпионов — безусловно, очередная глупость. А если нет?

Ей стало совсем тревожно. Она ведь и сама считала: кто-то здесь, на острове, убил Марьяну. Подставил Хорхе и Мигеля. Второй чилиец, скорее всего, тоже мертв. В байки насчет персонального катера верилось крайне слабо.

А если я полезу в это дело? Что будет со мной?

«Может, Анжела хочет о чем-то другом поговорить?» — с надеждой подумала Садовникова.

Но едва увидела подругу — перепуганную и гордую от *сопричастности*, — поняла: речь, конечно, пойдет о погибшей девочке.

Дальний пляж на северной оконечности острова популярностью не пользовался. К вечно холодной воде добавлялись скалистое дно, сильные течения и морские ежи. Поэтому даже вездесущие уборщики сюда не заглядывали, и сейчас терпко пахло гнилыми водорослями,дохлой рыбой. Грустное место. Ветер — ни дома, ни деревья его не сдерживали — завывал насмешливо, с присвистом.

Анжела опасливо огляделась. Потом взяла Татьяну за руку, потянула на холодный песок. Когда уселись, вполголоса спросила:

— Хвоста не было?

Садовникова улыбнулась:

— Анжелка! Если ты про дружинников, то они в баре сидят. Я видела, когда проходила.

— А камеры? — тоскливо произнесла художница. — Кикин мне говорил — на острове полно скрытых.

— Ну здесь их точно нет, — заверила Татьяна.

— А если ты меня сдашь? — Тон Анжелы стал совсем скорбным.

— Слушай, да не хочешь — не говори! — начала злиться Садовникова. — Мне самой куда проще ничего не знать.

— А вот нет, — злорадно возразила Анжела. — Скажу. Чтобы ты тоже мучилась. Я у Кикина в бумагах роюсь. Все время.

— Зачем? — удивилась Таня.

— Как — зачем? Чтобы прижать, если что. Он ведь, сволочь, ко мне ходит как к себе. Обстирываю его, кормлю, ублажаю. А он стручок свой всунет-вынет, по попе шлепнет, цветочек купит — но про свадьбу ни звука. Пока ладно, меня устраивает. Но если слинять захочет — я его мигом за жабры!

— И много у тебя уже компромата? — поинтересовалась Садовникова.

— Да лет на десять. Строгого режима, — без тени улыбки отозвалась художница.

— Во как! А что он такого натворил?

— Тебя не касается! — фыркнула Анжела. — Это мой бизнес.

— Чего тогда звала?

— А то, что я вчера решила в его комп залезть. Идея была — карту Марьяшки найти. У нас гинеколог-то один — Кикин. Вот я и подумала: вдруг родители ее к нему водили?

— И что?

— Нашла. — Анжела перешла на шепот. — Совсем недавно на осмотр приходила. И была девственница. Кикин ее через попу осматривал, как положено в таких случаях.

— Н-ну... я почему-то так и думала, — отозвалась Татьяна.

— А почему тогда все кричат — шалава? Этому дала, тому дала?! — возмутилась Анжела.

— Дураки. Я тоже больше дружила с мальчишками. Ходили вместе в походы. Но мне и в голову не приходило с ними *спать*. По крайней мере, в школе. Но бабки у подъезда иногда звали меня проституткой, — улыбнулась Садовникова.

— Хорхе, значит, ее изнасиловал!

— Тебе Кикин сказал? — спросила Татьяна.

— Да нет. Он трупов не касается. Это просто я так думаю. Чилиец завел Марьяну на скалу. *Испортил*. А когда она начала угрожать, что сдаст его, столкнул вниз. И сам спрыгнул.

— А если они по обоюдному согласию?

— Зачем тогда прыгать?

— Не знаю. Равновесие, может, не удержали. Несчастный случай. Или он ее замуж позвал, а она отказала...

— Какой замуж! У него жена. Марьяна белая, и ей двенадцать лет. Нет, ерунда. Как бы узнать, что там на самом деле было! — Анжела стукнула кулаком по песку.

— Нам ведь обещали следствие. Официальное заявление, — напомнила Татьяна.

— Ой, о чем ты говоришь! Кто тут будет разбираться? Этот жердяй тупоголовый? Его дружинники вечно косые? А официальное заявление — это то, что думает Максимус.

— Но даже если Хорхе ее изнасиловал — что теперь? — резонно возразила Татьяна. — Оба мертвы. Наказывать некого.

— Но была у них любовь? Или нет?

В глазах Анжелы читалось жадное любопытство.

Таня прекрасно знала ответ. И ей был очень нужен союзник. Надежный. Умный. Понимающий. Но никак не болтушка Анжела.

И поэтому Таня не стала говорить, что уверена: на скале находился кто-то еще. *Третий*.

В офис Таня не вернулась.

Вместо работы сидела дома, черкала в блокноте:

1. Отец Марьяны. Поговорить. Как и когда?

2. Брат рыженькой. Которому Марьяна якобы врезала. Имя? Адрес? Найти, пообщаться.

3. Мать погибшего соседа. Узнать, где была вчера.

Международная телефонная связь и Интернет по-прежнему не работали. Ближе к вечеру позвонил Марк, похвастался:

— Инфаркт отчиму не грозит. Я твое сообщение самым первым отправил.

«Толку-то? — тоскливо подумала Садовникова. — Поговорить с Валерочкой все равно никак».

И яростно разорвала листок с планом действий. Марьяну дико жаль, но следствие она вести не будет.

Девочку не вернешь, зато сама пострадаешь.

Но спокойно вернуться к рекламным стратегиям после всего, что случилось, у нее не выходило.

«Интересно, что сегодня в баре?»

Таня не сомневалась: аншлаг. Поминают. Обсуждают. Строят версии. Тоже пойти? Послушать? Поговорить с народом?

«Нет, нет и еще раз нет! Ты в это дело не лезешь!»

Натянула спортивный костюм. Отправилась бегать. Выветрить из головы сыщицкие намерения.

Хотя подступал вечер, на острове было почти оживленно. Целых одиннадцать раз пришлось здороваться. Причем народ гулял не в одиночку. Стоят группками, размахивают руками. Ей безумно хотелось притормозить. Послушать. Однако заставляла себя ускорять шаг и пробегать мимо.

Но когда домчалась до набережной — остановилась как вкопанная.

На одной из вечно пустых лавочек сидела парочка. Уже редкость. А тут еще влюбленные (или кем они были?) выглядели поразительно.

Белый юноша лет двадцати (Таня пару раз встречала его в магазине) и совсем юная мексиканка. Да что там юная — дитя! Росточком не больше третьеклассницы, черты лица девчачьи, мягкие. Но грудь (пусть небольшая) имеется, да еще эффектным бюстгалтером подчеркнута.

Сидят близко-близко, его рука — на ее плече, а малявка босой ногой по голени парня водит. И глаз влюбленных друг с друга не сводят. Но в то же время ощущение — милуются напоказ. Зачем устраиваться на набережной, когда пляж абсолютно пуст?

И зрители не замедлили явиться.

— Какой позор! — услышала Татьяна.

Обернулась. Позади нее остановились две пожилые дамы, местные жительницы. Обеих она встречала в театре, когда давали скандальных «Ромео и Джульетту».

Среди тех, кто свистел и кричал «позор», Таня этих женщин не видела. Но сейчас обе выглядели возмущенными. Увидели, что Садовникова на них смотрит, повысили голос:

— Вы посмотрите только! Что творят, а? У них совесть вообще есть?

— А... кто это такие? — вступила в разговор Садовникова.

— Да Юрка Желяев, — поморщилась одна из женщин. — Хам. Недоросль. А девица — дочка их горничной. В гости приехала. Куда мать-то ее смотрит?

— Была бы нормальная — у Желяевых не служила, — заявила вторая дама. Объяснила Татьяне: — Там вся семейка сумасшедшая. Отец однажды на остров проституток привез! А мать в порнофильмах снималась. И не скрывает.

— Но как они попали сюда? У вас ведь это... ну, вроде экзаменов. Кого попало не берут! — робко вставила Татьяна.

Женщины заговорили наперебой:

— А у нас многие сначала ягнятами прикинутся, осядут — а потом творят, что хотят.

— Желяевы давно уже гадят — тихонько, за закрытыми дверями! А теперь решили — все можно!

— Почему можно-то? — не поняла Татьяна.

— Вы видели, что на острове творится? В центре демонстрация. Плакаты несут: «Свободу Ромео и Джульетте!»; «Не дадим нашим детям умирать!» Все в кашу, все переврали!

— Тьфу! — не выдержала первая дама.

И плюнула на асфальт. Получилось не по-женски, некрасиво и смачно. Но Таня (сама в шоке) и не думала женщину осуждать.

Зато к даме немедленно (откуда только взялся?) подбежал дружинник. Строго произнес:

— Порядок нарушаем.

Женщина взглянула без пиетета. Фыркнула:

— Это я-то нарушаю?! Вы лучше на них посмотрите! — и махнула в сторону лавочки.

Дружинник мазнул по влюбленным равнодушным взглядом. Назидательно произнес:

— Молодые люди просто общаются. Никому не мешают. Зато вы — в

полный голос! — обсуждаете их личную жизнь. Плюс загрязняете город. Берите салфетку и вытирайте.

— Да пошел ты!

У респектабельной и кроткой на вид женщины, видно, сдали нервы.

И она плюнула снова. Теперь дружиннику под ноги.

Тот изменился в лице. На секунду Садовниковой показалось — сейчас ударит. Но нет. Достал свисток. Свистнул. Мигом подскочили еще двое. Подхватили женщину под руки. И потащили — к единственной на весь остров автомашине с мигалкой и архаичной надписью «ПРАВОПОРЯДОК».

— Пустите! — вырывалась дама.

Ее подруга бросилась вслед. Один из дружинников на ходу обернулся:

— Можем тоже забрать. Штраф большой.

Та мигом отстала. Нарушительницу запихали в машину, тронулись с визгом покрышек.

— За что штраф? — растерянно спросила Татьяна.

— Ну... у нас в уставе острова... там много пунктов... не вмешиваться в личную жизнь... не мусорить... там, правда, довольно существенные суммы надо платить... — В глазах женщины блеснули слезы. Она с тоской взглянула на Таню: — Но раньше за это никогда не наказывали!

А наглая парочка тем временем слезла со скамейки. Кинула в сторону Тани и ее спутницы торжествующий взгляд и отправилась, по-прежнему в обнимку, прогуливаться. Девушка активно крутила попой. Парень с неприкрытым вождением ее оглаживал.

— Мерзость ведь, ну согласитесь! — Местная жительница в отчаянии взглянула на Таню.

— Мерзость, — в полный голос подтвердила Садовникова.

Окажись рядом Максимус — она бы и ему сказала. Такое сказала!

— Я была сегодня в баре, — вполголоса произнесла дама. — Там народ словно с ума сошел. Только и говорят: мы сами виноваты, что Марьяна погибла.

— Мы-то здесь при чем?

— Создали табу, — ответила женщина. — Если бы не это, девочка спокойно встречалась бы со своим чилийцем. А так ей пришлось умереть... — скорбно покачала головой. — Не понимаю. Просто не понимаю. Куда мы катимся? Кому это нужно?

— Я тоже не понимаю, — пробормотала Татьяна.

— Ладно. Простите. Я должна пойти в мэрию. Нужно узнать, как помочь подруге.

Женщина торопливо двинулась в сторону центра.

А Таня — чувствуя, что голова ее сейчас взорвется, — побежала домой.

«Кто-то специально переводит стрелки. На табу, штрафы. На мелочи, глупости. Только чтобы отвлечь внимание от преступника. Неужели люди не понимают?!»

И снова бег успокоил. Снова почти уговорила себя, что искать преступника — не ее дело. Да и возможностей нет.

Но под закрытой дверью ее домика лежал аккуратный конверт.

Таня схватила, рассмотрела. «Вестник Матуа». Городская газета. Экстренный выпуск. Быстро они реагируют!

Вошла в кухню. Плеснула себе рому. После бега крепкий алкоголь — безумие, но раз весь остров сошел с ума, ей, наверное, тоже можно.

И начала читать.

Автор — уже знакомая эпатажная Юлиана.

Заголовок душераздирающий:

ЭТО МЫ УБИЛИ ЕЕ!

Таня одним махом выпила ром и начала читать.

Марьяна с детства была не такой, как все. Еще в младенчестве, когда ей покупали кукол, маленькая девочка никогда в них не играла. Она отрывала игрушкам руки, ноги. Когда ей было три года, вспорола пластиковому пупсу живот. Маме объяснила: она хотела посмотреть, что там внутри. И очень интересовалась, как отличить мальчика от девочки.

Родители сейчас отказываются говорить о дочери, но сохранились свидетельства многочисленных соседей и очевидцев. По понятным причинам мы не можем назвать их имен. Но достоверно известно: в пять лет Марьяна впервые ушла из дома. Ее разыскали на дальней оконечности острова. Девочка, неумело орудуя молотком и пилой, пыталась смастерить челнок.

Она заявила, что собиралась «всего лишь» сплавить на остров Робинзона Крузо. Но любому, кто хотя бы минимально знал семью Макаровых, было ясно: ребенок убегает от домашних скандалов. Бессмысленно сейчас выяснять, кто из родителей был прав, а кто виноват. Но крики, звон посуды, а то и звуки драк, неслись из окон их дома постоянно.

По счастью, папе с мамой хватало ума выяснять отношения между собой и не втягивать в скандалы маленькую дочь. К тому же Марьяна весьма быстро и ловко научилась скрываться от семейных бурь. До сих

пор сохранились два шалаша, которые она с помощью соседских мальчишек построила на участке. А позже, когда девочке сравнялось восемь, с помощью тех же верных друзей она выстроила настоящую землянку в восточной части острова, в мангровых зарослях.

С самых юных лет предоставленная самой себе, Марьяна и друзей выбирала самостоятельно. Подруг у нее почти не было. Мальчишки с куда большим азартом разделяли ее страсть к приключениям и авантюрам.

Жители острова до сих пор вспоминают некоторые из их забав. «Привидение» со светящимися глазами, что бродило ночью по улице. Кошельки с деньгами, которые внезапно «убегали», когда их пытались подобрать. В семь лет Марьяна уже умела кататься на серфе — научил старший брат. Когда отец робко заикнулся, что она слишком мала, дочка его просто послала.

В редких паузах между семейными скандалами родители пытались заинтересовать девочку учебой. Но преуспели мало. Марьяна легко выучилась читать, с удовольствием занималась английским, испанским. Но учила иностранные языки лишь для того, чтобы понимать комиксы, которые в изобилии имелись в магазине для испано— и англоговорящих покупателей.

В отличие от многих детей, кто считал себя белой костью, избранными, Марьяна легко и с удовольствием общалась с обслуживающим персоналом. Ее не раз видели в обществе продавщиц-мексиканок или садовников-чилийцев. Хотя официально сотрудники обязаны говорить с коренными жителями острова по-русски, девочка, наоборот, просила их общаться с ней на своем языке.

— О чем ты с ними беседуешь? — однажды с удивлением спросила соседка.

— Слушаю сказки. Истории. С тех пор как мы переехали на остров, мама с папой мне ничего не рассказывают, — вздохнула девочка.

Скандалы в семье Макаровых продолжались. А когда Марьяне исполнилось девять, произошла печально известная всем история. Отец после очередной ссоры с матерью крепко принял на грудь и поехал «проветриться». И когда на полной скорости выруливал из гаража, насмерть сбил сына ближайших соседей.

Дикая история произошла на глазах Марьяны. И пока отец в отчаянии заламывал руки подле бездыханного тела, девочка пыталась делать погибшему искусственное дыхание.

Несложно предсказать, насколько накалилась после происшедшего и без того непростая обстановка в семье. Ссоры с криками — в какой-то

степени знак внимания друг к другу. Но теперь мать с отцом замкнулись в молчании. Она упоенно ударилась в религию. Он стал еще больше, совсем по-черному, пить. И никто не обращал внимания на Марьяшку. Никого не волновало, что в глазах девочки застыл ужас. Она ведь видела, как ее приятель безмятежно едет на велосипеде, потом слышала внезапный визг тормозов, удар — и все.

Соседи (никого ближе у Марьяны не было) рассказывали: они старались ее поддержать. Звали в гости. Пытались приласкать. Но девочка дичилась. Если удавалось затащить ее в дом, сидела молча. И явно с облегчением уходила.

Куда она шла?

Ее часто видели на обрыве. Она беспечно опускала ноги вниз, в пропасть, и не сводила глаз с океана.

«Уже тогда я боялась, что Марьяна что-то с собой сотворит», — сказала мне одна из соседок.

Однако в тот раз рядом был ангел-хранитель. Им оказался Артемий К. Молодой человек восемнадцати лет, приехавший в гости к своему родственнику.

Как и все вновь прибывшие на остров, Артемий однажды добрался до обрыва. Увидел там девочку с окаменевшим лицом. Спросил, не может ли он помочь. И не ушел, когда она ответила резким «нет». Сел рядом. Начал болтать, рассказывать, что учится в Америке. Что науки отчаянно скучны, зато у них в университете чумовая секция виндсерфинга.

— Что? — встрепелась Марьяна.

— Пойдем, научу, — ни секунды не сомневался Артемий.

— Я уже умею, — гордо отозвалась она.

— Чего там ты умеешь, малявка!

— Я катаюсь с семи лет. Правда, часто падаю.

— Пойдем. Я покажу тебе, как держать волну.

И они вместе отправились на пляж.

Раньше Марьяна каталась на детской доске, но Артемий поставил ее на настоящий, взрослый серф. Худышка-девятилетка никак не могла с ним справиться. Бесконечно падала в воду. Посинела от холода — гидрокостюма у нее не было. Набила множество шишек. Артемий много раз предлагал отдохнуть, но она штурмовала волну снова и снова.

А когда на пляж рухнула ночь, поцеловала своего учителя в щеку. Дрожащими ледяными губами.

Наутро Марьяна подкараулила отца, который не успел еще выпить первой рюмки, и потребовала себе серф.

— У тебя ведь есть!

— Игрушечный. А я теперь хочу настоящий. Спортивный.

Когда прибежавшая мать попробовала возражать, девочка пригрозила: «Не купите — брошусь с обрыва».

Отец — он еще сохранил человеческий облик — поговорил с Артемием. Он не мог понять, зачем молодому, красивому парню возиться с девчонкой, которой нет десяти.

— Я хочу ей помочь, — твердо ответил молодой человек.

И следующие два месяца Артемий и Марьяна не расставались. У нее долго не получалось ловить волну. Но учитель был терпелив. А когда она впервые сумела удержаться на гребне, случайные прохожие увидели: пара выбегает на берег. И бросается друг другу в объятия.

«Ничего такого, это был просто дружеский поцелуй», — говорили мне одни.

Но другие уверяли: они видели, как Марьяна и Артемий ходят в обнимку. По свидетельству одного из жителей острова, однажды он встретил пару на пляже практически без одежды, в крайне фривольной позе.

Однако свечку никто не держал. Когда лето кончилось, Артемий уехал обратно в Америку. А Марьяна продолжала кататься одна.

С девочками она по-прежнему не общалась. А вот в обществе мальчиков — как правило, более старших — ее видели неоднократно. Она ездила с ними на рыбалку. Каталась на скутере. Играла в карты.

Полгода назад в ее жизни появился Хорхе.

Молодой чилиец приехал на остров по контракту. Его обязанностью было поддерживать порядок в парковой части набережной. Вместе с напарником он занимался обрезкой деревьев, поливом. Удобрял посадки, срезал засохшие цветы и плоды. Конечно, он сразу обратил внимание на Марьяну. На нашем острове, пожалуй, только она одна гуляла где и когда вздумается и каталась на серфе в любую погоду.

Поначалу Хорхе даже приблизиться к ней боялся. В его контракте было четко прописано, что все контакты с коренными жителями острова должны происходить только в случае крайней необходимости или по инициативе последних. Но как-то вечером он услышал, как его товарищи обсуждают «горячую киску на серфе».

Хорхе начал жадно прислушиваться. Мужики (подвыпившие после рабочей смены) утверждали, будто малышка, несмотря на юный возраст, «дает охотно и всем».

Скажем сразу: у чилийцев с мексиканцами, тосковавших по подругам

и женам, тогда просто разыгралась фантазия. Но Хорхе, ослепленный красотой и независимостью Марьяны, что называется, потерял голову.

Он стал следить за ней. Однажды осмелился подарить цветы. Девушка рассмеялась — и благосклонно приняла букет. Но на свидание, куда Хорхе ее немедленно пригласил, прийти отказалась.

— Я тебе не нравлюсь? — огорчился он.

А девушка грустно отозвалась:

— Даже если бы нравился — мне никто не позволит. Ты рабочий, я дочь богатых родителей. Тебе двадцать семь, а мне только двенадцать.

— Но ты позволишь хотя бы посмотреть на тебя?

— Смотри, — улыбнулась она. — Мне не жаль.

Хорхе теперь не спросишь. Но его напарник Мигель утверждал: когда Марьяна переодевалась на пляже, она никогда не утруждалась прикрыться полотенцем. Хотя знала, что Хорхе вместе с напарником за ней наблюдают.

«Грудь почти не было. Но попка очень аппетитная» — тоже слова Мигеля.

Бедняга Хорхе, по утверждению напарника, неуклонно сходил с ума. Он вел дневник, где писал только о своей богине. Пытался рисовать ее портреты. Фотографировал.

А девушка словно смеялась над ним. То приближала к себе, позволяла донести до дому тяжелый серф, то прогоняла. Принимала небольшие подарки, которые он ей дарил, но при этом целовалась на его глазах с другими.

И однажды, утверждает Мигель, у несчастного Хорхе просто помутилось сознание. Он подкараулил Марьяну. Подарил ей коробку конфет. Девушка пребывала в хорошем настроении и с удовольствием приняла дар.

Осмелевший Хорхе предложил вместе прогуляться до обрыва.

Мигель видел: она кивнула. Взяла его напарника под руку. Прижалась к нему всем телом.

Парочка медленно двинулась в гору... А дальше их нашли уже мертвыми. На берегу.

Остается только гадать, что произошло на обрыве. Хорхе объяснился в любви, а она его отвергла, и тогда мужчина не выдержал? Или то был просто несчастный случай? Пара стала целоваться и банально не удержала равновесие?

Судить в любом случае некого. Оба мертвы.

Но не пора ли призвать к ответу наше косное общество?

Напарник погибшего утверждает: Хорхе чрезвычайно тяготило, что он посягает на запретный плод. Двенадцать лет, считал он, это безусловное детство. Хорхе выяснил, что в России (а он считал наш остров именно Россией) за изнасилование несовершеннолетней дают огромные тюремные сроки. Он знал также и тот факт, что если девушка сама согласна на все, ни один суд не сочтет это смягчающим обстоятельством.

«Он просто повредился головой, потому что безумно хотел того, чего хотеть нельзя, — говорит Мигель. — И я не исключаю, что он убил Марьяну и себя от отчаяния. От того, что у их отношений не было никаких перспектив».

Но давайте отбросим эмоции и подумаем здраво.

В материковой России могут быть какие угодно законы, но наш остров тем и уникален, что применяет у себя только самые справедливые и прогрессивные из них.

Так зачем нам поддерживать абсолютно устаревшие взгляды на брачный возраст?

Восемнадцать лет — это безусловная, кошмарно устаревшая глупость!

Марьяна, по свидетельствам очевидцев, обнималась с мальчишками с восьми. По собственной воле вступила в интимные отношения с Артемием, когда ей было девять. Пусть не со всеми и не каждый день, но явно имела половые контакты и в дальнейшем.

Кто-то в ее возрасте не готов. Марьяна — вполне созрела. И разве не ее право быть с мужчиной, если она сама того хочет?

Впрочем, девушку — найдись такие желающие — за неподобающее поведение могли бы лишь пожурить.

Но мужчина, который банально берет то, что ему предлагают, в нашем обществе считается тяжким преступником. В России тысячи — только вдумайтесь в эту цифру! — юношей, вступивших в добровольную половую связь, сейчас находятся в тюрьмах по тяжкой статье «изнасилование».

Однако у нас — своя, особая Россия.

Мы справедливо гордимся, что наш остров — территория свободы. Зачем же нам допускать драмы, которые куда более трагичны, чем «Ромео и Джульетта»?

Ведь обеих смертей можно было избежать, если бы людям позволялось свободно любить друг друга.

И мы еще смеем говорить, что живем в раю!

Какой там рай! Типичное полицейское государство.

«Ну, все. Приехали. — Таня отшвырнула газету. — Общество, оказывается, виновато. Запрещало Хорхе с девчонкой спать».

Да, бред и глупость. Зато все увлекутся дискуссией и о том, что *совершено преступление*, точно забудут.

Как бы в подобной ситуации поступил мудрый отчим Валерочка?

Таня обернулась лицом к океану. Послала мысленный импульс в далекую Россию. И в голове вдруг сама собой всплыла цитата. Кажется, Освальда Шпенглера.

«Тот, кто может доказать, уже ничего не боится».

Спасибо, Валерочка! А еще говорят, что телепортации мыслей нет.

Расспросы и домыслы — ерунда. Вещественное доказательство — вот единственный аргумент!

«Таня! Ты ведь твердо решила следствие не вести».

И самой себе ответила:

— Не могу.

Все здесь нужно сломать.

«Дурочка. Свою жизнь ты ломаешь», — хмыкнул здравый смысл.

Но когда она его слушалась?

* * *

На острове помимо Кикина проживало еще четверо докторов. Кикин, уверяла Анжела, мертвых не касается. Остальные медики вообще в отставке. Есть у кого-нибудь из них учебник по судебной медицине? Крайне маловероятно. Люди приехали на Матуа отдыхать. Глупо предполагать, что на досуге они перечитывают статьи про виды трупного окоченения и стадии разложения.

Эх, был бы Интернет!

Но Сеть по-прежнему оставалась мертвой.

«Д'Артаньян или Джим Хопкинс совершали свои подвиги безо всяких подсказок!» — подбодрила себя Таня.

Вышла на террасу. Когда училась классе в шестом, она хотела стать космонавтом. Дальше пошли мечты исследовать Арктику, покорить подиум, издавать самый популярный в мире журнал. Но о профессии врача школьница тоже задумывалась. И даже читала книги по этому профилю. В том числе пресловутую «Судебную медицину». Но ничего полезного, как ни старалась, сейчас припомнить не могла. Учебник тогда, в школе,

проскочил, словно ужастик. Останки на дне реки. Разложившиеся тела, которые не поддаются идентификации...

Выбрось из головы все неважное. Вспоминай, думай.

И мозг исполнил приказ. Яркая вспышка: в учебнике несколько раз упоминались предметные стекла. Стерильные. Ну да! Любой *материал* нужно выложить на них и промаркировать. Затем упаковать и доставить в лабораторию.

«Только где эти стекла брать? В нашей скромной аптеке я ничего подобного не видела. Но в больнице — раз там берут анализы — они должны иметься. Можно озадачить Джефа. А каким образом я буду извлекать *материал*?»

Садовникову передернуло.

Девушка представила, как входит в ледяное помещение морга. Приближается к трупам, с головой укрытым простынями. Нет, нет! Она не пойдет.

В реальной жизни отчим никогда бы не отправил любимую падчерицу на столь опасное дело, но сейчас она вдруг услышала его спокойный голос:

— Если не пойдешь, то завтра обоих похоронят — и доказательств не будет вовсе. Или ты решишься на эксгумацию?

— Ты думаешь, я боюсь? — пробормотала сквозь зубы. — Нет. Я сильная. Я выдержу.

Надо только обеспечить себе максимальную безопасность.

Позвонить Джефу, предупредить, чтобы ждал?

А если телефонная линия прослушивается?

Лучше просто прийти. Предлог — допустим, зуб заболел. Или живот, его обследовать труднее.

Что носит с собой судмедэксперт? Резиновые перчатки? У Тани были только толстые, для уборки. Еще обязательно нужны ватные тампоны. Взять вместо них диски для протирки лица? Нет. Они не стерильные. Не годится. Прокипятить? Потом прогладить?

«Зачем? Наша аптека, конечно, дыра, но не настолько ведь!»

Таня натянула спортивный костюм. Пока бежала вниз, к центру, составила в голове целый список, чего купить для отвода глаз: анальгетики, пустырник, витамины. Но отвлекать оказалось некого. Фармацевт, молодая чилийской внешности, всем своим видом демонстрировала равнодушие и скуку. Сквозь зубы поздоровалась и уткнулась в кроссворд. Садовникова легко нашла упаковки стерильных хирургических салфеток. Взяла несколько стерильных же контейнеров. Пачку одноразовых перчаток. Еще — бег удивительно хорошо прочистил мозг — ей понадобятся зонды.

Такие, как у гинекологов.

Но на витринах ничего похожего не было. Спрашивать, привлекать к себе внимание Таня не решилась. Нет на прилавке — значит, вообще нет. Скорее всего, врачи их через фирмы заказывают.

Девушка попыталась вспомнить, как выглядят зонды. Обычно это тонкий шланг или трубка. Ерунда. Найдем замену. Чем, например, плохи палочки для размешивания коктейлей?

Переместилась в магазин. Выбрала самые длинные. С игривыми красными сердечками на кончиках.

И снова побежала домой.

Вытащила из чемодана фотоаппарат. Давно не пользовалась — снимать на телефон куда проще. Но сюда, на экзотический остров, взяла. На всякий случай. Кто бы знал, для чего он ей пригодится! Отыскала зарядное устройство, подключила.

Прошла в ванную.

Маникюром придется пожертвовать.

Она безжалостно стерла свежий лак. Под корень подстригла ногти. Волосы заплела в тугую косу и туго завязала банданой — пусть никаких экспертов на острове нет, но следов на всякий случай лучше не оставлять.

Имущество судмедэксперта сложила в маленький рюкзачок. Прихватила фонарик. Нашла в шкафу черные трикотажные брюки и темно-угольную водолазку.

Времени — почти десять. С богом, в опасный путь?

Но тут зазвонил телефон.

Неужели Марк решил поболтать с ней на сон грядущий? Или Анжелу опять чем-то осенило?

Сначала хотела не снимать трубку. Но с Марка (да и с подруги!) станется поднять панику. Объявить поиски.

Подошла к городскому аппарату. Нарочито сонным голосом отозвалась:

— Але?

— Разбудил? — рассмеялся в ответ бодрый мужской баритон.

— Максимус? — опешила Татьяна.

Ни слова вымолвить не дал. Объявил:

— Я сейчас приеду.

И запиликали короткие гудки.

Безумие.

Он с ума сошел? Десять вечера. И она — в мрачной черной униформе, с банданой на голове.

Максимус чего-то заподозрил?

Таня лихорадочно заметалась по квартире. Запихала свой «рюкзак судмедэксперта» в шкаф, под стопки постельного белья. А если в ее доме видеокамеры?! Он все знает? И сейчас начнет ее обвинять?! Здесь, на острове, до следствия не снисходят. Банально сбрасывают с обрыва.

Эй, подруга, уймись! Ты пока ничего незаконного не делала. Мало ли что у тебя в рюкзаке! Никто не станет загонять иголки под ногти. Выяснить, зачем ей стерильные перчатки и палочки для коктейля. Куда хуже, что выглядела она ужасно.

Мыть голову некогда. Таня сбросила бандану, засунула ее под ванну. Слегка смочила волосы, схватила гель для укладки, начесала, взбила воронье гнездо. Вид смешной, но зато как будто из постели. И даже с элементами секси.

Сорвала с себя черные одежды, вместо них натянула длинное белое платье. Когда покупала, продавщицы утверждали — «коктейльное». Но выглядело как ночнушка или пеньюар. Самое то, что надо.

Едва успела нанести на щеки румяна, а лоб с подбородком подрихтовать тональником, грянул звонок.

Двадцать два десять. Быстро он. А что, интересно, своей голливудской красавице сказал?

— Добрый вечер, — кротко улыбнулась Таня с порога. Опустила ресницы, опасливо взглянула на гостя.

С первого дня знакомства Таню бесило, что босс не поддается ее чарам. А еще то, что он абсолютно непредсказуем. Никогда не знаешь, что скажет, что сделает. Швырнет в лицо обрывки контракта? Увлечет на обрыв и столкнет?

Сегодня Максимус улыбался.

Странно выглядело, когда на острове форс-мажор.

Машина с водителем осталась у забора. Большой босс приподнял Танин подбородок. Насмешливо взглянул в растерянное лицо. Грубо втолкнул в дом, вошел следом, с силой вдавил в стену и безжалостно, властно поцеловал.

Сжимать изо всех сил зубы? Глупо, он сильнее. К тому же она сама давно его хочет.

Таня ответила на поцелуй. Однако едва Максимус от нее оторвался, спросила:

— А как же ваша подруга?

— Плышет в Сантьяго. Я ее выгнал, — беспечно отозвался начальник.

И единственным движением расстегнул сразу две верхние пуговицы

на ее платье. Кудесник.

Мечты сбываются?

Однако Таня поспешно ликвидировала соблазнительный вырез. Отступила. Взглянула с вызовом:

— Вы не слишком торопитесь?

— Хочешь церемоний? — Максимус, показалось, даже обрадовался. — Ладно. Налей тогда выпить.

Несусветно красив. Силен. Властен. Вот только глаза. Не сверкает в них ни огонька. А Таня предпочитала не просто дарить любовь, но и сводить мужчину с ума.

«Нет, дорогой. Я тебе не игрушка на одноразовый секс».

Садовникова лукаво улыбнулась:

— Вам апельсиновый сок?

— Брось, — поморщился. — Сделай два «Бакарди» и приходи на террасу.

Повернулся к ней спиной. Вышел на свежий воздух.

Сначала хотела возмутиться — горничную нашел! Но пару раз вдохнула, выдохнула. Он много лет командует островом. Жители перед ним дружно стелятся. Бесплезно и поздно учить босса вежливости.

Покорно вышла с бокалами на террасу. Еще раз взглянула в его глаза — и поняла: трудно ей придется!

Мужчин Садовникова знала прекрасно. С ходу отделяла вожделеющих самцов от безумно влюбленных и готовых на все. Но Максимус, к ее великому сожалению, даже к первой категории не относился. Он не *вождедел*, а просто хотел скоротать вечерок. Насолить своей голливудской красоте. Секс, может, и будет. Но для этого не ему — ей постараться придется.

Ладно. Поборемся.

Таня подала Максимусу бокал. Нахально спросила:

— А почему вы актрису выгнали?

— Надоела, — поморщился великий человек. — Понтов много, в постели не старается.

Да ты откровенен чрезвычайно! Может, воспользоваться?

Он развалился в кресле. Таня отметила: только великие мира сего умеют разбросать ноги, ссутулить спину, но при этом выглядеть элегантно. Отпил коктейль. Усмехнулся:

— О чем будем говорить?

Обычно мужчины любили отвечать на вопрос: «Какая у тебя была любимая игра в детстве?»

Но сейчас Таня выпалила:

— Вы знаете, кто убил Марьяну?

Ни единая жилка в лице не дрогнула.

— Полиция наша утверждает, что Хорхе, — еще глоток. — Но я не верю.

— А кто тогда?

— Зачем тебе знать?

— Дурная привычка. Всегда лезу в чужие дела. А Хорхе тут явно за уши притянут. Все говорят.

— Да пусть говорят что угодно! — отмахнулся он. — Вести полноценное следствие на Матуа невозможно. Все это понимают.

— Значит, пойдут слухи. Домыслы. Потом волнения.

— Ой, брось. Какие волнения? Ну, поболтают пару недель. А дальше цветы на могиле завянут. Родители Марьяны уедут, и все забудется.

— А они уедут?

— Ты бы на их месте осталась?

— Ох, нет!

— Зачем тогда спрашиваешь?

Поставил бокал на журнальный столик. Поманил:

— Иди ко мне.

В его глазах наконец вспыхнули искры. Рассыпались фейерверком под холодным блеском луны. Но быстро умерли. Снова один лишь завораживающий взгляд. Холодный, змеиный — но устоять перед ним невозможно.

«Ох, негодяй, до чего я тебя хочу!»

Но если бы хотел он — встал бы и сам набросился.

Таня приказ не исполнила. Наоборот, отступила на шаг. Лукаво улыбнулась. Спросила:

— Почему вы пришли именно ко мне?

Окинул оценивающим взглядом:

— Свежий человек. Неплохое тело. Не юное, но крепкое, сильное. С тобой будет интересно.

— Почему?

— Потому что просто так *бить* себя ты не дашь.

Интригуешь? Но смущаться нельзя. Таня спросила насмешливо:

— Вы любите жесткий секс?

Усмехнулся:

— Пятьдесят процентов мальчиков с необычными именами страдают психическими отклонениями. Ты не знала?

Будто маски примеряет. Одну. Другую. Она уверенно произнесла:
— Все вы врете. Псих бы не построил империю. А в легком садизме нет ничего страшного.

Боже мой, что она несет!

— Ты считаешь мой остров империей? — холодно улыбнулся. — Тогда ты нарвалась. Я приказываю: немедленно подойти ко мне.

И она словно замороженная повиновалась.

Он усадил ее на колени. Поцеловал. Умело — но без особой страсти.

Таня — после его страшилок — ждала агрессии, боли. Но получилось очень даже нежно.

«Таня, отдайся волнам. Веди его в спальню».

Садовникова обмякла в сильных мужских руках. Пуговицы — на сей раз сразу три — посыпались на дощатый пол веранды.

Она прижалась к нему.

Не надо и замуж. И романа не надо. Просто одна — хотя бы одна! — жаркая ночь!

Но вдруг в мозгу стрельнуло: «А если он останется до утра?»

Многократный секс, ленивый совместный завтрак.

А гроб с телом Хорхе тем временем отправят на родину. И Марьяну похоронят!

Хорошенькая дилемма. Что выбрать? Ночь в мертвецкой? Или секс с человеком, кого она давно вожделеет?

Максимус не ведал о Таниных сомнениях. Он уже добрался до ее груди. Умело расстегнул лифчик, с видом знатока оглядел бюст. Теперь его рука ползла по ее животу. Но дыхание ровное. И глаза — дьявол их побори! — оставались рассудочными. Почти равнодушными.

— Вы меня ни капли не любите, — пробормотала она.

Не смутился:

— Ну и что?

— Шли бы тогда к проституткам.

Усмехнулся:

— У нас на острове их нет.

Прижал ее к себе еще крепче.

Тань, брось! Ты взрослая женщина. Тоже его хочешь. Давно. И безо всяких условий.

Но как они потом будут вместе работать?

«Да миллионы девиц во всем мире на сексе с начальниками суперкарьеры сделали!» — взмолился разум.

И все-таки Татьяна отстранилась. Предложила:

— Я сделаю еще по коктейлю?

Втайне надеялась: он сейчас ее скрутит. Уволочет в спальню. Вдавит в кровать.

Но Максимус лишь сбросил с ее плеч платье. Властно приказал:

— Иди так.

Ладно. Ей своей фигуры стыдиться нечего. Пока дробила на кухне лед, выглянула в окно. Машины нет. Договорился, видно, с водителем: «Через полчаса не выхожу — уезжаешь».

Тридцать минут на ухаживания и уговоры. Невысоко он ее ценит!

Расхаживать голой не стала. Накинула прозрачную тунику. Все равно все видно, но лучше хоть какое обрамление, чем нагая простота.

Максимус принял из ее рук новый бокал. Небрежно спросил:

— Чего ты тянешь? Что тебя смущает?

Глупо, конечно, прикидываться ханжой. Таня виновато улыбнулась:

— Извините. Глянцевые журналы научили: обязательно должен быть конфетно-букетный период. И еще, — жалобно посмотрела в ледяные глаза, — я из-за Марьяны очень расстраиваюсь. Мы ведь с ней почти дружили. Плюс статья эта глупая взбесила.

— Юлиана у нас любит клеймить и обличать, — усмехнулся он.

— Но нагло врать-то нельзя! — упорствовала Таня. — Превратила девочку в проститутку. А Марьяну мальчики, по-моему, вообще не интересовали.

Взглянула с вызовом.

— Может, ты и права, — легко согласился Максимус.

— Зачем вы поощряете, когда в *вашей* газете бред пишут?

— Свобода слова, — пожал плечами он.

— Вы же император. Можете не позволять.

Холодно улыбнулся:

— Дорогая Татьяна. Скажу тебе честно. Мне глубоко плевать.

— Как вы можете так говорить? — вырвалось у нее.

— А что мне остается? — покачал он головой ангела. — Я давно махнул рукой на своих подданных. Пусть творят, что хотят. Я оказался слишком самонадеян, когда строил свое идеальное общество. Но история неумолима. Из всех, кто покинул цивилизацию, сохранила чистоту только Агафья Лыкова^[22]. Да и то потому, что аскет и жила в отрыве от цивилизации с рождения. А моим избалованным богачам быстро наскучило читать сонеты и играть на лютнях.

— Да нет же! — горячо возразила Татьяна. — Просто нельзя давать им волю! Нельзя пускать массовое сознание на самотек! Вы все правильно

делаете. Боретесь. Меня вот позвали!

Усмехнулся:

— И что? Многих ты отучила от рома?

— Пока никого, — опустила голову она.

— Тогда давай за это выпьем, — рассмеялся властитель.

Таня скосила глаза: брюки в причинном месте абсолютно гладкие. Страсть с его стороны утихла. Да и была ли она?

Ладно. Иногда с великими людьми лучше говорить, чем спать.

И Садовникова снова свернула на старую дорожку:

— Но как вы сами думаете? Кто Марьяну убил?

— Третий вопрос на одну и ту же тему. Сразу напрашивается встречный. Почему это тебя так волнует? — прищурился он. — Получила задание узнать?!

Она дерзко ответила:

— Да хоть бы и получила — толку что? Интернета нет, телефон сдох. С Центром связаться не могу. Может, у Марьяны был... более подходящий возлюбленный? И здесь целый треугольник?

— Брось. Преступления из-за любви — редкость. «Ромео и Джульетта» — чушь, — доверительно произнес он. — Месть и деньги — вот реальные мотивы.

— И кто мог ребенку мстить?

— Не лично ей. Отцу.

— Вы имеете в виду — за смерть мальчика?

— Почему нет? Мне доложили: Василисы вчера весь день не было дома. И в баре ее не видели.

— Василиса — это кто? — уточнила Татьяна.

— Мать того подростка. Кого убил Марьяшкин отец.

— Но ведь женщина спилась. Деградировала. Я сама ее видела — угасает над рюмкой, совсем никакая. И полицейский наш уверял: несчастная мать горазда только угрозы выкрикивать.

— Ради дела всей своей жизни можно однажды взять себя в руки. — Холодные глаза уставились ей в лицо.

Да, действительно.

— Но если это она — что вы будете делать?

— Таня, ты такая смешная! — Он залпом допил «Бакарди». — У нас свободный остров. Предлагаешь мне выволочь бедную женщину на центральную площадь и казнить?

Он властным жестом отсекал ее новый вопрос:

— Все! Хватит уголовных историй.

И вдруг спросил:

— Тебе нравится Марк?

— Какой? — опешила Таня.

— Понятно, — усмехнулся большой босс. — Я ему тоже сказал: не надейся. Татьяна предпочитает состоявшихся, сильных, потрепанных жизнью самцов.

Девушка вспыхнула. Максимус безжалостно продолжал:

— Но ты глупа. Что тебе даст жизнь со мной? Слезы в подушку и билет до Москвы максимум через пару месяцев. Я пресыщен, капризен и крайне неудобен в быту. А Марк станет носить тебя на руках. К тому же он очень богат.

— Вы меня сватать пришли? — разозлилась Татьяна.

В нижней части живота все горело, груди налились. Чего она ломалась?! Хватать надо было, пока Максимус был готов, волочь босса в спальню. А теперь момент упущен.

— Он хороший парень, — пожал плечами большой босс. — Будет жаль, если достанется недалекой хищнице Юлиане. Ты ему куда больше подходишь.

— Можно, я сама буду устраивать свою личную жизнь? — холодно спросила Татьяна.

— Да делай что хочешь, — усмехнулся. — Но Марк — хорошая партия. Поверь моему богатому жизненному опыту.

«Только я этого зануду прибью через пару дней семейной жизни». Однако озвучивать свою мысль Татьяна не стала.

А Максимус вынул из внутреннего кармана и протянул ей незапечатанный конверт:

— Тебе, кстати, письмо.

— Спасибо. — Таня ничем не выдала своей радости.

Положила конверт на столик. Поглубже запахла абсолютно прозрачную тунику. Осознала, насколько глупо выглядит.

Большой человек, кажется, осознал тоже.

Встал, подошел. Равнодушно окинул взглядом практически обнаженную грудь.

Она вновь скосила глаза: его *агрегат* абсолютно спокоен.

И глаза совсем скучными стали.

— Хороших снов, Таня, — спокойно попрощался император.

Звонить, вызывать машину не стал. Царственной поступью вышел в ночь. А она долго смотрела вслед и не осознавала, что стоит на улице голяком.

Что это было? Она упустила свое счастье? Или, наоборот, спаслась?

Фонарь подле ее крыльца мигнул и погас.

«Устыдился», — весело подумала Таня.

И ринулась в дом. Скорее прочесть письмо.

Валерочка оказался краток:

Дорогая Танюшка! Рад, что в целом у тебя все хорошо. А проблемы со связью — обычное дело, когда проводишь время в морях-океанах.

Мы с мамой тоже в порядке. Она к твоему приезду совершенствует рецепты твоих любимых блинчиков, пытается тестировать их на мне. И очень сердится, когда я отказываюсь. Но что поделаешь, пост есть пост. Придет Пасха — отъежусь.

Погода в Москве ужасная, снег, дождь, лед. Недавно вся Тверская превратилась в сплошной каток, «Скорые» не справлялись, около ста человек получили переломы, и даже «Всемирный географ» об этом упомянул.

Надеюсь, ты не скучаешь на своем острове. Кстати, если совсем загрустишь, в твоих краях, я читал, до сих пор полно пиратских сокровищ. Когда станет совсем скучно, можешь отправиться на поиски. Я уверен, они тебя ждут.

Целую, дорогая, пиши и звони при любой возможности.

«Ох ты, елки-иголки!»

Таня отложила письмо. Схватила свой «Бакарди» (в отличие от императора, она почти не пила). Но сейчас осушила залпом. Рома в напиток почти не осталось, лед растаял и пах болотом.

Растянулась в кресле — по-прежнему в неприличной тунике. (Все равно никто не видит, а телу приятно, ветерок с океана обвевает.)

Вот и ответ на ее шифровку.

Но что Валера имеет в виду — Таня пока не поняла.

Что в письме странно?

Во-первых, пост. Да, сейчас действительно Страстная неделя. Но только толстяк и гурман Валерочка сроду не постился. Говорил, что однажды пробовал, но на орехах и кашах разелся еще килограммов на десять, и врачи экспериментировать запретили.

Идем дальше. «Всемирный географ» тоже притянут за уши. Теоретически американский журнал мог написать о катке на Тверской. Почему бы не поерничать над пафосными русскими, которые устелили главную улицу скользкой плиткой без оглядки на климат?

Но только коллапс в столице случился — Таня точно помнила — пару недель назад. А у любого глянцевого журнала производственный цикл —

минимум месяц.

Значит, уже две неправды. Пост и «Всемирный географ». А зачем Валерочка ей советует сокровища искать? И где?!

Таня задумчиво вернулась в дом. Полночь. Остров окончательно погрузился в сон. Сама девушка — после пикировки с великим императором и мозговых усилий по дешифровке — тоже клевала носом.

Может, отставить опасную авантюру? Максимус четко объяснил ей *генеральную линию партии*. Ему плевать. Преступником может быть Хорхе, мать мальчика или кто-то третий. Но дело все равно спустят на тормозах.

Если бы хоть кто-то ей мог помочь!

«Пит бы в эту историю клешнями вцепился!» — стрельнуло вдруг в голову.

И девушка взвизгнула от восторга.

Вот оно!

Вновь схватила письмо. Какой шифр? Два грубейших, чрезвычайно простых намека! Элементарная аналогия. Отъежась в Пасху — остров Пасхи. И «Всемирный географ» — то есть его сотрудник Пит, с которым она познакомилась в самолете. Тане еще тогда показалось: они с юношей оказались в соседних креслах неспроста.

Значит, он — человек Валерочки? Ну ничего себе у отчима знакомцы! Чего раньше скрывал?!

Но в любом случае Таня ничего против подобного связного не имела.

«Только как я попаду на остров Пасхи?!»

Ладно, это дело десятое.

Нужно, пока не поздно, раздобыть улики, а потом обдумывать пути отхода.

Таня бросилась в спальню. Швырнула на пол развратную тунику. Снова натянула черный, под ниндзя, костюм. Укутала волосы банданой. Извлекла из шкафа рюкзачок. И, крадучись, спустилась с крыльца.

* * *

Приемный покой любой больницы — всегда неразбериха, суета. Мигалки, очереди, слезы, кровь.

Но островной госпиталь встретил полным, всепоглощающим молчанием.

Калитка не заперта, парк абсолютно пуст. Фонари почти везде потушены, лишь в нескольких комнатах мерцают лампы дневного света.

«Да есть ли здесь вообще неотложка?»

Таня медленно двинулась вдоль длинного двухэтажного здания. Иногда привставала на цыпочки, заглядывала внутрь.

Пустой кабинет — под потолком подмигивает пожарная сигнализация.

Вылизанная до блеска столовая в лучах ночника.

Ага. «Неотложная помощь» (надпись по-русски) все же имеется. Внутрь, к сожалению, не заглянешь: стекла выкрашены матовой краской. Войти? Озвучить легенду: невыносимо болит живот? Ее осмотрят. Диагноз сразу не поставят — отправят до утра в палату. И дальше твори что хочешь — никакой охраны здесь нет.

«Только весь остров будет знать, что я в больнице. Марк примчится с апельсинами», — о женихе, навязанном шефом, Татьяна подумала с особенным отвращением.

И прошла мимо двери, куда приглашали за неотложной помощью.

Отправилась на второй круг.

Судя по абсолютной тиши первого этажа, здесь только поликлиника. Роддом, палаты — на втором. А морг, интересно, где? В подвале? (Таню передернуло.)

Чтобы не испугаться и не сбежать, стала вспоминать: в пору, когда собиралась в медицинский, она однажды отправилась в мертвецкую. Соседка, студентка-медичка, провела. Всю ночь накануне Садовникову терзали кошмары. Вступала в юдоль скорби на дрожащих ногах. Но оказалось — бояться-то нечего! Трупы на секционных столах почти не походили на людей. Высохшая кожа пергаментом обтянула кости. Лица наглухо завязаны тряпками. А рассматривать внутренности даже интересно оказалось. Старшая подруга подначивала:

— Печень слабо найти? Нет, это селезенка. А печень справа. И она больше гораздо.

Запах царил не слишком приятный, но студенты его будто не замечали. Грызли яблоки, жевали бутерброды.

И с тех пор Таня для себя решила: морг — чепуха.

Почему только сегодня настолько страшно?

Надо найти недавнего знакомого. Эй, Джеф, дорогой мой медбрат! Где ты можешь быть? Дежуришь в приемном покое? Стоишь на стреме в родилке? Или — что скорее всего — сладко спишь где-нибудь в дежурке?

Со второго этажа вдруг раздался взрыв смеха. Таня вжалась в стену. Прислушалась.

Говорят по-английски.

«И эта туша — почти два центнера! — сломала нам гинекологическое

кресло! Христом Богом клянусь!»

Ага. Медики расслабляются.

Таня снова миновала официальный вход и начала дергать остальные двери. (Надписи на разных языках: «No entrar», «No entrance», «Только для персонала».)

Везде оказалось заперто. Но — словно в сказке — последняя дверь поддалась. Таня проскользнула в прохладный коридор. Тьма кромешная, даже на минимальный ночник не расщедрились.

Пришлось доставать фонарик. Детская поликлиника. Педиатр. Окулист. УЗИ. Нет, ей явно не сюда.

Свернула за угол. Стеклопанная дверь услужливо пропустила ее в следующий коридор. Лаборатория. Крошечная, всего из двух комнат. Дальше — кабинеты взрослых врачей. Тоже пустые. А где, интересно, Кикин сидит? Ангела говорила — у него на территории больницы огромные владения.

Если первый этаж — поликлиники плюс неотложка, а второй — стационар и роддом, профессору только подвал остается?

Таня увидела призывные зеленые буквы ВЫХОД и бросилась к ним.

Оказалась на лестнице. На второй этаж подниматься не стала, ринулась вниз. Ага. Вот вход в подвал. Но только дверь здесь куда серьезнее, чем в остальных помещениях. Толстенная, железная. И замок сложный — не чета московским домофонам.

Попробовать через окно? Но окна имелись только на первом этаже, Таня точно помнила.

Без Джефа никак не справиться.

Садовникова прокралась на второй этаж. «Послеродовые палаты. Вход строго в бахилах!» — гласила табличка на двери.

Таня послушно нацепила на каждый мокасина по уродливому голубому пакету. Чем меньше оставишь следов, тем лучше.

Прижимаясь к стене, пошагала по коридору. В палатах посапывали. Рядом почти со всеми взрослыми койками стояли лотки, где лежали младенцы.

Однажды Таня навещала — еще в Москве — родившую подругу. Та жаловалась: ночью вообще никакого покоя. Младенцы орут, мамы травят байки или скулят. А здесь — полная тишина. Только в ординаторской веселятся.

По взрывам смеха Таня легко нашла искомую комнату. Встала рядом. Прислушалась. Классовых предрассудков здесь, похоже, не наблюдалось — грамотная речь врачей то и дело мешалась с деревенским английским

среднего персонала.

Как тебя выманить, Джеф?

И тут из дальней палаты затренькал сигнал тревоги.

Дверь ординаторской мгновенно открылась — к счастью, наружу, и Татьяну никто не заметил.

Зато она прекрасно рассмотрела: седовласый осанистый господин — несомненно, врач. Две молодые девчонки — судя по испуганным глазам, ординаторы. Пухленькая дама — навек застывшая дежурная улыбка на лице сразу выдавала в ней медсестру. И Джеф в халате нараспашку.

— Кто в палате? — на ходу спросил доктор.

— Миссис Гонзалес, — услужливо доложила ординатор. — Роды срочные, вторые, ребенок крупный, пришлось применять эпизиотомию.

— Полагаю, кровотечение открылось, — пропищала вторая ординаторша.

— Скорее, покакать не может, — басом высказалась медсестра.

— Что?! — Девицы дружно на нее уставились.

Седовласый улыбнулся:

— Мне нравится ваша версия, Кристи.

И сразу замедлил шаг.

Маленькая процессия проследовала по коридору. Джеф — Тане снова повезло — притормозил.

— Эй, парень, не вздумай спрятаться! — весело прикрикнул врач. — Я вместо тебя клизму ставить не буду!

— Just a moment, doc. I'll only grab a cigarette^[23], — оправдался афроамериканец.

Юркнул обратно в ординаторскую, а Таня молнией проскочила за ним.

— Ты откуда? — опешил парень.

Она прижала палец к губам. Потом прошептала:

— Мне срочно нужно в морг.

Джеф побледнел:

— С ума сошла?

— Выхода нет. Мне надо. Где мы встретимся?

— Эй, паре-ень! — послышалось из коридора. — Нам нужно су-удно!

— Shit! — его глаза забегали.

— Я все равно не уйду, — предупредила Татьяна.

— Ладно. Или на лестницу. Жди там.

Он кубарем выкатился из ординаторской.

Садовникова выждала, пока процессия скроется в палате, и вернулась на лестничную площадку.

Ждала дико долго. Терзалась: «Испугался? Или вообще решил меня сдать?!»

Но парень явился — минут через двадцать. Озабоченный, сигарета в зубах. Схватил ее за руку, потянул вниз. На ходу шипел в ухо:

— Морг заперт. И там видеокамера. Ничего не получится.

— Тогда насильником объявят Хорхе, — сообщила она.

— А что *ты-то* можешь сделать? — взорвался Джеф.

— Я тебе потом объясню. Ты только проводи меня в морг.

— Не понимаю. Ты хочешь помочь — или подставляешь?

— Подумай сам. Почему я здесь ночью — не днем? И прошу помощи не у мэра, а у тебя?

— Ладно, — задумался Джеф. — Ключ можно стырить у дока. А камеру тряпкой заткнем. Охранник все равно дрыхнет.

Взглянул сурово:

— Но мы будем вместе. И я не спущу с тебя глаз.

— Да я без тебя бы и не пошла, — улыбнулась Татьяна. — Какая девушка решится одна идти ночью в морг?!

— Ты куда угодно пойдешь, — убежденно произнес парень.

Снова велел ей ждать. Опять исчез — едва ли не на час.

Но Таня скоротала время с пользой. Она уже запомнила расположение кабинетов в больнице. Сбегала пока в лабораторию, общарила шкафчики, без труда нашла ящик, где хранились стерильные предметные стекла. Стащила десяток.

Джеф явился. Триумфально вскинул руку с магнитной карточкой. Но в голосе тревога. Предупредил:

— Док заметит — страшный визг поднимет.

— Мы быстро, — заверила Татьяна.

Сбежали на этаж ниже. Джеф приложил пропуск к тяжелой двери. Монитор высветил: «WELCOME, DOCTOR HUDSON!»

— Shit! Они именные? — ахнул парень.

— Все равно уже поздно. — Таня втащила его внутрь.

Она с удивлением разглядывала огромное помещение: пол, стены, потолок выложены кафельной плиткой. Тяжелые металлические двери. Из-за некоторых — странный гул.

Спросила:

— Это у вас морг такой огромный?

— Морг — одна комната, — поморщился Джеф. — Все остальное ваш Кикин захватил. Для опытов. Пошли быстрее.

Пробежали по коридору. Парень с горьким вздохом приложил карточку

к еще одной двери. Здесь тоже поприветствовали доктора Хадсона, и Джеф тоскливо проговорил:

— Все, мне крышка.

— Никто ничего не заметит, — заверила Татьяна. — Давай камеру ослепляй.

Пока Джеф обматывал вездесущий глазок тряпкой, девушка осматривалась.

Знакомый — и поэтому не такой страшный — формалиновый запах. Но никаких, как она ожидала, столов с мертвыми телами.

— А где трупы? — прошептала Таня.

— Вон. Вдоль стен шкафы, — указал Джеф.

Ему (хотя и медик) явно было не по себе.

Таня смело подошла к нижнему ящику, рванула его на себя и взвизгнула.

Внутри лежал младенец. Не плод, именно ребенок. С руками, ногами, милым пухлым животиком. Лицо страдальческое, глаза полуприкрыты.

Джеф до боли вцепился ей в руку. Потрясенно пробормотал:

— Откуда он?!

— Ты лучше д-должен з-знать. — Зубы у Тани стучали.

— Но у нас никто не умирал! Перинатальная смертность ноль! Уже целый год!

— М-может, м-муляж? — дрожащим голосом предположила Таня.

— В морге?

Джеф первым пришел в себя. Профессиональным жестом коснулся сонной артерии младенца, констатировал:

— Это настоящий ребенок. И он мертв. Но трупных пятен почти нет. Получается, умер только сегодня?!

— Джеф, милый! Сейчас не до него, — тоже взяла себя в руки Татьяна.

Резким движением закрыла ящик. Выдвинула следующий. Отшатнулась. Еще один младенец. Но тельце сморщенное, лицо скукожено. Даже не медику видно: погиб раньше. Не меньше недели назад.

— Дьявол! Да что здесь происходит? — У медбрата затряслись губы.

— Джеф. Вот в это нам точно лучше не соваться, — сквозь зубы произнесла Садовникова.

Закрыла ящик. Потянула следующий. И всхлипнула. Потому что теперь прямо ей в глаза бездумно смотрела Марьяна.

«Держаться! А ну, держаться!»

Садовникова отвернулась от лица девушки. Раскрыла свой рюкзак.

Приказала Джефу:

— Раздвинь ей ноги.

Парень отшатнулся.

— Что? Я не смогу.

— Иначе ничего не получится. Делай, Джеф, делай!

Он с видимым неприятием коснулся тела. Доложил:

— Она окоченела давно. Я не смогу. Только сломаю.

— Ну давай, милый, ну как-нибудь! Аккуратно.

Парень потянул бедра девушки в стороны. Раздался неприятный скрип, что-то хрустнуло, потом ноги снова самопроизвольно сомкнулись, но Таня успела увидеть истерзанную, развороченную плоть.

Джеф тоже успел заглянуть. В недоумении выдохнул:

— She was a virgin?!^[24]

— Вот именно, — пробурчала Татьяна. — Все, Джеф. Возьми себя в руки, сделай это еще раз и держи. Мне нужно три минуты.

Парень снова растянул бедра девочки в стороны.

Таня достала фотоаппарат. Быстро сделала несколько снимков. «Я, конечно, не гинеколог, но тут не просто плева порвана. Похоже, полный разрыв промежности. И синяков куча. Марьяшка явно сопротивлялась».

Швырнула камеру обратно в рюкзак. Извлекла коктейльную палочку. Обмотала ее стерильной марлей.

— Это зачем? — Джеф смотрел со страхом.

— Нужно взять мазок. Получить образец спермы.

— Но разве не ясно, чья она?

— Слушай, твой Хорхе был нормальный, добрый и глупый парень, — поморщилась Татьяна. — Разве он стал бы ее насиловать?!

Садовникова не очень представляла, откуда и как берут мазки. Но несколько раз, насколько могла глубоко, погружала свои доморощенные зонды в тело несчастной девочки. Некоторые марли были почти сухими — их она складывала в пакеты с зипперами. Теми, на которых проступали следы жидкостей, — протирала похищенные из лаборатории предметные стекла и тоже убирала их в пакеты.

— Я больше не могу, — наконец взмолился Джеф.

— Еще Хорхе, — безжалостно произнесла Татьяна. — Вдруг это все-таки его сперма? Нам нужен образец для сравнения.

Она сама, как могла, сдвинула несчастной девочке ноги. Поцеловала холодный лоб. И задвинула ящик.

— Его должны были обмыть, — предупредил Джеф. — Ты все равно ничего не найдешь.

— Ничего. Попробуем.

Больше смотреть на мертвых младенцев, к счастью, не пришлось — в следующем выдвижном гробу оказался чилиец. Глаза полуприкрыты, кровь с лица и головы смыта.

«Блин, а как с ним-то быть? Запихивать зонд в его *дружка*?»

Таня решительно взяла в руки холодный и вялый половой орган. Тело Хорхе слегка сдвинулось, голова повернулась набок — и потрясенная Садовникова застыла.

В затылке чилийца красовалась аккуратная дырочка.

— Что это? — в ужасе прошептала девушка.

— Пуля, — со знанием дела отозвался Джеф. — Калибр, кажется, 7,65.

И лишь потом растерянно взглянул на Татьяну:

— Но как это может быть?!

— Черт! — Она схватила фотоаппарат, сфотографировала.

И в этот момент по коридору загрохотали шаги.

А в следующую секунду дверной замок мягко зажужжал.

Таня с Джефом только и успели в рывке достигнуть стола, что находился в углу. Спрятались под ним. Укрытие более чем смешное. Вошедшему только голову повернуть — сразу увидит.

«Мы пропали».

Таня закрыла глаза и вознесла мысленно молитву — Богородице, Христу и всем святым угодникам одновременно. Шаги. Скрежет выдвигаемого ящика.

Татьяна приоткрыла один глаз.

Ба, да это Кикин!

По счастью, он не стал осматриваться — сразу прошел к ящикам с трупами. Открыл самый нижний. Достал мертвого младенца. Таня обе руки прижала ко рту — боялась завопить от ужаса. Джефа — она чувствовала — колотила мелкая дрожь. Кикин стоял от них в паре метров. Даже смотреть не надо — просто почувствуй ее ужас. Или более материальное — терпкий запах пота медбрата.

Но профессор — в ярком морговом свете отлично видно — весь сосредоточился на мертвом ребенке. Бережно, будто добрый папочка, уложил в руки тельце и, не оглядываясь, вышел. Дверь захлопнулась. «Have a good night, doctor Kikin!» — высветилось на дисплее.

— Дьявол. — Джеф промокнул полкой халата мокрый лоб. — Надо линять отсюда.

— Подожди, мне нужна еще сперма!

— К черту! Я не могу! Уходим, сейчас же! — У здорового медбрата

явно сдали нервы.

— Одна минута...

— Нет! Или я сам охрану вызову!

— Ладно-ладно, — решила не спорить Таня.

Улик она и без того раздобыла достаточно.

Даже за половину того, что выведала, убивают без всякой жалости.

* * *

Таня ждала кошмаров, но сон получился беспробудным, сладким. Под утро привиделось: Максимус и она на Бродвее, его рука греет предплечье, вместе спешат на модную постановку. Звенит колокольчик, действие начинается, он ускоряет шаг, она в своих «Джимми Чу» на шпильках начинает отставать, колокольчик звенит громче, объятие Максимуса все жестче, он тянет, почти волочет за собой.

— Я упаду сейчас! — в отчаянии кричит Татьяна.

И просыпается.

Дверной колокольчик-звонок истерит на весь дом. Еще и ногой колотят.

«Все-таки засекли? Пришли *забирать*?»

Отпираться бессмысленно. Образцы лежат в холодильнике.

Дверь сейчас выбьют.

Таня успела взглянуть в зеркало. Ей всегда не нравились криминальные репортажи, когда преступников заставляли и показывали жалкими, бледными. Но она сама (удивительное свойство!) после опасной бессонной ночи выглядела прекрасно. Глаза сверкают, цвет лица приятно-персиковый, и даже волосы (грамотно примялись вчера банданой!) — будто только из парикмахерской.

Накинула халатик. Прошла в коридор. Выдохнула. Отперла замок.

— Ну ты и дрыхнешь! — в дом вихрем ворвалась Анжела.

Пронесло.

Татьяна прислонилась к стене. Штукатурка приятно охладила затылок.

— Ты чего? Напилась, что ли, вчера? — изучающе взглянула подруга.

Отвечать беззаботно, спокойно:

— С ума сошла! Просто читала долго.

— Врешь ты все, — прищурилась художница. — Марку небось *дала*.

Кувыркались всю ночь, теперь отсыпaeшьcя.

— На фиг он мне... — начала Садовникова.

И осеклась.

Как мужчина — ясное дело, он ей не сдался. Но использовать влюбленного — милое дело. Тем более император вчера *товар* нахваливал.

Анжела тем временем продолжала шарить по дому глазами:

— Ври, ври! Два бокальчика на террасе. Губы припухли.

«От страха вчера в морге кусала», — вспомнила Таня.

— Хорошо Марк тебя продрал! Спишь как пожарный. Я и стучу, и кричу, в горле прямо пересохло.

Анжела деловито направилась в кухню, распахнула холодильник:

— Где у тебя тут апельсины? Сока надавлю.

В дверце — черный полиэтиленовый пакет. В нем контейнеры с образцами.

Таня нелюбезно отпихнула подругу:

— Нет у меня апельсинов. Есть тоник со льдом. Будешь?

— Джина добавь.

— Утро еще!

— Брось. Половина первого.

«Да у Анжелки что-то тоже случилось, — наконец догадалась Татьяна. — Шумит, гремит, а губы дрожат».

Таня вспомнила беспомощных мертвых младенцев — и ее передернуло.

Анжела не может не знать об «увлечениях» гражданского мужа.

Райский уголок неумолимо обращался если не в ад, то в его преддверие.

Таня безропотно достала джин.

— Пойдем на террасу?

— Нет, — Анжела отчаянно замотала головой. — Давай здесь. Там услышать могут.

— Кто? До соседей сто метров.

— Все равно тут надежней.

— Прямо мания преследования! — улыбнулась Садовникова. — Вчера таскала в жуткую глушь, сегодня вообще из дома выйти боишься.

— А ты знаешь, что ОН сегодня ночью сказал? — Художница перешла на шепот.

— Кто?

— Конь в пальто! Кикин, кто еще! Пришел поздно, в начале третьего ночи, есть не стал, сразу спать бухнулся. А через полчаса как подскочит!

Закатила глаза, запрокинула голову, забормотала:

— «Какого черта ты ходишь за мной? Чего вынюхиваешь? Да я тебя раздавлю, малолетка!»

Обернувшись к Татьяне, объяснила:

— Это он во сне кричал. А потом меня как толкнет! И заорал: «На, получи!»

Распахнула кофту, приспустила рукав:

— Вон смотри. Синячище остался.

— И что это значит? — осторожно спросила Таня.

— Не знаю, — вздохнула Анжела.

— Человеку просто кошмар приснился.

— Но малолетку-то сегодня хоронят.

Развороченное детское лоно. Виновник — смешной старенький Кикин? Да быть не может. Анжела ошибается. Хотя... зачем ему тогда мертвые младенцы?

Таня вспомнила, как нежно — будто спящего сына — профессор взял крошечный труп.

Плеснула подруге в бокал щедрую порцию джина. Тоник, лед, три дольки лимона.

— Правильный напиток, — оценила Анжела. — А себе?

— Нет. Я буду кофе.

— Ладно, — зловеще усмехнулась художница. — Сейчас я тебе кое-что расскажу — тоже на джин перейдешь.

— Ты только вчера мне говорила: компромат на Кикина — твой личный бизнес.

— То вчера было. — Художница сделала несколько решительных глотков.

— А сегодня что изменилось? Жениться отказался? — не удержалась Татьяна.

— Да боюсь просто! — взывала Анжела. — Я ведь думала — он только экспериментами занимается. Там гадость, все незаконно — но это ладно, смирилась. А если он правда девчонку убил?!

— Зачем?

— Ну... Марьяшка вечно везде вертелась. Всюду нос свой совала... — не слишком уверенно начала Анжела. — Запросто могла что-то пронюхать. И шантажировать его.

«Где там она вертелась? Я ее только в море видела, на серфе. Да и вообще, как девчонка может шантажировать умудренного жизнью профессора?»

Однако высказывать сомнения Татьяна не стала.

Анжела еще больше понизила голос:

— Ладно. Пусть тебе тоже будет страшно. Ты знаешь, что на наш

остров приезжают детей продавать?

Таня немедленно вспомнила беременную на корабле. И встречу с ней на острове спустя пару недель. Медсестры не слишком убедительно объяснили: у женщины послеродовая депрессия.

— Кому продавать?

— Кикину! — Художница залпом осушила бокал. — У него целый бизнес. В Сантьяго сидят два гинеколога на зарплате. И шлют сюда беременных с патологией. Когда плод нежизнеспособен. А иногда и просто, если баба аборт не успела сделать. Предлагают решить одним махом все проблемы. Аборигенки счастливы. Бесплатные роды. Реабилитация. Плюс деньги. Всем по-разному — подход индивидуальный. От десятки до сотни тысяч.

— А куда девают детей?

— Как куда? Вакцину молодильную из них делают, — тяжело вздохнула подруга.

* * *

Как мужчина доктор Кикин Анжелу сроду не волновал.

Когда она переехала на остров десять лет тому как, не сомневалась — найдет себе пару. Да и Максимус уверял: одиноких мужчин здесь — на любой вкус. Ну, Анжела губу и раскатала. Грезил о брутальном шерифе. Или отставном шоумене — хохмаче, «зажигалке».

Одного не учла: бедных на Матуа не было в принципе. А богатым симпатичная вдовушка немного за тридцать оказалась без надобности. Они себе фотомоделек выписывали.

Пришлось снижать планку. Улыбалась старичкам. Даже на мексиканских кобелино поглядывала. Без секса-то совсем сдохнуть можно!

Уже почти решилась прогуляться на дальний пляж с официантом (мозгов ноль, зато фигура божественная).

Но тут вдруг внизу живота начало тянуть. Не сильно, но противно. Анжела в юности застуживала придатки, помнила, какая адская боль, если запустишь, поэтому к доктору побежала немедленно.

— Мне обязательно к женщине! — сказала регистраторше-чилийке.

Та растерянно улыбнулась:

— Но у нас только один гинеколог. Профессор Кикин.

Анжела скривилась.

С Кикиным она познакомилась на театральной премьере и приговор

вынесла немедленно. Жалкая личность. Сутулый, старый. И шаркает. Перед таким даже на кресле ноги раздвинуть противно. Но чего оставалось? Плыть ради врача-женщины в Вальпараисо?

— Давайте к кому есть, — буркнула.

Регистраторша смутилась:

— Но сегодня не получится. У доктора очень плотное расписание. — Зашелестела блокнотиком, выдала: — Вот... только через десять дней время есть.

— Вы что, совсем спятили? — заорала Анжела. — Какие десять дней? А если я сдохну завтра?!

Девушка опустила глаза:

— На «Скорой помощи» есть еще ординатор. Из Мексики.

— Ёпрст! — Анжела шарахнула по стойке кулаком. — К студенту я не пойду. Где ваш Кикин сидит?!

— Профессор сейчас в лаборатории! Его категорически нельзя беспокоить!

Вскочила, дверь в отделение своим телом загородила.

Анжела усмехнулась. Вытащила телефон. Кикин, когда знакомился, вручил ей визитную карточку. Она собиралась выкинуть, но потом решила: аппарат — железка. Все стерпит. И внесла номер в память. Мудро поступила, выходит.

— Евгений Евгеньевич! — заговорила жалобно, едва профессор ответил. — Это Анжела. Я умираю, а меня ваша регистратор к мексиканскому ординатору отправляет.

Доктор примчался немедленно. Еще бы, на премьере слюни пускал, да и потом, если сталкивались, всегда медоточил. Приобнял, повел за собой:

— Анжелочка! Что случилось?

Она слегка сгустила краски. Кикин нахмурился:

— Нужно посмотреться. Немедленно. Пойдете на кресло?

— Что с вами поделаешь, — обреченно улыбнулась.

Разделась. Постаралась принять максимально изящную позу. Но Кикин — истинный, мать его, врач — смотрел только *внутрь*.

Анжела (памятуя студенческий опыт) ждала, что будет больно или, по меньшей мере, неприятно. Однако руки профессора оказались почти неощутимыми. Порхали в ее теле крыльями бабочки. Осторожно, ласково. А потом (случайно или специально?) доктор в сокровенное местечко надавил. Тело мгновенно откликнулось, пациентка не удержалась — вскрикнула. Ничего себе! Впервые в жизни от врачебного осмотра оргазм словила!

— Больно? — встрепенулся Кикин.
— Кошмарно! — Она без сил откинулась в кресле.
— Придется пить антибиотики. — Профессор снял перчатки, вышел из-за ширмы. Приказал: — Одевайтесь.
«Ничего себе старичок!» — восхитилась Анжела.
Босоножки надела. Но трусики натягивать не стала.
А когда вышла из-за ширмы, уселась у врачебного стола нога на ногу, точно как Шарон Стоун в «Основном инстинкте».
— У вас андексит, — приговорил профессор. — Воспаление придатков. Нужно теплее одеваться.
— Но я не умру? — лукаво улыбнулась Анжела.
Он вскинул на нее усталый взор.
Она облизнула губы и поменяла изящным движением ноги. Показала профессору, что готова.
Но сморчок снова склонился к рецепту. И строго произнес:
— Не впечатлили. Я *это* только что видел. К тому же половой жизнью вам жить нельзя. Как минимум две недели.
— Вы издеваетесь? — не выдержала она.
И тут он наконец улыбнулся:
— Ладно. Так и быть. Неделя. А потом я зайду к вам в гости.

* * *

— Вот и началось у меня с этим занудой! — Анжела пила уже второй джин-тоник. — На внешность страшила, и членик-то маленький оказался, но руками такое творил — я на Марс улетала. Особенно сначала, когда старался. Опять же, денег у него куча, и не жмот. Брюлики, Тиффани, что попросишь. Сам тему поднимал: соединить наши одинокие сердца. Я размякла. Ключ от своего дома ему дала. Ужины проворила. Беседы вели. Кикин мне все как на духу про свои разработки рассказывал. Он еще в девяностые, один из первых в России, начал пуповинную кровь, плаценту в косметологии использовать. Ну а здесь, на острове, дело на поток поставил. Для этого, объяснил, и роддом бесплатный организован. Чилийки приезжают, на халяву рожают, подписывают документ, что согласны на утилизацию всего биоматериала после родов. Все пристойно. Хороший бизнес. Вот только кремы Кикина — вот честно — ничем особо не отличались. Не бесполезная, конечно, дешевка за десять рублей. Но и не швейцарский премиум-класс.

— А мне очень нравится, — не согласилась Таня. — Я месяц пользуюсь, и абсолютно явно — лицо моложе.

— Ха! — Анжела потянулась за бутылкой. Налила себе джина. Выпила. Триумфально молвила: — Это все ерунда. Вот если бы ты *трупные* вакцины колола!

— Расскажи ты толком! Младенцев специально убивают, чтобы из них вакцину сделать?

— Нет. Все сложнее, — вздохнула художница. — Тут целая технология. Причем началось все случайно. Смотри. Года два назад приехала одна молодайка рожать. Здоровая такая чилийка, румяная, в теле. Я ее видела. Срок — тридцать восемь недель. Анализы, УЗИ привезла идеальные. Кикин проверять не стал. Только когда схватки начались, выяснилось: ребенок перевернулся. Головой вверх сидит. Плюс тройное обвитие. Кикин, конечно, сразу бабу на кесарево. А она в крик: «Не пойду! У нас в семье позор, если кто сам родить не смог!»

Вопила на всю клинику. Ножницами размахивала, грозилась живот себе вспороть, если ее на операцию. Пока пытались приструнить — потуги начались, резать поздно. Ну и потеряли ребенка.

Баба особо и не страдала. Особенно когда ей компенсацию выдали — тысяч двадцать. Зато Кикин мой весь почернел. Все причитал: я, мол, несостоятельный! Человека погубил! Я еще хихикала про себя. Думала: «Лучше бы из-за члена своего так переживал!»

Но что делать — утешала, как верная женушка. Пледиком укутывала, по головке гладила.

А дня через два наш профессор начал с таким задумчивым-прездумчивым видом ходить. И молчит все время. Я никак понять не могла: ему легче стало? Или, наоборот, в депрессию впал? Беспокоилась за старого козла, реально! — Анжела (изрядно пьяненькая) жახнула кулаком по столу. — А он, гадюка, оказывается, уже тогда свое открытие сделал. Но мне — ни слова. Все в себе держал. И ведь до чего повезло человеку! Люди десятилетиями, в мощнейших лабораториях бьются, чтобы эликсир молодости создать. А этот — случайно смешал два ингредиента! Случайно, ты только прикинь!

Сделала драматическую паузу.

— Быстро рассказывай! — потребовала Татьяна.

— Тебя сейчас стошнит, — предупредила Анжела. — Короче, Кикин мертвецов обычно не касался. У нас на острове вообще патологоанатома нет. Если кому нужно вскрытие — будьте добры в Чили, в цинковом гробу. Этого ребенка, что умер, никто потрошить не думал, хотели просто

похоронить. Но Кикин — исследователь, блин, ученый! — в последний момент решил разобраться. Вдруг дело не в обвитии? И не в предлежании неправильном? Вдруг патология, несовместимая с жизнью? Он тогда, типа, со своей души грех смое. Ну и взялся сам вскрытие делать. А трупы-то в последний раз в мединституте резал. Ну и руку поранил. Я видела — царапину обрабатывает. Злющий как черт. Рассказал мне про трупный яд, что умереть от него можно. Я перепугалась, вокруг ношусь: чаек, аспиринчик, спинку помассировать.

Уснул наконец. Утром вскочил, как всегда, в семь. Пошаркал в ванную. Я так рано не встаю. Накрылась подушкой. Но все равно слышу — он как завопит: «Не может быть! Это чудо!»

Меня прямо подбросило. Бегом в ванную:

— Где чудо?

А этот стоит такой смущенный, в зеркало на себя смотрит, бормочет:

— Прости. Я... я у себя жировик нащупал.

— Да ладно, — возмущаюсь. — Ты ведь про чудо кричал!

— Нет, что ты! — горячо так говорит, убежденно. — Тебе показалось!

Будто я глухая.

Ну, ладно. Я промолчала.

Кикин умчался в клинику. Возвращается, гад, вечером, часов в десять. Сияет, как поднос медный.

Я к нему:

— Чего радуешься?

Он рапортует:

— Я закончил со вскрытием. У ребенка сложный порок сердца оказался. Все равно бы не выжил.

Но по лицу вижу: врет, врет!

И с того дня начал отдаляться. К себе домой больше не звал. Про замуж — ни слова. Или обещает прийти, я сижу, как Марфуша, а он звонит, мол, прости, устал, иду домой спать.

Я из себя выхожу. В клинике болтаюсь. В портфеле у него роюсь. Ничего понять не могу.

И только через месяц заметила. Кикину-то — почти семьдесят. Руки давно старческие. В пигментных пятнах. А тут вдруг чай ему наливаю — и едва не ошпарилась. Лапки стали розовенькие, молодые!

Я к нему:

— Это что такое?

Он покраснел, смутился:

— Новый крем.

— Из чего?

— Да как обычно. Плацента. Только состав другой. Пуповинной крови чуть больше.

Но по лицу вижу: брешет!

А что делать? Не пытаться ведь. Прошу:

— Давай тогда и мне такой крем.

Блеет:

— Н-нет, не могу пока. Еще апробация не прошла.

— Да плевать!

Вроде смирился. Пообещал. Приносит. Я пользуюсь — да, пятна светлеют. Но остаются. Гораздо лучше, но не шедевр. Кожа улучшается. Хотя у него самого — не помолодела, но изменилась. Кардинально.

Ну я девушка упорная. «Нет, — думаю, — Кикин. Я тебя выведу на чистую воду». И настоящую детективную деятельность развела. Но очень долго не получалось. Спасибо, однажды в клинику пришла, а во дворе — чилийка беременная. Живот на нос лезет, а она с папироской, с пивасиком. Ну я и решила ей лекцию прочесть — а она мне так простодушно: «Да у меня ребенок все равно нежизнеспособный!» И рассказала, что предложили ей еще в Вальпараисо не аборт делать, но родить его здесь и оставить. За тридцать тысяч «зеленых».

Ни фига себе, думаю. И вообще спать перестала. За Кикиным бегаю, обеды ему в клинику ношу. Однажды Бог и вознаградил. Благоверный мой забыл свой стол в клинике запереть. Я и прочитала про ноу-хау. Очень простой на самом деле рецепт. В центрифуге смешивают частички печени новорожденного — и собственную кровь человека. Причем группы крови должны обязательно совпадать. Потом препарат стерилизуют. И колют внутривенно. Результат феерический. Кожа полностью обновляется. Молодеет на тридцать лет. Все дефекты, оспины, пигментные пятна исчезают бесследно. Кикин секрет абсолютно случайно узнал. Препарировал тому младенцу печень. Порвал перчатки. Поранился. А утром увидел — рука стала розовой, пигментного пятна нет. Тогда и кричал про чудо. Ужасно?

— Ну... — Таня задумалась. — На самом деле это великое открытие.

— Только Кикин никому им пользоваться не дает. Одному Максимуму. Ты знаешь, что ему пятьдесят два?

— Он говорил. Я не поверила.

— Нет. Именно что пятьдесят два. А выглядит на двадцать восемь. Потому что Кикин раз в неделю к нему с волшебными укольчиками ездит. И ради него детей убивает.

— А при чем здесь Марьяшка? — задумчиво произнесла Таня.

— Ну... это ведь она слухи распускала. Что от клиники какие-то испарения вредные. Народ заволновался, начал компенсацию требовать. А Максимус сказал, что заплатит любые деньги, лишь бы Кикин продолжал снабжать его препаратом.

— Слушай, — Таня взглянула виновато, — но я тоже хочу такой укол!

— Тогда нужен мертвый ребенок. С такой же группой крови, как у тебя. Не смущает?

— Ну... если он все равно нежизнеспособен...

— Нет, Танька! — воскликнула Анжела. — Даже не думай. Я точно не знаю, но вроде Максимус и Кикин договорились — это только их ноу-хау. Максимус моему сморчку столько заплатил, что тот даже не пытается апробацию пройти, патент получить. А может, боится просто. Дело-то не слишком моральное. Он много детей загубил, прежде чем дотумкал, что группа крови должна обязательно совпадать. А однажды попробовал плод двадцати недель — тоже эффекта никакого. Понял: нужен только полностью сформировавшийся ребенок. От тридцати семи недель и больше.

— Слушай, а Кикин знает, что ты знаешь?

— Нет, — отмахнулась Анжела. — Он лопух.

— А Максимус?

— Тоже нет. Ты чего, не видишь, как я умею овечкой прикинуться? — пьяно ухмыльнулась Анжела.

«Но если все, что ты рассказала, правда, ты очень сильно рискуешь», — подумала Татьяна.

Однако пугать подругу не стала. Предложила:

— Хочешь, я тебя баиньки уложу?

Художница зевнула:

— А что? Мысль. Чего-то да... перебрала я, — улыбнулась. — Просплюсь — бегать пойдем.

— Разумеется, — заверила Таня.

* * *

Жаль было тратить время на прихорашивание, но сегодня ей предстояло сражаться женским оружием. Таня сделала маску, уложила волосы, тщательно накрутилась. Открыла шкаф. Брюки не рассматриваются — только что-то очень женственное, но не юное, нет.

Никаких белых девственных нарядов. Надо выглядеть убийственно роковой. Красное платье с кружевами? Пожалуй, слишком вызывающе для дня похорон. Лучше темно-синее, приталенное. А вырез до поры замаскируем шарфиком.

Татьяна заглянула в кабинет. Анжела безмятежно подсунула руку под щеку и улыбалась во сне. По ощущениям — будет приходить в себя еще долго. Но Таня вспомнила присказку отчима: «У пьяного сон короткий». И решила себя обезопасить. Вытащила из холодильника образцы. Засунула в термос. Проложила контейнеры льдом. Все вместе — в термопакет. Флешку с фотографиями завернула в целлофан и поместила туда же. Вынесла во двор, замаскировала в дальнем углу, в тенике, под ворохом полусгнивших пальмовых ветвей.

Сколько — даже на холоде — хранится сперма, Таня точно не знала. Но подозревала — счет идет на дни. А возможно, и на часы. Ей срочно нужно выбираться отсюда.

Проще всего было Марку позвонить. Но вдруг похороны еще не закончились? Молодой человек, несомненно, там. И даже если ответит — романтический разговор в подобной обстановке вряд ли получится.

Ладно. Островок небольшой. А *случайная встреча* — это тактически правильнее.

Каблуками пришлось пожертвовать, но Таня надела очаровательные *чувяки* (привезла недавно из командировки в Казань). Татарская обувь из натуральной кожи очень походила на балетки, только сидела на ноге куда удобнее и выглядела интересней, ярче.

Держим путь в центр. Где, интересно, может быть сейчас Марк? В офисе в день похорон — очень вряд ли. В баре? В кафе?

Но на ловца и зверь бежит — увидела юношу на улице.

Тот стоял рядом с мэром.

Девушка подошла к мужчинам.

— Танюшка! — просиял Марк.

Прежде Таня в корне пресекала его улыбку. Сразу заводила речь о делах или же говорила, что очень спешит.

Но сегодня изобразила искреннюю радость:

— Привет, дорогой.

Марк — впервые услышал от нее доброе слово! — восторженно захлопал глазами.

Мэр — грустный, желчный, в обязательных сандалиях поверх носков — взглянул насмешливо. Предупредил:

— Готовься. Сейчас у тебя попросят. Луну и солнце в придачу.

Таня укоризненно взглянула на градоначальника:

— Это у вас, чиновников, все корыстные. А я Марку хотела предложить вместе кофе выпить.

— Ага, — не сдавался мэр. — А пока пить будете, выклянчишь у него — не знаю, что тебе нужно. Вид на жительство. Собственный дом на острове.

— Не судите о других по себе, — бросился на Танину защиту молодой человек. И удивленно спросил: — Ты правда хочешь выпить со мной кофе?

— Все. Пропал пацан. — Мэр жалостливо взмахнул рукой и поковылял прочь.

А Таня пронзила Марка огнем своих голубых очей:

— Хочу. Мне сегодня так страшно было.

Решится обнять?

Ох, до чего робко! Однако положил руку ей на плечо. Ретиво молвил:

— А чего ты боишься?

— Да просто устала, — взглянула жалобно. — Смерти, похороны. Ветер постоянный. Хочется сменить обстановку. У тебя есть яхта?

Тут даже простодушный Марк насторожился:

— Танюшка, что с тобой, а?

Ну, тут можно многократно использованную заготовку применить.

Вздохнула:

— Знаешь, я привыкла казаться железной. Как в той песне: «Она идет по жизни, смеясь». Время сейчас жесткое: покажешь, что слаб — сразу уничтожат. Но, думаешь, мне легко? Вдали от дома? Все время одной? Сажу на этой горе, ветер воет, никого близких...

— Но я все время пытался стать тебе близким! — Объятие стало крепче.

— Прости, — взглянула виновато. — У меня в голове полно мусора. Ты младше, ты вроде как мой начальник. Я не решалась.

«Что я несу?!»

Однако Марк отвечал абсолютно серьезно:

— Тань, но разве все это помехи для *настоящей любви*?

«Стоп. Не форсировать. А то немедленно в койку потащит».

Она слегка отстранилась. Опустила глаза.

— Я просто долго привыкаю к людям. А сейчас поняла: мне *хочется* провести с тобой время. Пригласи меня в гости.

Марк пошел красными пятнами:

— Ты шутишь?

— Нет. Я действительно хочу посмотреть, как ты живешь.

— Но...
— Или ты против? — улыбнулась лукаво.
— Нет! Конечно, нет!
Ей показалось, что сейчас Марк падет к ее ногам.
Но парень лишь решительно заявил:
— Буду рад. В пять нормально? Я за тобой заеду.

* * *

По пути в свой пряничный домик Садовникова весело улыбалась. Хоть с семинарами выступай. «Как обольстить за десять минут». У нее даже быстрее получилось. Оставалось продумать вторую часть: каким образом удержать молодого-горячего на поводке. Татьяна не стеснялась того, что использует мужчин. Но *спать ради дела* считала примитивом и низостью. Добиться результата через постель умеет любая стерва. Однако Тане куда больше импонировало клише «рыцарь — прекрасная дама». Мужчина должен не в койку тащить, а за честь почитать прикоснуться губами к подолу платья. К тому же чем тяжелее добывается — тем больше ценить будет.

«Ничего. Уклонюсь. Увернусь. А может, Марк себя настолько проявит, что я сама его захочу!»

Она продолжала улыбаться, пока взбегала на крыльцо и доставала ключ.

Однако дверь ей навстречу распахнулась сама.

На пороге стоял бывший полковник полиции Виктор Андреевич. За его спиной маячили двое дружинников. В комнатах, фоном, горько рыдала Анжела.

— Вот и она! — зловеще молвил представитель власти.

Грубо схватил за предплечье, втащил внутрь, приложил лицом к стене, захлопнул дверь. Все — единым, ловким движением.

«Ошиблась я. Он служил. Чиновники так *обрабатывать подозреваемых* не умеют».

Последние сутки шли настолько по-разному — страх, подъем, ужас, радость, — что Таня даже испугаться не успела.

Только постаралась задержать дыхание, когда его вонючий рот приник к ее уху:

— Что ты делала сегодня ночью в больнице?

И руку, гад, выкрутил — больно до слез, что-то хрустнуло.

Извернуться, врезать по яйцам? Но товарищ полковник, похоже, допускал такую возможность — раз с собой дружинников прихватил. Нет, сегодня действуем по-женски.

— Мне больно, — жалобно пискнула Таня.

И услышала топот — на подмогу спешила Анжела. Упала на руки задержавших Татьяну мужчин, завопила:

— Я буду Максимуму звонить! Вы не имеете права!

— Звони, — хрюкнул Виктор Андреевич.

Резко развернул Татьяну к себе лицом — затылок больно стукнулся о стену.

— Какого дьявола ты ночью рыскала по больнице?!

«Что они знают? Кто меня сдал? Если Джеф — отпираться бессмысленно».

— У меня живот заболел! — пролепетала Таня.

Он вцепился обеими руками в ее плечи, прижал к стене, приблизил к ней лицо, обдал гнилым дыханием.

— Когда болит живот, идут в приемный покой! А не шарятся по всем отделениям!

«Похоже, не Джеф, — дихорадочно соображала Таня. — И про морг он не знает».

С кухни явился один из дружинников. Верноподданнически протянул начальнику запечатанный в пластик пустой стерильный контейнер и пару хирургических перчаток:

— Вот. В шкафу нашел.

Таня внутренне возликовала. Вслух возмущенно выкрикнула:

— Какого черта вы роетесь в моих вещах?

Он вдавил ее в холодную стену еще крепче. Прошипел сквозь зубы:

— Садовникова, не играй со мной! Что ты делала ночью в больнице?

И встряхнул — затылок впечатался в стену еще сильнее.

— Ты была ночью в больнице? — удивленно спросила Анжела.

Таня жалобно взглянула сначала на полковника, потом на подругу:

— Да. Пожалуйста, не мучайте меня. Я все расскажу. Я... я хотела в лабораторию профессора Кикина пробраться.

— Куда?! — ахнула Анжела.

— Да уберите ее, черт возьми! — взорвался полицейский.

— Я никуда не пойду! — возвысила голос художница. Завопила — получилось куда более зловеще, чем у бывшего полицейского. — А что тебе надо от моего Кикина?!

— Я... я хотела рецепт эликсира молодости узнать.

— Вот это финт! — Анжела уперла руки в боки. — То есть ты Кикина обокрасть хотела?!

— Я... я только для себя. Для личного пользования.

— Врет! — без тени сомнения приговорила художница. — Спереть думала, гадина, и продать. Чужую идею присвоить. Разбогатеть на нашем труде.

И, благо полицейский стоял к ней спиной, подмигнула.

В глазах полковника промелькнуло сомнение.

Таня забормотала — специально старалась, чтоб получалось бессвязно, как у настоящей блондинки:

— Ну, мне еще любопытно было. Все эти разговоры, что вредные испарения, что местные жители денег требуют. Я думала, вдруг у него какой-нибудь гомункулус в лаборатории...

— Ты идиотка?! — рявкнул Виктор Андреевич.

— Нет, я просто... ну... про меня всегда говорят: «Любопытство кошку сгубило».

— Очень в странное время проснулось твое любопытство, — покачал головой полковник. И повелел своим подданным: — Отвезем ее к Максимусу. Пусть ему свои сказки рассказывает.

— Но что такого, если женщина хочет казаться моложе? — явно переигрывая, выкрикнула Анжела. — Зачем за это наказывать?!

«Покрывает меня, хотя даже не знает, в чем дело», — Таня благодарно взглянула на подругу.

Но как хорошо, что она догадалась спрятать образцы! А островные ищейки вряд ли пойдут перекапывать двор.

На волосатой руке полковника Татьяна увидела часы. Без пяти пять. Ну же, Марк, прекрасный принц! Являйся быстрее! Спасай!

И Всевышний услышал мольбу. Дверной звонок запел радостную мелодию.

— Это Марк, — немедленно сообщила всем Таня.

— Ну, я ведь говорила! — возликовала Анжела.

— Дьявол! — буркнул полицейский.

Рывком отворил дверь, едва не смел с крыльца щуплую фигуру молодого человека.

Марк не смутился букета гербер в своей руке. Сухо спросил полковника:

— Что вы тут делаете?

— Приказ господина Максимуса.

— Пошли. Поговорим, — властно произнес юнец.

Вывел Виктора Андреевича на улицу. Таня потерла затылок. На запястьях — очень кстати — выступили синяки. Будет, что предъявить жирному бюстителю власти.

«Кто, интересно, круче?» — задумалась Садовникова.

Через пару минут выяснилось: круче худосочный, вдвое младший Марк. Он вернулся в дом триумфатором. Полицейский с крайне недовольным видом приказал дружинникам:

— Уходим.

— Я тоже пойду. У меня дела, — поспешно подхватила Анжела.

За спиной юноши погрозила Татьяна: мол, охмуряй кого хочешь, только больше не ври.

Молодой человек с видимой гордостью закрыл за гостями — зваными и незваными — дверь.

«Поцелуем *подола* платья тут явно не обойдется», — забеспокоилась Татьяна.

Однако Марк лишь робко чмокнул ее в щеку и спросил:

— Ты готова?

Вот лопух! Настоящий мужик набросился бы немедленно.

«Так и замечательно, что лопух! Мне проще будет.

Отправить его на террасу подождать, а самой в это время перенести образцы обратно в холодильник? Но если жирный полицейский не успокоился? Явится дом обыскивать, пока меня нет?»

И Таня решила не суетиться.

С видом царицы подала молодому человеку руку. Позволила усадить себя в автомобиль. Капризно спросила:

— А ты заказал что-нибудь вкусненькое на ужин?

— Грузинская кухня тебя устроит?

— Только не в чилийском исполнении.

— У меня повар родом из Тбилиси.

— Да ладно! У тебя свой повар?

— Еще горничная есть, — похвастался молодой человек.

— Плюс огромный особняк, — подвела итог Таня. — Давно надо было спросить, откуда у тебя это? Власть, деньги?

Макс подмигнул:

— Я представитель золотой молодежи. За все платит папа — олигарх.

— Кто именно?

— Top secret.

Может, он все-таки сын Максимуся?

Внешне — ни малейшего сходства. Главный босс — накачанный атлет,

Марк — худосочная немочь. У властителя острова правильные римские черты лица. Его юный помощник — курносый, пухлогубый.

Но мало ли?

— А твое отчество случайно не Максимович?

— Напекаешь на Максимуса? — не растерялся Марк.

— Не намекаю. Впрямую спрашиваю.

— Конечно нет, Таня. Наш общий начальник — одинокий волк. Ему не нужны ни жены, ни дети. — В голосе юноши ей послышались грустные нотки.

Сегодня Марк вел машину сам. Таня сидела рядом и ждала: вот сейчас положит руку ей на колено. Обнимет. Скажет флигельность. Но парень выглядел, словно у него впереди не романтическое свидание, а экзамен. «Может, он вообще еще девственник — несмотря на все свои миллионы?» — развеселилась Садовникова.

Автомобиль спустился к пляжу. Первая линия особняков. Ангела однажды показала ей логово Марка, но дом стоял в отдалении, и толком разглядеть его из-за высоченного, под четыре метра, забора у Тани не получилось.

Зато сейчас кованые ворота услужливо распахнулись, и девушка ахнула. Ничего себе малец устроился! В Беверли-Хиллз жилища и то скромнее. Зачем одинокому волчонку три этажа?!

— Марк, куда тебе такой домище? — не удержалась Татьяна.

— Люблю, когда все рядом. Бассейн, кинотеатр, бильярд, фитнес-зал, — с достоинством отозвался юнец.

— А где твой кабинет? — произнесла, внутренне замирая, Таня.

Подвоха он не почуял:

— В левом крыле. На втором этаже.

Поднялись по мраморным ступеням. Вступили в дом. Что за контраст с ее скворечником! Все здесь было роскошно, избыточно, чересчур. Дубовый паркет, бархатные портьеры, пуфы, козетки, картины в золоченых рамах.

«Наверняка и система безопасности какая-нибудь дорогушая, навороченная, — тоскливо подумала Татьяна. — Зря я все это затеяла. Не получится ничего».

Стол в гостиной (персон на двадцать) был пока не накрыт. Но Марк с удовольствием анонсировал:

— На закуску — лобио, баклажанчики с ореховой пастой и сациви. На горячее — шашлык и хинкали. Вино, прости, только «Киндзмараули» и «Саперави». Зато хачапури трех видов. «Лодочка» с яйцом, слоеные и

обычные.

— Марк! Когда ты — то есть твой повар — все успел? Или у тебя каждый вечер такое застолье?

Слегка смутился. Отвечать не стал. Спросил:

— Что будешь на аперитив?

— Давай «Мохито», — рассеянно отозвалась Таня.

И впервые забеспокоилась. Она-то думала, что *использует* наивного теленка. Но не исключено, что у парня собственная игра. И он только обрадовался, когда Татьяна сама бросилась в западню.

Уселись за стол церемонно — друг напротив друга.

— Ну, где твои баклажанчики и остальные вкусняшки? — нарочито беззаботным тоном потребовала Татьяна.

— Чуть позже. Давай пока выпьем коктейль.

Позвонил в золоченый колокольчик, пригласил прислугу, распорядился:

— Сделайте нам два «Мохито».

— А как быть с ужином? — подняла брови женщина.

— Как договаривались, — сухо ответил Марк.

Когда дверь за служительницей закрылась, внимательно взглянул на Татьяну:

— Хочу задать тебе один вопрос.

«Любишь ли ты меня?»

Девушка приготовилась импровизировать.

Но не увидела в его глазах ни намека на любовные искры. Второй подряд фригидный Максимус. Что за мужики пошли?!

— Я тебя слушаю. — Таня, по всем законам кокетства, быстро стрельнула взглядом в угол, на нос, на предмет.

Марк глубоко вздохнул — и выпалил:

— Ты поняла, зачем мы тебя сюда позвали?

— Что?

Дверь в столовую отворилась. Женщина подала коктейли. На Таню взглянула с сочувствием — или показалось?

— Ты поняла, зачем тебя позвали на Матуа? — повторил он, когда прислуга покинула комнату.

«Я считала тебя лопушком. Но пока выходит, что дурочка я», — быстро подумала Татьяна. И осторожно произнесла:

— Знаю только то, что написано в моем контракте.

Марк насмешливо сказал:

— Неужели ты правда думаешь, что мы платим полмиллиона за твои

забеги, конкурсы и доски почета?

«Эй, парень! Давай мы лучше будем говорить о любви!» — в отчаянии подумала девушка.

А он продолжал напирать:

— Ты в рейтинге ста самых умных женщин Москвы. И до сих пор не догадалась, чем мы заняты *на самом деле*?

Таня вспыхнула:

— Почему ты говоришь со мной таким тоном?!

— Потому что мне некогда рассусоливать. Время давно пришло. Ты нам нужна для реальных дел. И я хочу знать, понимаешь ли ты ситуацию. В курсе ли того, что здесь делаем мы с Юлианой? Или тебе все разжевывать нужно?

Таня думала, ей следует закрыть глаза и ничего не видеть. Но, оказывается, наоборот, ей следовало побыстрее догадаться.

Она осторожно сказала:

— Я могу ошибиться — доступа к Интернету у меня нет. Но мне показалось, что вы отрабатываете специальную технологию. Я читала про нее раньше. Кажется, она называется Окно Овертона.

— И какова наша цель?

— «Мне девять лет, и я в разводе». «Ромео и Джульетта». Все эти статьи. Митинги протеста — нарочито несерьезные. Общественное сознание изменено. Народ подогрет. Подготовительный этап завершен. Следующим шагом должен быть референдум. Вы ведете к тому, чтобы люди — сами! — захотели принять закон.

— Какой?

— Любви все возрасты покорны. И ждать восемнадцати просто глупо.

— Молодец, — улыбнулся. — Пятерка.

Таня ухмыльнулась:

— Выдашь повышенную стипендию?

— Нет. Для начала возьму тебя в дело. Премия — огромная! — будет позже.

— Вы хотите, чтобы я во всем этом тоже участвовала? — уточнила Татьяна.

— Да. Я специалист в области политических технологий. Юлиана — пиарщик. Но нашей команде явно не хватает хорошего рекламиста.

— Ты считаешь, я соглашусь рекламировать педофилию? — поинтересовалась Садовникова.

— Во-первых, такого слова нет. Есть *эфебофилия*.

— Ну да. Один из постулатов Овертона: нужно обязательно придумать

красивый эвфемизм.

— А во-вторых, — бесстрастно продолжал Марк, — выхода у тебя нет. Увидел, как изменилось Танино лицо, и небрежно добавил:

— Ты, конечно, можешь заплатить штраф за досрочное расторжение контракта и улететь домой. Но я читал твой психологический профиль и думаю, что ты не откажешься принять участие в абсолютно новом, уникальном, удивительном по своим возможностям проекте. Матуа — идеальная площадка, чтобы обкатать технологию. А дальше — весь мир будет у наших ног!

Таня молчала. Марк горячо продолжал:

— Педофилия — мерзость, никто не спорит. Мы тоже резко против насилия над детьми. Против секса с младенцами. Но что делать, если приходит любовь? Красивая и роковая, как у Ромео с Джульеттой?

— Слушай, — поморщилась она, — я не электорат. Не надо пудрить мне мозг.

— Хорошо, — легко согласился он. — Ты насторожена потому, что не знаешь подоплеки. Я тебе о ней расскажу.

* * *

За двадцать пять лет до описываемых событий

В ее классе почти все девочки мечтали побыстрее вырасти и стать проститутками. А Лена плакала над Диккенсом и Гюго, подклеивала в альбом репродукции художников из «Огонька» и ходила в музыкальную школу.

Отцовский НИИ погибал. Зарплату задерживали по полгода. Мать крутилась на двух работах, а вечером, когда магазины закрывались, стояла у метро. Продавала хлеб, конфеты и пиво. Леночкина музыкальная школа подорожала, но родители из последних сил изыскивали средства.

Три раза в неделю Лена сама (сопровождать было некому) доходила до метро «Выхино» (станцию все называли по-старому — «Ждановская») и ехала до «Площади Ногина» — то есть, простите, теперь «Китай-город». Поднималась по эскалатору, выходила на Маросейку (бывшую улицу Богдана Хмельницкого), обязательно совала нос в булочную — пахнет ли теплым хлебом? Иногда (все реже и реже) ей удавалось заполучить любимое лакомство — горячий, с вкусно-твердой ручкой, калач. Потом девочка садилась на троллейбус, ехала три остановки. Переходила дорогу, ныряла во дворы. И оказывалась — в прошлом.

Музыкалку ветер перемен миновал. Гардеробщица по-прежнему читала «Правду» и говорила «товарищи дети». Никто не болтал про Пуго, Ельцина, талоны на сигареты и зверства Сталина. Да, некоторые преподаватели упорхнули — открывать совместные предприятия или играть таперами в кооперативных ресторанах, зато остался самый крепкий и лучший костяк. Те, кто понимал: этюды Черни и сонатины Клементи — вне времени.

Педагог по музлитературе (всегда небогатая) теперь приходила в некрасиво заштопанных колготках, но по-прежнему вдохновенно защищала Сальери. Хор с удовольствием отставил хит прежних лет «С нами Бауман, пламенный Бауман» и разучивал «Аве Марию» Баха — Гуно. За диктанты по сольфеджио, как и раньше, нещадно ставили двойки.

А Леночкин педагог по специальности не стеснялся врезать линейкой по рукам, когда считал, что ученица халтурит.

Когда она обиженно вскидывала глаза, он усмехался:

— Можешь в милицию пойти, заявление на меня написать. Теперь это модно.

— Что вы, я ведь правда играла плохо! — лепетала девочка.

И начинала сначала, вкладывала в черно-белые клавиши душу, сердце, все силы.

Труд и талант брали свое. Все чаще Лене казалось — не она сама, но Всевышний движет ее руками.

По акустике старое здание — не чета новодельным концертным залам. Затихала музыка, но ее отзвуки еще долго витали под сводчатыми потолками.

Педагог дожидался полной тишины. Медленно хлопал в ладоши. Потом грустно вздыхал:

— Только дальше тебе куда, Лена? Оркестры разваливаются. Гастролировать негде — народ вместо Шопена на «Зловещих мертвецов» ходит.

— Ничего, — упрямо отвечала девочка. — Я для себя играть буду. И для вас.

Тогда учитель обнимал ее, утыкался носом в волосы, шептал:

— Как я хочу тебе помочь!

А Лена страшно стеснялась. Того, что юбка у нее стала короткая — из всех повыврасталась. Что еле видные пупырышки груди налились соком. И что ей приятны его сильные руки. А когда учитель случайно касался бедра, по телу бежали странные теплые волны.

Он отталкивал ее. Бормотал, словно про себя:

— Нет. Нельзя.

Как-то раз педагог пригласил ее в консерваторию. Концерт был днем, поэтому Лене даже у родителей отпрашиваться не пришлось. Слушали «Времена года» Вивальди, потом шли по Большой Никитской (возможно, тогда она еще называлась улицей Герцена). Обсуждали оркестры — какому из них удалось сделать любимый обоими «Июнь» наиболее ярким.

Квартира учителя располагалась совсем рядом, в Среднем Кисловском переулке. И они оба намеревались просто послушать там редкую запись «Времен года» в исполнении Берлинского симфонического оркестра.

То, что произошло дальше, для него стало наваждением, мороком. А для Лены — первой, единственной и огромной любовью.

— Сколько ей было лет? — перебила Татьяна.

— Двенадцать. Как Джульетте.

— А ему?

— Двадцать семь. Это была не страсть старика-педофила к маленькой девочке. Это была настоящая любовь, Танечка.

Садовникова хотела поспорить. Но вспомнила, как в седьмом классе сама вздыхала по красавцу — учителю математики. Конечно, ей в голову не приходило затаскивать своего кумира в постель. Однако эротические картины воображение рисовало услужливо. И если бы предмет воздыханий сам проявил инициативу — кто знает.

Поэтому Таня просто спросила:

— Что было дальше?

— Дальше он твердо сказал, что больше ничего и никогда между ними не будет. Лена плакала, звонила ему домой, караулила у подъезда. Учитель был непреклонен. Говорил одно: если ученица не передумает сама, они смогут общаться только тогда, когда ей исполнится шестнадцать. Не раньше.

Скорее всего, она бы успокоилась. Но учитель музыки не хранил в своей аптечке средства защиты. Оказалось, что Леночка забеременела. Когда поняла, что с ней случилось, поступила по-своему. Тоже была упрямой. Обо всем рассказала родителям и заявила, что ребенка она оставляет. Учитель не успел с ней даже поговорить.

— Понятно. Интеллигентного музыканта бросили в КПЗ, — догадалась Татьяна.

— Нет, — грустно произнес Марк. — Ты удивишься, но Леночкины родители оказались мудрыми людьми. Они поняли свою дочь. И приняли разумнейшее решение: до поры отправить девочку за границу. А потом выдать родившегося ребенка за своего. За брата или сестру старшей

дочери.

Но жизнь в те времена была куда сложнее, чем сейчас. Заграничные паспорта только начали свободно выдавать всем желающим, в ОВИРы выстраивались огромные очереди. Учитель был обеспеченным человеком и использовал все свои связи, чтобы ускорить процесс. Но все равно не успел. На седьмой неделе у Лены началось кровотечение, ее по «Скорой» забрали в больницу. Оттуда сообщили в милицию. И началось. Беременной нужен был полный покой, но ее бесконечно терзали вопросами. Главный был: «Кто отец?» Однако девочка, как и ее родители, молчала. Тогда милиция слила историю борзописцам — бульварная журналистика была в те годы в большом почете.

Лена не знала, куда деться. Загранпаспорт сделали, но беременность из-за постоянной нервозности протекала тяжело. Ей запрещали даже вставать с постели, какой там перелет! Она продолжала оставаться на сохранении, и все это время под окнами дежурили журналисты. Надеялись подкараулить отца или выведать у девочки его имя.

— Я начинаю вспоминать, — наморщила лоб Татьяна. — Об этой истории много писали. Давно. Там что-то все очень грустно кончилось...

— Да, — вздохнул Марк. — Роды произошли на седьмом месяце и вызвали новый виток ажиотажа. Вдруг отец все-таки навестит? На кого будет похож ребенок? Журналисты переодевались в белые халаты, прокрадывались в палату. Предлагали деньги. Пытались сфотографировать младенца. Лена чувствовала себя с каждым днем все более подавленной. И однажды девочка не выдержала. Ее палата располагалась на шестом этаже, окна открывались свободно — это только сейчас их стали запирать накрепко. Лена написала в записке, что больше не может. И... все.

Марк замолк.

— А с кем остался младенец? — нетерпеливо спросила Татьяна.

Он смотрел на нее невидящими глазами и не произносил ни слова.

— Марк, ты слышишь меня? — Девушка перегнулась через стол. Потеребила его за рукав.

Он мягко отвел ее руку. Улыбнулся печально и жалко.

— Я очень люблю «Июнь» Антонио Вивальди.

— Что?!

— Лена была моей мамой.

— А кто отец?

— Ты его давно заподозрила. Зря я пытался тебя обманывать. Мой отец — это Максимус.

— Ты шутишь!

— Зачем?

— Нет, — Таня совсем растерялась, — я никогда не поверю! Максимус. Жесткий. Уверенный в себе. Как он мог быть учителем в музыкальной школе?

— У отца три высших образования. В том числе Московская консерватория. Но он не собирался связывать себя с искусством. Работа в музыкальной школе была мимолетной блажью. Протестом. Родители переборщили. Слишком сильно напирали, слишком упорно тянули в бизнес.

— И что было дальше?

— Отец очень страдал, ведь он даже на похороны не попал, на кладбище не мог сходить — у маминой могилы продолжали дежурить журналисты. Тосковал, искал любые пути, чтобы забыться. И империю свою начал строить именно тогда. Чтобы не сойти с ума от отчаяния.

«Сказка, — пронеслось у Татьяны. — Но бывают ли они в наше время?»

Только бесполезно — прямо сейчас, в лоб, — докапываться до истины. Тактически грамотнее по-женски посочувствовать и сделать вид, что ты поверила, прониклась и умилилась.

Таня попросила:

— Расскажи про свое детство.

— Детство? — взглянул непонимающе.

— Ты у бабушки с дедушкой жил?

— С чего ты взяла? — искренне удивился. — С отцом и нянями.

— Но почему?

— Папиным родителям было не до меня, — произнес Марк. — У них серьезный бизнес.

— А маминым?

— Отец сразу увез меня за границу. Они остались в России.

— Где ты учился?

— Школа в Англии. Потом Стэнфорд.

— Какой факультет?

— Гуманитарных и естественных наук. Специализация — политология.

— Кто посоветовал?

Марк улыбнулся:

— Я сам. Папа, разумеется, гнал на МВА.

— И Овертона применить ты тоже сам решил, — хмыкнула Таня.

— Ну да. Я про эту технологию еще на первом курсе прочитал, и меня

она сразу торкнула. Тем более у отца тогда уже был Матуа — идеальная площадка, чтобы протестировать. По науке добиться результата можно минимум за год. Мы с Юлианой начали три месяца назад. И, по-моему, перевыполняем план. Клиенты уже созрели. Можно выходить на референдум.

— Да, смерть Марьяшки вас отлично продвинула, — не удержалась Татьяна. И уколола: — Хотя Овертон, насколько я помню, про убийства ничего не писал.

— О чем ты говоришь, Таня?! Какое убийство? — отмахнулся Марк. — Просто печальный инцидент. Но он — не скрою — был нам очень на руку.

«Черта с два я поверю в случайные совпадения!»

Но спорить опять не стала.

Девушка лихорадочно соображала, что ей делать. Встать в позу, потребовать, чтобы ее немедленно отправили в Москву? Но обычно тех, кто много знает, так просто не отпускают. Убивать, может, не станут, но подгадят, это несомненно. Репутацию испортят. А если она решит уезжать, обязательно напоследок обыщут. Найдут образцы. И тогда вообще караул. Так что по всему выходило: самое разумное — принять предложение Марка. А предметные стекла и флешку с фотографиями из морга любой ценой, срочно передать на Большую землю.

Марк взглянул на часы:

— Без пятнадцати шесть. Скоро придут Максимус и Юлиана. Я должен сообщить им о твоём решении.

Таня обиженно надула губки:

— Слушай, это все так неожиданно! Вообще-то я от сегодняшнего вечера совсем другого ждала.

— Я тоже не собирался говорить с тобой именно сейчас, — улыбнулся Марк. — Но коли ты сама проявила инициативу, решил не упускать момента.

— Кстати, Максимус знает, что ты мне все рассказал?

Юноша слегка смутился:

— Я поговорю с ним перед ужином.

«Ах, это твоя самодеятельность! Но что скажет босс?»

— Таня, решайся! — поторопил Марк. — Ты с нами?

— Да.

— Отлично! — Он просиял. — Тогда позволь тебя ненадолго оставить. Будешь еще «Мохито»?

— Спасибо, нет. Где у тебя удобства?

— Пойдем.

Вывел из столовой, провел по обшитому дубовыми панелями коридору. Ванная комната оказалась прямо под лестницей. Таня закрыла за собой дверь, прижалась к ней ухом. Шаги Марка быстро удалились. Она выглянула — в холле никого. Видеокамер — по крайней мере, явных — тоже не заметила. И пулей рванула наверх.

Второй этаж. От лестницы — несколько лучей-коридоров. Какой из них ведет в левое крыло? Размышлять топографически некогда. Проще положиться на интуицию. Таня заглянула за одну из дверей: ряд удобнейших кресел, белый экран. Следующая комната — царство книг и кожаный диван посередине. Кабинет, видимо, где-то рядом.

Таня весь вечер изучала Марка. Одет, как положено на юге: льняные брюки, рубашка с короткими рукавами. Никакой борсетки или портфеля нет. Ладно, «права» и техпаспорт на машину ему не нужны, деньги тоже — элиту на острове наверняка обслуживают бесплатно или под честное слово. Но где малец держит телефон? В карман брюк можно, конечно, засунуть мобильник. Но хороший спутниковый — это всегда изрядная бандура. Таня не сомневалась: гаджет у Марка имеется. И, скорее всего, хранит он его здесь, дома.

В третьей по счету комнате девушке повезло. Снова книги, зачем-то чучело медведя, дубовый стол, на нем — огромный компьютер. А рядом, на подставке, — дорогуший «Иридиум Экстрим».

Таня схватила трубку, дрожащими руками набрала номер. Гудки. Один, второй, третий. На пятом включился автоответчик. По коридору прошумели шаги. Садовникова вместе с телефоном бросилась под стол, замерла. Счастье. Прошли мимо. Снова набрала номер. И опять трубку не сняли.

Общаться с автоответчиком? Надежда, что владелец мобильного его прослушает, невелика. Сама Таня этого никогда не делала.

Но что оставалось?

Девушка в отчаянии выкрикнула:

— Привет, срочно приезжай! Мой адрес — Пальмовая, дом 70. Маленький дом на самой горе. В саду груда пальмовых листьев. Найдешь под ними термопакет и...

— Время для записи вашего сообщения закончилось, — издевательски сообщил голос женщины-робота.

Ничего не добилась, только подставилась. Пусть видеокамеры ее не засекли, но Таня прежде никогда не пользовалась спутниковой связью, поэтому понятия не имела, как теперь удалить набранный номер из памяти

телефона.

Можно попытаться понять, но времени у нее не было. Оставалось лишь надеяться, что Марк ничего не заметит.

Таня вернула аппарат на подставку. Бесшумно сбежала вниз. Неторопливо вошла в столовую. Здесь царила суэта. Затянутая в униформу женщина раскладывала приборы, мужчина — весь в белом, словно хирург, — одно за другим снимал с руки блюда с яствами.

Дама хмуро взглянула на Таню, сообщила:

— Господин Марк вас искал.

— Я заблудилась. — Садовникова срочно «включила блондинку».

— Терраса — строго прямо, — женщина указала направление. Саркастически добавила: — Никуда не сворачивайте. Тогда не потеряетесь.

Садовникова послушно двинулась в указанном направлении. Вышла из столовой, сразу увидела: окно от пола до потолка, стеклянная дверь, за ней — плетеные кресла. Максимус и Марк сидели лицом друг к другу. И, кажется, горячо спорили.

Таня осторожно постучала.

Оба повернулись. Марк выглядел растерянным. Максимус — прекрасным и бесстрастным, как всегда. Небрежно махнул — мол, проходи. Едва Таня ступила на террасу, холодно улыбнулся. Утруждать себя приветствием не стал, присесть не предложил. С ходу начал:

— Я не считаю, что ты вольешься в нашу команду. Но Марк все решил за меня... Подведешь ты — пострадает он.

— Э... я сделаю все, что смогу, — а что еще отвечать?

Максимус, по-прежнему безо всяких эмоций, продолжил:

— Меня убедили использовать твои мозги. Но никто не заставит меня тебе доверять. Можешь работать. Но из этого дома ты не выйдешь. И знай: за тобой внимательно наблюдают.

— Я не поняла...

— Ты под арестом. Теперь ясно?

— Но почему? — захлопала глазами Татьяна.

— Потому что я не верю в твои байки. Что ты делала в больнице?

— Искала крем.

— Врешь. Ты была в морге. Зачем?

— Просто дверью ошиблась.

— Бред. Там кодовый замок. Кто тебе помогал?

— Никто, — твердо произнесла она. — Я сама.

Максимус обернулся к сыну:

— Принеси утюг. Или паяльник.

Марк просительно произнес:

— Таня, пожалуйста, скажи нам правду!

«Думай. Выкручивайся!»

Садовникова с вызовом взглянула боссу в лицо:

— Я скажу, почему была именно в морге. Я узнала про мертвых младенцев и решила проверить, правда ли это.

Ей показалось, в его холодных (как у трупа) глазах промелькнуло облегчение. А Марк укоризненно произнес:

— Таня, но мы еще в Москве обсуждали твой контракт. В нем есть пункт семь-один-один, который...

— Да помню я все! — перебила она. — В чужие дела не лезть, иначе смертная казнь. Но я никуда и не лезу! Я просто хочу быть молодой, как вы, господин Максимус!

— Но она и так выглядит прекрасно! — Марк обернулся к отцу, явно ища его ободрения.

Максимус промолчал.

Вот сволочь!

— Думаете, я сдамся?! — продолжала выступать Таня. — Весь мир бьется над эликсиром молодости, а я не могу им пользоваться, хотя нахожусь от него в двух шагах?!

— Но им пока нельзя пользоваться! — Марк прижал ладони к груди. — Еще даже клинических испытаний не было. Господин Максимус (папой его не назвал) действует на свой страх и риск. И вовсе не ради внешности, я тебя уверяю.

— А зачем тогда?

— Кто-то должен быть первооткрывателем. Кикин — тот на себе тестировать испугался. Мне по возрасту рано. А посторонними людьми мы рисковать не можем.

Таня не сомневалась ни секунды:

— Я готова.

— Нет. Технология не опробована. И я тебя очень прошу — от имени господина Максимуса и от своего тоже — забудь про это!

— Послушайте, господа. У вас есть мой психологический профиль. Неужели не понимаете? Хоть под десять замков меня посади, но я эликсир все равно достану! — упрямо произнесла Таня.

— Достанешь. Но не раньше, чем мы получим хотя бы предварительное одобрение Минздрава.

— Значит, я его украду.

— Ну все, хватит! — вмешался большой босс. Насмешливо взглянул

на Садовникову. — Если от тебя будет толк, я тебе лично сделаю первую инъекцию. Но сейчас давайте вернемся к проекту. Где Юлиана?

Он взглянул на часы:

— Должна быть здесь. Ужин назначен на половину седьмого.

— Тогда пойдемте есть. А после займемся работой.

* * *

Возможно, Максимус и поверил в ее оправдания. Но отменять домашний арест не стал. Девушке выделили в доме Марка огромную спальню с видом на океан. Все ее вещи аккуратно сложили в чемодан и доставили на следующий день. Никакой связи с внешним миром по-прежнему не было. Доходило до смешного: чтобы посмотреть какую-то мелочь в Интернете, приходилось обращаться к Марку. Ее собственный лэптоп вообще не привезли — выдали другой, к Сети не подключенный.

Таня опасалась, что здесь — на собственной территории — молодой хозяин ее достанет своими поползновениями.

Но бедняга Марк, похоже, сам был не рад, что заварил кашу. От отца ему, видно, влетело крепко. Юлиана тоже не переставала беситься. Укалывать. Ревновать. Каждое утро, когда команда собиралась в гостиной, она демонстративно обнимала, целовала, холила паренька. Всем своим видом показывала: «Не трожь! Мое!»

Хотя любовью, считала Таня, здесь и не пахнет. Пиарщица просто нацелилась на молодого, красивого, богатого. И считала Садовникову конкуренткой.

«Из принципа, что ли, с Марком переспать?»

Но то ли Максимус посеял в сыне зерна сомнения, то ли Юлиана многократно усилила обольщение. Дверь в свою спальню Татьяна не запирала, однако Марк ни разу не попытался войти. И о любви, когда оставались наедине, больше не говорил. Однажды Садовникова сама решила проявить инициативу. После того как разошлись по спальням, отправилась бродить по дому. Заглядывала во все комнаты. Обратила внимание, что спутниковый телефон из кабинета убрали. Но до логова Марка не добралась. Вышла горничная и хмуро велела «не топотать, потому что хозяин уже отдыхает».

Парень и правда работал на износ.

Команда обычно встречалась в девять утра (для Матуа — несусветная рань). Заканчивали всегда не раньше полуночи. Таня падала в постель и

мгновенно засыпала. Но Марк, похоже, и ночами работал. Потому что на следующий день всегда сыпал свежими примерами и новыми идеями.

Таня по-прежнему считала (про себя): они собираются сделать большую подлость. Но, как говорил Леонардо да Винчи, «природа так обо всем позаботилась, что повсюду ты находишь, чему учиться». Она прежде не занималась ни политическими технологиями, ни пиаром и теперь жадно перенимала у Марка с Юлианой опыт.

Да и реально было любопытно, удастся ли убедить несколько тысяч взрослых, разумных, самодостаточных людей в явной глупости.

Референдум решили проводить на следующей неделе, в субботу. Мощную пиар-поддержку обеспечили уже давно и теперь напрямую работали с теми, кто может сорвать спектакль.

Опрос общественного мнения выявил двести семьдесят тех, кто «категорически не одобрял», и для каждого приходилось изобретать конфетку или угрозу. Команда разделилась. Таня с Марком придумывали отличные пряники. Максимусу и Юлиане больше нравился кнут.

Об анонимности на маленьком острове речи не шло, поэтому действовали нагло, в лоб.

Ирина Борисовна Кривцова — 2000 долларов наличными?

Анастасия Евгеньевна Ермолина — дочь учится в США, регулярно принимает наркотики. Сообщить в миграционную службу?

Вадим Константинович Ломакин — оплатить уик-энд в Чили?

Николай Леонтьевич Цапенко — сын остался в России, работает в налоговой полиции. Пригрозить, что подставим на взятке? (От шести лет лишения свободы плюс огромный штраф.)

— Но абсолютно всем рот заткнуть не получится, — высказала свое мнение Татьяна.

— Единогласно — это по нашим законам всего лишь девяносто процентов, — пожал плечами Марк. — Пусть отщепенцы каркают. Помешать не смогут. Они безусловное меньшинство.

— Но бурю может поднять и один человек! — упорствовала Таня. — Обратиться к толпе с харизмой Навального: «Люди, что вы творите?» И задумается народ.

— Никто не рискнет идти против всех, — безапелляционно заявила Юлиана.

— Смельчаки или дураки находятся всегда, — стояла на своем Садовникова.

— У нас такого не будет, — заверила Юлиана.

Но Максимус взглянул цепко:

— Татьяна, ты предлагаешь что-то конкретное?

— Да. В этот раз не пряник — кнут. Я так понимаю, особо несогласных может быть человек десять. От силы. Их надо просто изолировать. Насильственно. А на случай, если вдруг кто-то из них обойдет препоны, держать наготове специальную команду. Человек пять-шесть, кто сможет перекричать и деморализовать самозванного лидера.

— Как мы можем на свободном острове насильно удерживать людей? — спросил Марк.

— Они потом в своих блогах такого понапишут! — кинулась на поддержку любимому Юлиана. — Не дали свою волю изъяснить, сталинизм, репрессии, позор!

Но Максимус отрезал:

— Татьяна права. Готовим черный список. Десять человек самых проблемных. И подбираем людей, чтобы во время референдума их уладили, если вдруг что.

Таню похвалил:

— Молодец.

— Может, позвольте хоть на прогулку выйти? — не растерялась девушка.

Но босс лишь усмехнулся:

— Успеешь.

«Валерочка, наверное, совсем с ума сходит, — переживала Татьяна. — И образцы, конечно, пропали...»

Уже почти две недели она полностью оторвана от внешнего мира — короткий разговор с автоответчиком в кабинете Марка за контакт можно не считать.

Однако нельзя сказать, что Таня была в отчаянии. Работа, любая, для нее всегда — лучшее лекарство. А тут — проект, пусть и спорный, но действительно уникальный. Его ведь можно на Матуа обкатать и потом использовать не только во зло, но и во благо! Принять, например, народным голосованием закон, чтобы молодежь старикам обязательно помогала. Или чтобы за матерные слова или мусор на улице — огромный штраф.

А еще радовало, что дни напролет рядом с нею был Максимус.

Он очаровывал девушку все сильнее. Пусть никаких поползновений властитель не делал — одного его присутствия хватало. Его кратких, жестких, емких реплик. Его мимолетного взгляда.

«Стокгольмский синдром, — подсмеивалась над собой Татьяна. — Человек унизил меня, посадил под арест, но я его только еще больше хочу».

Пожалуй, она бы навсегда осталась на Матуа, помани ее Максимус

хотя бы кончиком пальца.

Но босс был полностью захвачен проектом.

«Ладно. Подождем, когда референдум пройдет», — решила Садовникова.

И вот великий день настал.

Возможностей разгонять тучи на острове не было, но погода благоволила их начинанию. Ветер, вечный мучитель, бушевал где-то далеко в океане, небо золотилось солнцем.

С пяти утра персонал под контролем команды носился как сумасшедший. На центральной площади устанавливали тенты, под ними — столы и стулья. Кафе, магазины и бар мобилизовали делать фуршет — бессчетное количество тартелеток, канапе, искусно нарезанных овощей и фруктов. И, конечно, очень много выпивки. Бесплатной.

Никаких «дней тишины» накануне, конечно, не объявлялось, и наглядная агитация достигла пика. По всему острову разместили щиты с лучшими фотографиями Дэвида Гамильтона^[25]. На центральной площади установили большой экран — по нему собирались крутить в беззвучном режиме «Лолиту» Стэнли Кубрика и французско-американскую экранизацию 1997 года с Джереми Айронсом и Доминик Суэйн. Подростки с Матуа приготовили концерт — все очень целомудренно. Двое, мальчик и девочка, поют «I will always love you», другая пара танцует танго.

Главный полицейский Виктор Андреевич, злой как черт, тоже начал рабочий день на заре. Вместе со своими дружинниками отправился по адресам *несогласных*. Таня краем уха слышала установку, которую давал ему Максимус:

— Не бить. Наручниками к батарее и рот заткнуть, чтобы не орали.

Первым, к кому отправились, оказался отец Марьяны. От Тани старались скрывать, что происходит на Матуа, но накануне она подслушала: Марк жаловался Юлиане, что мужчина «совсем спятил. Цепляется ко всем, у кого есть дети, пророчит: ваших, мол, скоро тоже изнасилуют и убьют».

«Хороша демократия на райском острове!»

Но Таня — пожалуй, больше всех из команды — очень хотела, чтобы референдум прошел без сучка без задоринки, поэтому быстренько приглушила в себе критическое начало. Пусть новый закон благополучно примут. Иначе сидеть ей затворницей в особняке Марка до скончания века.

Начало референдума было назначено на девять утра, но Садовникова не сомневалась: ленивые островитяне начнут подтягиваться к полудню, не раньше. Однако ошиблась: уже в десять ко всем столам змеились

небольшие очереди.

Народ изъяснял волю с огоньком, с настроением.

К Тане подбежала жена олигарха Мила, панибратски хлопнула по плечу, упрекнула:

— Чего тебя не видеть? Сегодня обязательно приходи в бар, отмечать будем!

— Чего?

— Как чего? Новый закон. Нормально придумали. Давно надо было. У меня первый мужик во столько и был. — Мила пьяно расхохоталась.

— Ты говорила, что девственницей замуж вышла, — не преминула уколоть Садовникова.

— Ну, ты ведь меня не выдашь?

«Твой супруг давно обо всем догадался».

Разводить дискуссию Татьяна не стала. Кивнула:

— Не выдам. — И осторожно спросила: — Но ты правда одобряешь закон?

— Конечно! Пусть детки лучше официально спят, чем со скалы прыгать, — горячо произнесла Мила. И повторила — явно с чужих слов: — Нельзя препятствовать любви!

«Да. Наша команда поработала неплохо», — с иронией подумала Таня.

Были и те, на чьих лицах читалось сомнение. Мэр Филипп Борисович стоял над своим листом минуты две, лицо несчастное. И лишь когда его поторопили из конца очереди, царапнул закорючку — подпись. Толстая Людмила Борисовна (когда-то она выступала против постановки «Ромео и Джульетты») что-то жарко обсуждала с пожилой женщиной — той самой, кого оштрафовали за плевков на асфальт. Может, назревает хотя бы подобие бунта? Но Садовникова прошла мимо и услышала обрывок фразы:

— Никуда не денешься. Все равно придется подписывать.

К пяти вечера все было кончено. В отличие от России, где добрая половина граждан на выборы просто не является, здесь проголосовали почти как в Советском Союзе — девяносто шесть процентов жителей. Не явились лишь те, кто получил «пряники» — бесплатные туристические поездки на уик-энд, а также десять потенциальных возмутителей спокойствия — эти банально не смогли выбраться из дому.

Итоги подвели быстро.

Результат Татьяну поразил.

Из четырех тысяч двухсот восьмидесяти дееспособных человек против проголосовал один-единственный.

— Кто же этот смельчак? — недобро улыбнулась Юлиана.

— Профессор Кикин, — сообщил Марк.

Максимус — чрезвычайно довольный результатами — усмехнулся:

— Ладно, ему простим. *Гений* вправе иметь собственное мнение.

— Вы, кстати, мне кое-что обещали, — немедленно напомнила Татьяна.

Максимус обернулся к ней.

— Я помню. Ты свободна. Можешь возвращаться в свою конурку. Или останешься у Марка? — весело подмигнул.

— Спасибо, нет, — поспешно отказалась Татьяна. — Не хочу расстраивать Юлиану.

Пиарщица бросила на коллегу победительный взгляд и уверенно положила руку Марку пониже спины. Юноша смущенно улыбнулся. Таня отвернулась от парочки, снова обратилась к Максимусу:

— Но вы мне еще кое-что должны.

Тот отмахнулся:

— Премию тебе Марк выдаст.

— А что насчет инъекции красоты?

— А, это... Я подумаю.

— Но вы сказали... если референдум пройдет удачно...

— Я подумаю, Таня, — понизил тон до ледяного. — Не надо меня торопить.

— Я-то считала: олигарх сказал — олигарх сделал, — не сдавалась она.

Максимус небрежно потрепал ее по щеке:

— Ты слишком настырна. Это тебе вредит.

И больше за весь вечер, пока праздновали, ни слова не сказал.

В десять Таня с удовольствием покинула изрядно надоевший особняк Марка и даже «тук-тук» вызывать не стала — бегом помчалась к себе на выселки. Ну и пусть чемодан со всеми вещами пока в чужом доме — ей не терпелось остаться одной. Наконец на своей (пусть и условно) территории.

Ворвалась в почти родной скворечник, сразу отметила: ни пылинки. В холодильнике — свежие фрукты, сыр, вино. Садовникова включила свет на участке и прогулочным шагом (хотя кому здесь было за ней подсматривать?) вышла во двор. Проследовала в его дальний угол. Груда полусгнивших пальмовых листьев выглядела нетронутой. Таня присела на корточки, погрузила руки в колючие ветки — пусто. Дождем, что ли, прибило тайник? Уже не маскируясь, расшвыряла пальмовые останки. Ничего. Пакет с термосом и флешкой исчез.

Садовникова схватила какую-то щепку, начала расковыривать землю.

Может, в суете того давнего дня она забыла? И не просто спрятала, но закопала свои сокровища?

Выкопала приличную яму. Пусто. Только омерзительные жирные черви смотрят с укором.

Дьявол!

В *хороший* вариант Таня верила с трудом.

Куда более вероятно, что Виктор Андреевич с приспешниками в ее отсутствие тщательно все обыскал. Нашел тайник, предъявил его Максимусу. Но тот приказал до конца референдума никаких мер не принимать. А сейчас Татьяна им больше не нужна. Поэтому шеф на вечернем торжестве был холоден, почти груб. Она больше не фаворит — изгой. Сильные мира сего обсуждают, каким способом с ней лучше покончить.

«Бежать мне надо отсюда, пока цела!» — в отчаянии подумала девушка.

Вернулась в дом. Смыла с рук землю. Достала мобильник — как всегда, мертвый. Включила компьютер — связи с Интернетом нет. Сняла трубку городского. Гудок жизнерадостный, но сразу после кода России или кода острова Пасхи сменяется на противное коротенькое пипиканье.

«Что за глупость я сделала! Все силы отдала, всю душу вложила в этот их референдум! А теперь меня еще грохнут, как нежелательного свидетеля».

Закрылась на все засовы, но спала отвратительно. Все время чудилось: чьи-то злые, холодные, сильные руки тянутся к ее шее.

Пробудилась рано, с больной головой вышла на террасу и опешила.

На рейде, в полукилометре от Матуа, стоял корабль. «Подруга Робинзона». Тот самый, который не так давно привез ее сюда. К нему шустро спешил островной катерок.

«Может, мне удастся сбежать?» — загорелась Татьяна.

Уже никакой премии не надо и никакой инъекции. Она безо всякого эликсира пока красива и молода.

Но как лучше поступить? Броситься к Максимусу — и уехать с его позволения, официально? Или попробовать пробраться на корабль тайно?

Сможет она проплыть пятьсот метров в холодной воде? Наверное. Но что будет, если ее увидят с берега? А главное — примут ли «нелегального эмигранта» на корабле? Таня помнила: капитан с командой перед властями острова откровенно стелются. Отношений портить не хотят.

Швырнут в катерок — и обратно на Матуа доставят. Или вообще утопят.

Что еще можно придумать?!

Она вспомнила: во время стоянки на берег выпускают команду — развезаться. Не всех — по приезду она видела, что на островплыли человек десять в корабельной форме.

Попробовать найти союзника среди них? Чтобы помог забраться на корабль и спрятал? Вряд ли кто-то рискнет, но других путей мозг (перегруженный за последнюю неделю) придумать не смог.

Таня натянула спортивный костюм и побежала вниз, к пристани.

Оказалась у пирса ровно в тот момент, когда вернувшийся катерок швартовался.

Таня на всякий случай укрылась за не снятым пока щитом с фотографией Дэвида Гамильтона. И в изумлении увидела: в плавсредстве на почетном месте восседает Максимус. Собственной персоной. А рядом с ним — смущенная и явно перепуганная девчонка лет двенадцати. Светлые волосы собраны в хвост, вместо груди — пупырышки, едва видные под свободной майкой. Рука властителя уверенно лежит на девичьем плече. Малышка не сопротивляется, не пытается убежать. С любопытством разглядывает остров, на Максимуса смотрит со страхом и восторгом. Похоже, понимает и смирилась с тем, что ее ждет — но изрядно предстоящего боится.

Вот, значит, как! Пока было нельзя, ты себе красоток из Голливуда выписывал. К ней, Татьяне, подкатывался — пусть и без особого задора. Но едва закон приняли — сразу открыл истинную личину!

Педофил ты, Максимус! Хронический педофил, и больше никто!

А все красивые слова про единственную роковую ошибку, мóрок и сумасшедшую любовь — наглое вранье.

Как лев, если попробовал человечины, больше не остановится, так и Максимус — всегда спал с малявками. Раньше тайно. Теперь будет легально.

«А как же я?» — пробормотала Таня.

Голова кружилась, девушка вцепилась в край плаката. И боковым зрением увидела: совсем рядом, за фонарем, тоже прячется мужчина. Седые встрепанные волосы, слегка безумный взгляд. Марьяшкин отец.

Тане стало безумно стыдно. Она ведь даже слов соболезнования несчастному не сказала! И сама предложила, чтобы в день голосования кипящего праведным гневом отца приковали наручниками к батарее.

Мужчина увидел ее. Взглянул с ненавистью. Выговорил с отвращением:

— Добилась своего? Рада? — И горько добавил: — А Марьяшка моя

тебя своей подружкой считала.

— Но я ни в чем не виновата! — Девушка сама не понимала, что лепечет.

Мужчина отвернулся. Плюнул. Садовникова готова была провалиться сквозь землю.

Катерок причалил. Трап скинули мгновенно. Максимус встал. Подтолкнул свою юную спутницу к выходу. Девочка втянула голову в плечи, спустилась на пирс. Властитель решительно ее обнял — малявка еле доставала ему до середины груди. Пара погрузилась в представительский автомобиль и немедленно отбыла.

А корабль дал прощальный гудок и начал поднимать якорь.

Таня мгновенно забыла про несчастного отца. Бросилась к служителю-мексиканцу, охранявшему вход на пирс:

— Почему он уходит?

— Никаких грузов нет. Господин Максимус позволил отплыть по усмотрению капитана.

Садовникова в отчаянии смотрела, как судно разворачивается. Берет курс прочь от Матуа. К нормальной жизни. К свободе.

И больше на рейде ни единого корабля.

Отец Марьяны продолжал стоять у фонаря. Бормотал:

— А потом ему новую привезут! И еще одну... А моя дочь мертва. Навсегда.

Глаза — полностью сумасшедшие.

С фотографии Дэвида Гамильтона Тане робко улыбалась красивая девочка с обнаженной грудью. Другая малявка сейчас, наверное, уже входила в спальню к богатому, всевластному, пятидесятидвухлетнему мужчине.

Таню мучили одновременно страх и раскаяние.

Она бросилась домой.

Дверь оказалась заперта, однако чемодан стоял в коридоре. Уже пустой. Одежда оказалась аккуратно развешана в шкафу, косметика ровными рядками расставлена на комод, туалетные принадлежности — в ванной.

Когда ее придут убивать, даже дом штурмовать не понадобится. Они просто отпрут дверь своим ключом.

Таню охватило настолько всепоглощающее отчаяние, что она прямо в коридоре опустилась на пол и зарыдала.

Наревестись вдоволь не дал входной звонок.

Хотя бы видимость хороших манер создают — сами не врываются.

Отчаяние сменилось полным равнодушием.

Даже не стала смотреть кто и слезы не вытерла — распахнула дверь.

Ранее

Валерий Петрович начал волноваться сразу, как только Татьяна прислала веселую эсэмэску из Вальпараисо: *«Долетела прекрасно. Очаровательный попутчик, отличное шампанское. Продолжаю путь к приключениям!»*

Прежде падчерица всегда жаловалась, что в бизнес-классе летают сплошь самовлюбленные зануды. И почти не пила в самолетах спиртное.

Валерий Петрович постоянно убеждал себя, что Матуа — безопасный цивилизованный остров. У Тани имеется официальный контракт. Обещалась постоянная связь — по телефону и через Интернет.

Но подспудно новая работа падчерицы полковника очень беспокоила.

Якобы случайный Танин попутчик еще больше подлил масла в огонь.

Позвонить падчерице, пока она еще не села на корабль?

Таня беззаботно отозвалась:

— Да я все выяснила. Шпиона Демьян подослал.

А вот это очень интересно.

Хедхантера падчерицы Валерий Петрович знал — Танюшка однажды приводила. Вместе праздновали очередную ступеньку в ее карьере.

Ходасевич позвонил в агентство, где работал парень, и пригласил его на кулебяку.

Демьян взволновался, пытался отказываться, но полковник настоял. Тощий хедхантер налопался до отрыжки, выпил литрашку пива и покался: Пита действительно подослал он. Назвал две фамилии парня — бывшую и нынешнюю, слил адрес и телефон. «Петька просто помешался на Матуа. Ну я и подумал: вдруг ваша Таня ему чем поможет?»

Тем же вечером Валерий Петрович полез в Интернет искать информацию о загадочном Петре Дончеве. В первом приближении выходило: талантливый фотограф, обаяшка, авантюрист.

Ходасевич запросил у бывших коллег досье. Оно, разумеется, имелось. Ненавидит правительство. Президента критикует. Резко против присоединения Крыма. Регулярно превышает скорость, пару раз обгонял по встречной. Налоги за прошлый год недоплатил. Нормальный, похоже, парень.

Валерий Петрович догадывался, что Татьяна, если узнает, взовьется. Но на следующий день позвонил Петру. Тот вначале опешил:

— Отчим? Татьяны? Но мы ничего... Мы просто летели вместе!

— Меня интересует другое. Остров Матуа.

— О-о, тут я много могу рассказать, — оживился парень. — Давайте вам по скайпу перезвоню, а то оба разоримся.

Перезвонил сразу. Проговорили часа два. Пит щедро сливал информацию, Ходасевич делал заметки. Когда рассказывал, как его выдворяли с острова, полковник удивился:

— Мне Таня говорила — Матуа абсолютно открыт.

— Они всем так говорят. Но попробуйте сейчас к ней в гости попроситься — откажут. Придумают, к чему придраться. А вы хотите поехать?

Нет, Валерий Петрович пока не настолько нервничал, чтобы срываться на Матуа. Тем более падчерица регулярно слала ему электронные письма. Но когда — спустя пару недель после Таниного отъезда — с островом пропала связь, Ходасевич снова позвонил Питу.

Тот сообщил:

— У них всегда сеть вырубают, если какое-то чепе.

— Зачем?

— Чтоб местные в своих блогах тему трепать не могли.

— А как узнать, что случилось?

— Никак. Через неделю корабль в Вальпараисо пойдет, если заберет кого-то из местных — они расскажут.

— Оперативно, — усмехнулся полковник.

— А может, никого и не заберет. Но вы не волнуйтесь. Они ведь не совсем от мира отрезаны. Просто письма электронные перлюстрируют. И только потом пересылают. Так что Таня вам обязательно напишет.

И точно, на следующий день явилось внешне веселое послание падчерицы. А в нем — кодовое слово. Опасность.

К этому времени Ходасевич уже успел поработать с множеством разных источников, более подробно изучил биографию Максимуса, ознакомился с направлением последних исследований профессора Кикина и теперь себе локти кусал, что не сделал этого раньше.

Нужно вытаскивать Татьяну с острова. Пока не случилось беды.

К счастью, Пит развил бурную деятельность. Очень скоро позвонил, доложил:

— Я выяснил. На Матуа несчастный случай. Девочка со скалы сорвалась. Насмерть.

— Зачем из-за этого отключать Интернет?

— Максимус не хочет, чтобы прознали журналисты.

Но его Татьяну — отчим знал — запреты лишь раззадоривают.

Что делать? Лететь ей на выручку? Но куда?

На Матуа не попасть, остров Пасхи далеко, а главное — бессмысленно. Что он сможет сделать — оттуда?

Приходилось полагаться на Пита.

Ходасевич отправил падчерице тщательно продуманный ответ. А потом позвонил парню:

— Петр, я вас прошу, будьте настороже. Очень вероятно, что Таня вас попросит о помощи.

Подспудно боялся, что мальчишка открестится: мол, как я могу ей помочь?

Но молодой фотограф отозвался решительно:

— Сделаю, что могу.

И Валерий Петрович выдал ему указания: с телефоном не расставаться. Электронную почту просматривать, автоответчик прослушивать постоянно.

— Как она мне позвонит? — вздохнул парень. — Если связь вырубили, то на всем острове. А спутниковые телефоны — только у их главарей.

— Значит, Таня до них доберется, — заверил Ходасевич.

И не ошибся.

Тем же вечером взволнованный Пит перезвонил полковнику по скайпу. Включил Танино торопливое сообщение. Полковник услышал перепуганный голосок падчерицы, и у него защемило сердце.

Фотограф, к счастью, разделял его тревоги. Решительно заявил:

— Я доберусь до Матуа и вытащу ее оттуда.

Валерий Петрович вздохнул:

— Нет, Петр. В одиночку такую спецоперацию вам не провести. И помочь я, увы, не могу. Матуа — это и не Чили, и не Россия. Спецназ туда никак не отправишь.

— Что тогда делать?

— Выполнять ее поручение. Вы сможете проникнуть на остров и забрать посылку?

Не колебался ни секунды.

— Да.

— Как?

— Вопрос финансов. И определенной доли везения.

— Я сейчас позвоню в свой банк и сниму все, что есть на счету.

— С ума сошли? — хмыкнул парень. — Я успешный фотограф с отличной зарплатой. С пенсионеров денег не беру.

— Пожалуйста, будь осторожен, — попросил Валерий Петрович.

— А чего бояться? Пограничников у них, к счастью, нет, — беспечно отозвался Пит.

И день спустя отзвонился:

— Привез. Там термос. В нем предметные стекла. Еще контейнеры — в них жижка, типа крови. Флешка. На ней фотографии. Я посмотрел — жуть берет. Если их сделала Таня, она настоящая Мата Хари.

— Она маленькая испуганная глупышка, — вздохнул полковник. И потребовал: — Фотографии высылай. А образцы пока положи в холодильник.

— Похоже, в контейнерах кровь и сперма. Насколько я знаю, они портятся через сорок восемь часов.

— Выхода нет. Отправлять их в Россию, через все таможни, слишком хлопотно. На острове Пасхи должна быть судебно-медицинская лаборатория. Попробую с ними договориться.

Наши дни. Остров Матуа

На крыльце оказалось пусто. Девушка в растерянности огляделась. И вдруг услышала громкий шепот:

— Таня! Иди сюда!

Обернулась. В крошечном садике, за невысокой банановой пальмой, мужская фигура. В черном. На корточках. Лица не разглядеть, но что-то неуловимо знакомое. Родное и совсем не страшное.

Бросилась к незваному гостю и обомлела:

— Пит, боже мой! Ты как сюда попал?!

Он ее коротко обнял. Выдохнул с облегчением:

— Жива.

И только потом ответил:

— На «Подруге Робинзона». Дальше вплавь. Счастье, что у вас нет береговой охраны.

— Но как ты узнал, где я живу?

— Я тут уже был.

Он постарался произнести перепуганным девичьим голосом:

— Пальмовая улица, дом семьдесят. Там еще сад, ищи, короче, во дворе, под ветками пальмовыми!

Садовникова просияла:

— А я боялась, ты автоответчик не слушаешь.

— С недавних пор слушаю.

— Ох, какое счастье! Где образцы?

— В лаборатории острова Пасхи. Фотографии — у твоего отчима.

— Ты гений! А как мы отсюда выберемся?
— Вечером придет скоростной катер. Якорь бросит за полтора километра, чтоб не спалиться. Гидрокостюм — и вперед. Выдержишь?
— Постараюсь. А вечером — это во сколько?
— В семь. Когда стемнеет.
— Куча времени! — счастливо улыбнулась она. — Пойдем пока кофейку выпьем! Или даже вина!

* * *

В это же самое время отец Марьяны вернулся домой и отпер сейф. Хранить оружие под замком на Матуа не обязывали, но привычка еще с Большой земли сохранилась. Лучше побережься, особенно когда у тебя детки бедовые. Были детки, теперь остался только сын...

Дочка никогда не жаловалась на Максимуса. Но отец-то видел, когда сталкивались на спектаклях и концертах, насколько властитель всегда был мил с его девочкой. Излишне, избыточно, подозрительно мил.

Но отец уважал этого сильного, уверенного в себе человека. Представить себе не мог, чтобы тот убил его дочь. Поверил: с Марьяшкой произошел несчастный случай.

Только едва минуло девять дней — власти устроили референдум. На костях дочери приняли безумный, дикий для любого здравомыслящего человека закон. Его самого унизили, избили, заперли в доме.

А сегодня «постановление партии и правительства» начали исполнять. Главный босс не постеснялся в открытую появиться с малолеткой.

Мерзость! И еще отвратительней, что все остальные с происходящим смирились.

Отец понимал: за убийство великого Максимуса его порвут на куски. Но зачем ему было жить без любимой дочери?

* * *

Дом Максимуса стоял на возвышении. Периметр патрулировали двое охранников, забор щерился глазками видеокамер. Штурмовать крепость бессмысленно. Однако на остров — в свои владения! — властитель-демократ частенько выходил без охраны. Считал, что преданные подданные волосу с его головы упасть не позволят.

Чаще всего Максимус выезжал в открытом «Мерседесе». Иногда пользовался электромобилем. Совсем редко прогуливался пешком.

Отец понимал: охота может продлиться долго. Но он ходил и на медведя, и на сафари. Потому всегда ценил прелесть, когда удавалось после суток, двух, трех утомительной засады наконец добыть дичь.

Однако сегодня ему повезло несказанно. Ждать пришлось всего пару часов, и в районе полудня Максимус в легком льняном костюме вышел из ворот. Один. Без машины. Лицо наглое, счастливое. Удовлетворенное.

Улицы, как всегда днем, пусты. Отец ждал, что властитель отправится вниз, к центру, однако тот неожиданно свернул на неприметную боковую улочку. «Куда он идет?» — удивился мужчина. И осторожно, на приличной дистанции, отправился следом.

* * *

Входная дверь открылась без стука. Таня не успела даже испугаться. Но Пит (случалось, видно, попадать в ситуации, когда «вернулся муж из командировки») среагировал мгновенно. На цыпочках бросился в спальню.

А в гостиную поступью царя вошел Максимус.

— Здравствуйте, — растерянно пролепетала Татьяна.

Великий человек снисходительно улыбнулся:

— Привет.

С видом хозяина сел в самое удобное кресло. Спросил:

— У тебя ватные диски есть?

— Э... да.

— Тащи. И еще водку или лосьон на спирту.

— Но зачем? — захлопала глазами она.

— Как зачем? Олигарх сказал — олигарх сделал.

Он достал из внутреннего кармана непрозрачный пакетик. Извлек из него фабрично запаянный шприц — внутри плескалась бесцветная жидкость. Анонсировал:

— Одна инъекция — и тебе снова восемнадцать. Готова?

Неужели все обошлось? Он ни в чем ее не заподозрил?! И сейчас обратит в юную красавицу?

— Давай быстрее! — поторопил. — Инъекция внутривенная, но я готовился в том числе в медицинский. Будет совсем не больно.

— И я буду выглядеть, как вы?

— Ты будешь выглядеть гораздо лучше.

Что-то беспокоило Таню.
В лице Максимуса.
В зловещей тишине дома.
Пит, несомненно, подслушивает. Как он себя поведет? Вдруг решит, что ее надо спасать?!

— Сейчас я диски принесу. — Таня кинулась в спальню.
Зашипела фотографу:
— Сиди тихо, все под контролем!

Сгоняла на кухню, достала из холодильника водку. Вновь вернулась в гостиную, упрекнула властителя:
— Могли бы одноразовые спиртовые салфетки купить.
— Прости, — кротко отозвался тот. — Не предусмотрел.

Таня, несмотря ни на что, вновь залюбовалась его безупречно молодым лицом.

Села рядом. Протянула руку. Максимус, бережно и твердо, протер изгиб ее локтя дезинфицирующим тампоном. И только в тот момент, когда игла вонзилась в кожу, Татьяна вспомнила:

Частички печени младенца нужно обязательно смешать с собственной кровью пациента.

Но она никакую кровь не сдавала!
Он ее обманывает! Или — убивает?
Таня резко дернулась.
А в следующую секунду раздался выстрел.

* * *

Что было дальше — отложилось в голове обломками мозаики. Звон стекла, грохот мебели. В гостиную врывается Пит. Тело Максимуса с окровавленной головой падает на пол. Шприц отлетает, его игла утыкается в щель между плитками.

Пит бросается к разбитому окну, кричит:
— Я его вижу!
И вспрыгивает на подоконник.
Герой обязан догнать «плохого парня». Как в кино, все справедливо.
Но Таня стонет:
— Не надо! Пусть уходит!
Он оборачивается:
— Но тогда обвинят нас!

— Нам в любом случае крышка. А так ты засветишься.
Фигура убийцы исчезает в перспективе улицы.
Пит не спорит. Отходит от окна.
С любопытством смотрит на мертвого Максимуса:
— Это и есть ваш знаменитый босс?
— Да.
— Ты знаешь, кто его убил?
— Могли как минимум десять человек. Нет, даже больше. Не все здесь превозносили короля-солнце.
— А что в шприце?
— Максимус обещал мне эликсир молодости. Но я думаю, там был яд.
Так что спасибо тебе, дорогой убийца.
Таня молитвенно складывает руки и напряженно прислушивается к себе. Вдруг жидкость попала в кровь? И на нее сейчас нападет страшная жажда? Невыносимая резь в животе? Краски поблекнут?
Шприц, правда, почти полон. Таня хватает его, насаживает на иглу колпачок, сует в карман.
Пит подсказывает:
— Паспорт. Деньги. И максимум килограмм самого дорогого.
Сборы занимают минуту.
Выстрел прозвучал громко даже для Матуа, равнодушного ко всему и ко всем. Но на улице — тишина. Полиция безмолвствует. Соседи притворяются глухими.
— Бегом! — командует Таня.
Умчаться на дальний заброшенный пляж. Там хотя бы можно будет повилиять. Поиграть в голодные игры.
Пока их обступают дома, Пит бежит молча. Но едва выбегает в поле, командует:
— Стой!
Где-то далеко раздается давно забытый вой полицейских сирен. Таня вздрагивает, затравленно оборачивается.
Пит достает из кармана спутниковый телефон. Гордо говорит:
— Хорошо всегда иметь запасной вариант.
Набирает номер. Отдает короткую команду на неведомом языке. Жмет на «отбой». Улыбается:
— Ну, показывай свою прекрасную фигуру.
Снимает с плеч рюкзак, подает ей гидрокостюм.
— Мы будем до вечера сидеть в воде? — ужасается Таня. — Там ведь акулы!

— Будем отпугивать их. Свистеть в свисток. — Голос его серьезен, но глаза улыбаются.

Когда полицейская машина вылетела на набережную, они уже успели отплыть метров на триста. Стрелять по ним не стали.

А навстречу Тане и Питу уже спешил скоростной катер.

* * *

Таню еще в детстве поразил альбом с каменными истуканами острова Пасхи. Но доехать до края света все не получалось.

А тут — будто Якоб Роггевен^[26] — на корабле приплыла!

Пит упоминал, что сам снимает у местных жителей скромное бунгало, но ее привез в пафосный отель «Explora Rapa Nui».

Пока ехали, сообщил:

— У тебя все включено. В том числе экскурсии. Ты больше как любишь — гидов или побродить?

— А смысл в гидах? Про остров Пасхи — ни единого доказанного факта. То ли Лемурия, то ли Атлантида. Письменность не расшифрована. Откуда взялись истуканы весом в пятьдесят тонн — непонятно. Я думаю, здесь должны быть инопланетяне.

— Я не видел. Но, если ты хочешь, поищем.

— Хотя нет, — вздохнула она. — Больше всего я хочу домой.

— Тогда с утра съездим на пляж Анакена — там вода меняет цвет несколько раз в день. Потом короткая экскурсия, а вечером можно будет вылететь в Чили.

— А у тебя остались связи в местной лаборатории?

— Зачем?

— Хочу знать, что там. — Таня вынула из кармана шприц.

— Лично у меня связей нет. Но я опять прикроюсь именем полковника Ходасевича. Кто он у тебя такой? Даже на острове Пасхи человека знают!

— Да так. Обычный пенсионер, — улыбнулась Татьяна.

* * *

Когда вернулись с экскурсии по острову Пасхи, Таня позвонила Анжеле.

Все ее вещи остались на Матуа. И хотя Пит заверил, что в состоянии

купить ей решительно все, что нужно, девушке жаль было терять огромный баул нарядов, косметики, редких пособий по рекламе.

Мобильник Анжелы не отвечал. Но по городскому телефону отозвалась:

— Ой, Танька! С ума сойти! Зачем ты Максимуса замочила?!

— Я?

— А кто ж еще? Труп в твоём доме нашли!

— Я этого не делала. Стреляли через окно.

— Чего сбежала тогда?

— На всякий случай, — усмехнулась Таня.

— Но ты точно не убивала?

— Где я оружие возьму?

— Тогда, значит, отец Марьянкин, — легко переменяла точку зрения Анжела. — Или даже Кикин мой. По идейным соображениям. Он все зудит, что закон бредовый и мы все овцы-бараны.

— А преступника не поймали?

— Наши полицаи ищут, — с крайним пренебрежением отозвалась художница.

— Чего там у вас вообще творится?

— Дурдом полный. Траур, черные флаги развесили. Наш мэр — можешь себе представить! — ходит в сосиску пьяный. Раньше-то почти правильный был, а сегодня вообще дошел — в канаве валялся. Его вынуть хотят, он бормочет: «Не трогайте. Я свинья». А новый главварь теперь Марк. Пацаненок. Можешь себе представить?

— Когда вы его выбрать успели?

— Не выбирали мы! Максимус такое завещание оставил!

— Хороша у вас демократия.

— Да ладно, какая разница, кто на троне сидит!

— Слушай, а ты можешь мои вещи выслать?

— Сорри, — хмыкнула художница. — Никак. Все куда-то вывезли на пикапе, дом заперт. Я могла бы спросить, но мой Кикин злой как черт. Велит мне, чтобы тихо сидела.

— Ладно, — вздохнула Таня. — Сиди тогда тихо. А можешь хотя бы узнать, как там Джеф?

— Это еще кто?

— Медбрат в вашей больнице. Афроамериканец.

— Ах, ты, значит, еще и с ним развлекалась! — возликовала Анжела. — А мне не призналась! Видела я его. Вчера. Печальный такой ходит!

«Ходит — значит, все хорошо».

И Таня задала последний вопрос:

— Слушай. А когда вы свое чудо-лекарство запатентуете?

— Не знаю, — сразу погрузилась художница. — Профессор боится. Там куча побочных обнаружилась. — Понижила голос: — У Максимуса, оказывается, еще два года назад канцер начался. Химиотерапию делали. А он все равно продолжал пить таблетки и эликсир себе колоть. Ну и доигрался — от стадии нуль до третьей. Кто на такое средство патент даст?

— Жаль, — искренне расстроилась Татьяна. — Я так хотела омолодиться.

— А по-моему, лучше быть старушкой, чем от рака умереть, — с жаром прокомментировала Анжела.

И шумно прихлебнула.

— Что пьешь? — поинтересовалась Садовникова.

— Виношко.

— Без рома?

— С ним, — виновато вздохнула. — И бегать я перестала. — Хихикнула. — Совсем пропадаем тут без тебя.

— Я все равно бы ничего не изменила, — уверенно произнесла Татьяна. — Человек должен сам решать, как свою жизнь строить. И социальная реклама тут не поможет. Бросай свой Матуа. Приезжай в Москву. Я тебе выставку организую.

— В Москву, в ваши холода, пробки? Да что я, больная? — возмутилась художница.

— Ну, тогда счастливо оставаться, — попрощалась Таня.

* * *

В московском аэропорту Пит, джентльмен, предложил ее проводить. Но Таня лишь плечами пожала:

— Зачем? Сама доеду.

Вошла в подъезд. Поднялась на лифте. Вошла в квартиру.

Одиночество, выверенный дизайн, серый день за окном. Будто и не уезжала.

Принять ванну? Заварить травяной чай? Пробежать кросс?

Нет, ни единая из привычных радостей больше не привлекала. Тихая квартира навеивала тоску. Одиночества она на Матуа хлебнула вдоволь. Да и вообще тяжело наедине с мыслями — после всего, что узнала и своими

руками натворила.

Позвонила Валерочке:

— Еда в самолете была ужасная. Подкормишь?

Отчим удивился:

— Танюшка! Я думал, ты спишь уже, после такого-то перелета.

— Не могу, — вздохнула она. — До сих пор внутри все дрожит.

— Тогда приезжай, конечно! — В голосе полковника зазвучала искренняя радость. — У меня сегодня рыбный день. Морально устаревший салат «Мимоза» и семга, запеченная в конвертиках из слоеного теста. Устроит?

— Конечно!

— Ты одна будешь?

— Ну, разумеется!

Обычно отчим не лез в ее личную жизнь (за то и обожала), но сегодня вдруг попросил:

— Пусть Пит тоже приедет.

— Зачем?

— Хочу ему спасибо сказать. За то, что из беды тебя вытащил. Да и еды все равно вдоволь.

— Валерочка! Ты еще меня за него сватать начни! — возмутилась Садовникова.

— А чем плох? — не смутился отчим. — Красивый, молодой, перспективный. В морскую пучину ради тебя сколько раз прыгал.

— Чувствую, вы тут без меня с мамой спелись, — с раздражением заметила Таня.

— Нет. Это мое личное мнение, — заверил Валерий Петрович. — С твоим характером рядом обязательно нужен человек, который будет тебя спасать. А я уже стар мотаться в дикие места вроде острова Пасхи.

— Ладно, — буркнула Таня. — Мы приедем вместе.

Позвонила Питу:

— Валера нас в гости зовет.

— Супер! — возликовал фотограф. И твердо произнес: — Ты только за руль не садись. Я сейчас такси на твой адрес вызову.

— Да что за глупости? Я не люблю такси.

— Нет, Таня! — жестко возразил мальчишка. — После почти суток в самолете сама ты вести машину не будешь.

«Вот это попала я в силки! — весело подумала Таня. — Ладно. Раз уж такси — возьму с собой шампанское французское. Побалую Валерочку».

С Питом словно сговорились — тот тоже притащил игристого, а еще

— огромный торт.

— Прямо хоть помолвку отмечай! — улыбнулся он.

Впрочем, сияющее лицо мигом померкло под мрачным Таниным взглядом.

— Давайте пока о другом, — примирительно произнес полковник. — Таня, хочу тебя похвалить. Образцы взяла грамотно, приложила все силы, чтобы их сохранить. Сроки упустили, конечно, но наука творит чудеса. Их удалось идентифицировать.

— И что?

— Сегодня я получил результаты экспертизы.

Валера сделал драматическую паузу:

— Марьяну изнасиловал господин Максимус.

— Не может быть! — ахнула Таня.

— Никаких сомнений.

— Минуточку, — вмешался Пит. — Как это можно доказать? В теле девочки была... его сперма?

— Да.

— Но такой анализ может быть только сравнительным. Вы господина Максимуса... э... самоудовлетвориться заставили? В пробирочку? Никогда не поверю.

— Не важно, какую именно биологическую жидкость анализировать, — пояснил Ходасевич. — В сперме содержатся те же антигены, что и в крови. У чилийца была третья группа крови. У насильника — редкая. Четвертая, отрицательный резус. Так что парень, которого мгновенно объявили преступником, сразу отпал.

— Хорошо, у меня тоже четвертая группа, отрицательный резус, — упорствовал фотограф. — Но я с Марьяной даже не был знаком.

— Но ты и на Матуа не был, — усмехнулся полковник. — А проверяли только тех, кто *действительно* там жил. Таковых — с четвертой группой и отрицательным резусом — не слишком много оказалось.

— Но кто мог их заставить сдать кровь на экспертизу?

— Никто. Профессор Кикин сам проявил сознательность и желание сотрудничать. Он ведь лабораторией на Матуа заведовал. Многое там хранил. Евгений Евгеньевич за свой счет доставил образцы биологических жидкостей на остров Пасхи. Но я еще до того, как стали проводить ПЦР, догадался.

— Как? — жадно спросила Татьяна.

— Я ведь сразу после твоего сигнала SOS прочно за биографию господина Максимуса взялся. Исходил из посылки: полномостный хозяин

острова вряд ли будет покрывать чужое зло. Скорее всего, он сам его творит.

Пошел «от печки». Быстро выяснил о гибели школьницы Лены. Поднял старое дело. Оно, правда, закрыто давно — за отсутствием доказательств, но отец бедняжки еще жив и в здравом уме. Я его нашел. Он рассказал мне: дочка позвонила за полчаса до смерти. Веселая, оживленная: «Ко мне сейчас любимый придет!» А вечером ему сообщают: девочка — якобы в депрессии — выпрыгнула из окна. Отец тогда официальной версии не принял. Сам стал до истины докапываться. Начал следить за господином педагогом и обнаружил: любимый дочкин учитель по парку с другой девочкой прогуливается. Тоже лет двенадцати. Сообщил в органы, требовал справедливости — не дождался. Максимус быстренько удрал за границу. Дело закрыли. Года два про блестящего педагога ничего не было слышно, а потом мои коллеги выяснили: он начал строить свое утопическое государство. Но пару раз в месяц стабильно летал в Мексику и Чили. Покупал юных проституток. И в Россию несколько раз наведывался. За тем же самым.

— И его ни разу не поймали?

— Три года назад здесь, в Москве, попал под подозрение. Школьница из Иванова, семиклассница Люся, приехала с городским драмкружком на гастроли в Москву и пропала. Родители подали в розыск. И обнаружилось, что дочка в подмосковном особняке господина Максимуса проживает. Всем, правда, довольна, заявление подавать не хотела. Рыдала, говорила, что любимый ей сногсшибательную карьеру обещал в модельном бизнесе. По идее, дело должны были возбудить все равно — ребенок глубоко несовершеннолетний. Но опять замяли. Максимус спешно улетел и больше в России не появлялся. Оказывается, придумал, как с помощью сына себя девочками на Матуа обеспечить. Дал Марку — выпускнику факультета политических технологий — приказ использовать методику Овертона. И малец послушно ринулся в бой.

— Но Овертон ничего не писал про убийства! — воскликнула Таня.

— Марк — талантливый парень, в отца пошел. Они с папой технологию усовершенствовали, перекроили. Думаю, дело было так. Максимусу Марьяна давно нравилась. Ты ведь сама говорила: девчонка удивительная, харизматичная. Возможно, твой босс пытался *по-хорошему* — растлить, соблазнить, но она его отшила. Я так понимаю, ей мальчики были по душе, а не старики, пусть и молодящиеся. Тогда хозяин острова стал сам — или велел кому-то — за ней присматривать. Узнал про чилийца. И разработал свой адский план. Приказал парню заманить Марьяну на

обрыв. Тот что-то наврал, девочка с ним пошла. Место уединенное, выстрела, криков не слышно. Чилийца Максимус убил сразу. А с Марьяной вдоволь натешился, прежде чем сбросить ее со скалы.

— Какой ужас... — пробормотала Таня.

— Потом еще свидетеля пришлось убирать — Мигеля, друга Хорхе.

— И он это все сделал своими руками? — недоверчиво спросил Пит.

— Возможно, ему помогали. Виктор Андреевич — тамошний полицейский главарь — далеко не рыцарь в белых перчатках. Мэр, хотя человек и неплохой, тоже полностью под влиянием Максимуса. Марк — исполнит любой отцовский приказ. Но точно мы никогда не узнаем. Остров только называет себя Россией. Но на самом деле это независимое государство. Наша страна не может вмешиваться в его дела.

— То есть они будут убивать, насиловать, творить, что хотят, безнаказанно?

— Можно надеяться только на их здравый смысл, — печально подытожил отчим.

— А что было в шприце, с которым ко мне Максимус пришел? — вспомнила Таня.

— Банальный клофелин. От такой дозы ты бы умерла мгновенно. Так что законов там действительно нет.

«Вот тебе. Получай! — зло подумала Татьяна. — Будешь знать, как влюбляться в подонков».

Отчим взглянул с сочувствием.

Пит решительно произнес:

— Но нам и не надо наставлять их на путь истинный. Таня, вон, уже попыталась. Пусть варятся в своем анклав. Творят, что хотят.

— Так не усидят ведь! — усмехнулся Ходасевич.

— Что вы имеете в виду?

— Технология Овертона прошла успешную апробацию на острове Матуа и двинулась в широкие массы. Благо заказчиков среди богатых и влиятельных людей хоть отбавляй. В том числе и в нашей стране.

— Ты о чем, Валерочка? — подключилась к разговору Татьяна.

— А вот смотрите.

Валерий Петрович извлек папку с вырезками и распечатками.

— Газета «Молодежные вести». Прямая линия с автором книги «Мне девять, и я в разводе», — прочитала первый заголовок Татьяна.

— Канал «Столичный». Круглый стол «Эфебофилия и творчество». Участвуют... ни фиги себе! Даже министр есть! — изумился Пит.

— Идет первая стадия, — прокомментировал Ходасевич. — На ней

общество приучают к мысли: «Почему бы и нет».

— А кто это делает? — тихо спросила Татьяна.

— Заказчика я не знаю. Кто исполнитель — не столь важно. Но ты сама убедилась, что технология работает. К моему глубочайшему сожалению.

Авторы горячо благодарят Сергея Аполицкого, преподавателя Финансового университета при правительстве РФ, за неоценимую помощь в работе над романом.

notes

СНОСКИ

Смотри об этом в романе А. и С. Литвиновых «Незримая связь».

2

Я могу вам помочь? (*англ., исп.*)

3

Я в порядке (*англ.*).

4

Помогите! (*исп.*)

Идите в каюту (*исп.*).

6

Что есть Орлов? (*англ.*)

7

Продолжайте (*англ.*).

Прочь! Прочь! (англ.)

Жди здесь (*англ.*).

Завтра (*исп.*).

Тяночка — милая, забавная, привлекательная девушка (*из сленга анимэ*).

Бове К. Л., Аренс В. Ф. — авторы фундаментального труда «Современная реклама»; Филип Котлер — профессор международного маркетинга Высшей школы менеджмента Дж. Л. Келлога при Северо-Западном университете США, автор множества книг по маркетингу; Дэвид Огилви — «патриарх» рекламы, автор афоризма «Если говорят о рекламе, это плохая реклама. Если говорят о товаре, это хорошая реклама».

Сергей Лисовский — считается пионером социальной и политической рекламы России, ныне — член Совета Федерации РФ.

Робер Делоне (1885–1941) — представитель ташизма, старался добиться максимального эффекта путем ритмичного пересечения красочных плоскостей.

Но это крепкий напиток, он содержит ром (*англ.*).

Официальное название «Ты не один». Песня из концертного альбома группы «ДДТ» «Черный пес Петербург». 1993 год.

То есть место, откуда открывается красивый вид.

Вы что-нибудь видели? (англ.)

Я нашел их здесь (*англ.*).

Мы все хотим знать правду! (*англ.*)

Привет, мой друг! (*англ.*)

Агафья Лыкова — известная сибирская отшельница из семьи старообрядцев-беспоповцев Лыковых. В настоящее время проживает в одиночестве в лесном массиве Абаканского хребта Западного Саяна.

Минутку, доктор, только сигаретку схвачу (*англ.*).

Она была девственницей! (англ.)

Дэвид Гамильтон (1933–2016) — известный английский фотограф, дизайнер и режиссер. Разделил общество на порицающий и одобряющий лагерь своими фотографиями частично и полностью обнаженных девочек-подростков. Покончил с собой в возрасте восьмидесяти трех лет.

Якоб Роггевен (1659–1729) — голландский исследователь и путешественник, открыл остров Пасхи в 1722 году.